ДЖЕННИ НИММО

ЧАРЛИ БОН

АЛЫЙ КОРОЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Приключения Чарли Бона продолжаются!

Одним зимним снежным утром Чарли Бон проснулся и обнаружил, что из города исчезли все звери — домашние любимцы его друзей: скворец Эммы, попугай Лизандра, Габриэлев выводок хомячков, кролики Оливии, глухая голубоглазая кошка Фиделио и Спринтер-Боб Бенджи. Что случилось, какие странные силы привели к исчезновению зверей и не имеет ли к этому отношение портрет Алого короля? И самое главное, найдет ли наконец Чарли Бон своего давно пропавшего отца?

- Дженни Ниммо
  - ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ
  - ПРОЛОГ
  - МЕРТВЫЙ ЧАС
  - ПРОПАВШИЕ ЖИВОТНЫЕ
  - ДЕВОЧКА В СОЛНЕЧНОЙ ОДЕЖДЕ
  - ВЕДЬМА С ДВОЙНОЙ ТЕНЬЮ
  - В ГЛУШЬ
  - ПУТЕШЕСТВЕННИК
  - СНЕЖНЫЙ ПЛЕН
  - ЗАМОРОЖЕННАЯ МЕЙЗИ
  - ЗАКОЛДОВАННАЯ ЭМИ
  - ОБЕД НА СТО ПЕРСОН
  - ЖУТКАЯ ПРАВДА
  - ДНЕВНИКИ БАРТОЛОМЬЮ
  - ПОДМЕНЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ
  - ТЕНЬ АТАКУЕТ
  - ОЛИВИЯ ВЫДАЕТ СЕБЯ
  - ЗЕРКАЛО АМОРЕТ
  - КОЛДУН И ОДАРЕННЫЕ
  - СОВА В ОПАСНОСТИ
  - КОРОЛЕВСКИЕ СЛЕЗЫ
  - ЛЕОПАРДЫ!

Дженни Ниммо
«Алый король»

ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ

Нерен Блур, приемная дочь Бартоломью Блура, умеет посылать сообщения на большие расстояния. Она — потомок внука Алого короля, захваченного пиратами и оказавшегося в Китае.

Аза Пик, оборотень. Происходит из дикого племени, некогда жившего в северных лесах и разводившего странноватых животных. На закате Аза умеет обращаться в зверя.

Билли Гриф, прекрасно ладит с животными и понимает их язык. Один из его предков разговаривал с грифами, которые садились на виселицы и питались мертвечиной, но за такой дар его изгнали из родной деревни.

Лизандр Вед, потомок африканского колдуна. Умеет вызывать духов своих предков.

Танкред Торссон, повелитель бурь. Его скандинавские предки были названы в честь бога-громовержца Тора. Танкред умеет вызывать бурю, гром, молнию, ветер и дождь.

Габриэль Муар, наделен даром чувствовать переживания владельца той или иной вещи, особенно одежды. Происходит из рода медиумов.

Эмма Толли, умеет летать. Она — дальний потомок испанского рыцаря из Толедо, дочь которого стала в свое время женой Алого короля. Таким образом, рыцарь из Толедо — общий предок всех одаренных детей.

Чарли Бон, обладает даром слышать голоса людей, изображенных на фотографиях и картинах. Его предками по отцу были Алый король, а по матери — Мейтонвей, уэльский мудрец и друг Алого короля.

Доркас Мор, способен заколдовать одежду. Ее прародительница, бессердечная Лола Дефарж, в 1793 году, во время революции во Франции, вязала шаль и с удовольствием наблюдала, как королеву Марию-Антуанетту везут на гильотину.

Идит и Инез, двойняшки, обладающие даром телекинеза. Дальние родственницы Зелды Добински, которая больше не учится в академии Блура.

Джошуа Тилпин, наделен даром магнетизма, то есть способностью притягивать людей и предметы. Его происхождение неведомо даже Блурам, поскольку в один прекрасный день Джошуа просто-напросто оказался у дверей академии и объявил, что будет здесь учиться. Деньги за его обучение вносит

неизвестное лицо.

Уна Комшарр, племянница мистера Комшарра. Уне всего пять лет, и ее дарования хранятся в тайне до той поры, пока полностью не разовьются.

Оливия Карусел, потомок Гуанхамары, бежавшей из замка Алого короля и вышедшей замуж за итальянского князя. Оливия — иллюзионистка, но о ее талантах никто из Блуров даже не догадывается.

Все таланты унаследованы от десяти детей Алого короля, мудрого короля, который в двенадцатом веке в сопровождении трех леопардов покинул Африку.

ПРОЛОГ

Алый король шел по лесу. Стояла осень, и листья сыпались с деревьев, словно золотые монеты. Король был высок ростом, уже немолод, но без седины в черных волосах и без морщин на смуглом лице, однако глаза его были такими печальными, как будто в них собралась вековая скорбь.

Рядом с королем шел Мейтонвей, хрупкий и сгорбленный человек с серебристой сединой в волосах и бороде. Он кутался в темно-синий, как полночь, плащ, украшенный узором в виде звезд.

Шагах в десяти за людьми двигались три леопарда. Это были очень старые звери, уже не такие ловкие, как когда-то, но их глаза все так же зорко следили за королем. Он был их хозяином и другом, они пошли бы за ним и в огонь.

Мейтонвей явно был встревожен. Обычно на прогулке они с королем оживленно беседовали, но сейчас им было не до разговоров.

С каждым шагом они углублялись в непроходимую чащу леса. Наконец они вышли на поляну, где не шуршала даже опавшая листва. Трава здесь была медово-желтой, а ветки боярышника сгибались под тяжестью темно-красных ягод. Мейтонвей присел на упавшее дерево отдохнуть, а король остался стоять, глядя вверх. На западе небо еще оставалось багрово-красным, но в вышине на темно-синем фоне уже появилась первая звезда.

— Давайте разведем огонь! — предложил король.

Мейтонвей любил костры. Собирая хворост, он напевал, стараясь скрыть тревогу за простыми и веселыми словами уэльской песенки. Скоро сухие прутики разгорелись и занялось пламя. Тонкий столбик дыма потянулся сквозь голые ветви, и король подумал, что это, наверное, самый приятный запах на свете.

А Мейтонвей подумал, что сейчас король его о чем-нибудь спросит.

Но король ни о чем не спросил.

— Сначала коты! — сказал он. — В стране с такими холодными зимами и жестокими охотниками они долго не выдержат. Ко мне, мои добрые звери!

Леопарды подошли к королю и начали с мурлыканьем тереться о его ноги.

— Для вас настало время поменять шубы, — сообщил им король. — Найдите себе подходящего хозяина, потому что я

покидаю вас!

Вот и сказаны эти слова! Мейтонвея бросило в дрожь. Король покидает их!

Король тем временем размеренным шагом ходил вокруг костра, а леопарды следовали за ним. Круг, еще круг, еще.

— Присматривайте за моими детьми, — внушал он зверям. — Разыщите потомков моих потерянных сыновей и дочерей: храброго Амадиса и великолепного, веселого Петрелло, мягкой Гуанхамары и умницы Толемео, потомков моей младшей дочери Аморет! Помогайте им, мои верные коты, берегите и защищайте их!

Король отступил от огня, а коты так и продолжали кружить вокруг костра.

— Яркое пламя, полыхающее солнце и золотые звезды, охраняйте моих детей! Живите спокойно и счастливо, но оставайтесь такими, как сейчас! — подняв руку, нараспев произнес король. Мейтонвею и прежде случалось наблюдать, как король творит заклинания, но сегодня магическое действо было поистине прекрасно. Скачущие вокруг костра леопарды превратились в огненное кольцо. Искры взлетали к верхушкам деревьев, сверкающие струи украшали ветви и заливали всю поляну переливающимися цветами радуги. Когда король опустил руку, кольцо тут же пропало и леопарды исчезли. Мейтонвей поднялся:

— Где они?

Король указал на дерево за спиной мудреца. На нижней ветке сидели три кота. Один был цвета красной меди, другой — оранжевый, словно пламя, третий походил на неяркую золотистую звезду.

— Смотри! Феникс, Везувий и Саламандр. Они сменили шкуры, но я-то знаю, кто из них кто. — Король рассмеялся. — А теперь мой черед!

Мейтонвей вздохнул. Из складок плаща он вытащил тоненькую ясеневую палочку, свой волшебный жезл.

— На что вы собираетесь меня подговорить?

Король повернулся к нему:

— Лес давно стал моим вторым домом. Так что мне более всего подойдет облик дерева.

— Ну, для этого вам моя помощь не нужна, — сказал волшебник. — Вы так же легко меняете обличье, как летает птица.

Король посмотрел на единственного своего друга:

— Мне нужна не простая смена облика, Мейтонвей! Если уж я обречен на вечную жизнь, то мне хотелось бы сбросить с себя

человеческое обличье и принять более мирный внешний вид.

— Вы хотите навсегда остаться деревом? — удивился Мейтонвей. — Неподвижным и бессловесным? А если кто-нибудь придет и вырубит этот лес?

Король немного подумал.

— Может быть, я научусь двигаться, — ответил он с лукавой усмешкой. — Не огорчайтесь, мой друг. Прошлой ночью я видел в облаках мальчика и уверен, что это был один из моих потомков. Будущий ребенок. И знаете, Мейтонвей, он будет потомком и по вашей линии тоже. Это доставляет мне огромную радость. А сейчас я чувствую, что Алый король уже готов покинуть этот мир!

— И мир, и меня, — не без горечи отозвался Мейтонвей, хотя приятно слышать, что когда-нибудь твоя кровь сольется с королевской!

— Не лишайте меня вашей милости, друг мой, — попросил король. — Если я сделаю это сам, то у меня всегда будет искушение вернуться. Только вы сможете сделать превращение окончательным. Я очень устал, дорогой друг, и больше не в состоянии выносить печаль.

Мейтонвей ласково улыбнулся:

— Я сделаю все, о чем вы просите. Но уж простите, если у меня получится не совсем такое дерево, каким вы себе его представляете.

Король тоже улыбнулся, и хотя он изо всех сил старался справиться с грустью, та победила и глаза его затуманились слезами.

Волшебник, которого переполняла жалость, поторопился приступить к делу. Он прикоснулся к плечам друга кончиком волшебной палочки, а затем потянулся к короне. Но золотой ободок так запутался в черных прядях, что Мейтонвей оставил его там, где он был.

С тех пор как король поселился в лесу, он всегда носил одежду из грубой холстины. Едва король поднял руки и рукава сползли вниз, на его руках стали прорастать тоненькие зеленые ветки. Мейтонвей прикасался к ним ясеневой палочкой, и они крупнели, становились гуще. Тело короля стало вытягиваться. Он делался все выше и выше. Вот ветви покрылись листиками; в них, как в маленьких зеркальцах, отражались цвета осеннего леса и красно-золотистый огонь костра. Коты горящими глазами наблюдали за превращением. Они следили за прыжками Мейтонвея вокруг короля, за рассыпавшим искры жезлом, за разлетающимся темным плащом, за развевающимися, легкими, словно пух, волосами волшебника. И коты горестно завыли, когда их хозяин исчез; только голова его чуть угадывалась на верхушке

величественного ствола. Но черты лица расплылись, а слезы, бежавшие из темных глаз, превратились в багряные ягоды.

— О дети мои! — печально вздохнул король и исчез.

Но красные, как кровь, слезы все текли и текли по стволу.

Мейтонвей в смятении смотрел на эти слезы. Он попытался своей волшебной палочкой остановить их, но тщетно. Тогда, призвав на помощь всю свою мудрость, он воскликнул:

— Когда-нибудь, друг мой, твои дети найдут тебя! И какой это будет великий день!

МЕРТВЫЙ ЧАС

Сплошной снег. Он так густо и торопливо падал на спящий город, словно хотел от чего-то укрыть его пуховой периной, чтобы завалить, засыпать кем-то выпущенное на свободу зло.

Шла вторая неделя января, время, когда снег — вещь вполне обыкновенная. Но этот снегопад был отнюдь не обычным. На холме над городом стоял мальчик. Он широко раскинул руки, как будто собирался взлететь. Мальчика било ветром, снег залетал в широкие рукава и даже под зеленый плащ с капюшоном. Танкред Торссон умел вызывать дождь, ветер, гром и молнии, а сегодня впервые попробовал вызвать снежную бурю.

Почему же он стоит здесь в глухую ночь, приманивая снег? Да потому, что на оконный карниз вскарабкались три кота и разбудили его своими воплями. Накинув плащ поверх пижамы, Танкред бросился в темноту.

Коты ждали его возле двери. Судя по оглушительному отцовскому храпу, сотрясавшему дом, родители крепко спали, и мальчик побежал за тремя рыжими созданиями по темному переулку — прямо к обдуваемому всеми ветрами холму, откуда как на ладони был виден родной город Танкреда в мерцающих огнях. Когда компания поднялась на холм, коты уставились на Танкреда так, будто он непременно должен знать, что им нужно.

Танкред хотя и не умел разговаривать с животными, тем не менее, будучи потомком Алого короля, все же разобрал их мяуканье.

— Снег? Вам нужен именно снег? — уточнил он.

Коты громко и согласованно мяукнули. Танкред поскреб затылок:

— Никогда еще этого не делал. Ну ладно, попробую!

Коты довольно замурлыкали.

Танкред приступил к делу, а коты, не теряя времени, отправились обратно в город. Один кот был медно-красным, другой — ярко-оранжевым, словно пламя, третий — ослепительно желтым. Они легко неслись по улицам и переулкам, по садам и огородам, перескакивали каменные стены и изгороди, оставляя на первом выпавшем снежку едва заметные следы.

Коты бежали по Филберт-стрит. Они уже почти добрались до цели, когда появился медленно ползущий автомобиль. Машина остановилась у дома номер двенадцать, и из нее выбрались трое: мужчина, женщина и мальчик. С ворчанием и проклятиями в адрес нежданного снегопада они выгрузили на тротуар чемоданы и коробки.

— Как мы вовремя! — произнесла женщина, поднимаясь по ступенькам к двери. — Еще десять минут, и было бы уже не доехать!

— Вот и хорошо бы! — пробормотал мужчина. — Вернулись бы в Гонконг. — Он хрипло хохотнул и захлопнул дверцу машины.

Мальчик потащил по лестнице две коробки, потом повернулся, будто почувствовал, что за ним наблюдают, оглядел улицу и увидел котов.

— Это же Огнецы! Вон перед домом Чарли, — показал он. — Интересно, что им надо?

— Не стой, Бенджамин, — поторопила мать. — Заходи!

Но Бенджамин пропустил ее слова мимо ушей.

— Эй, Огнецы! — тихо позвал он. — Это я, Бенджамин. Я вернулся!

Со стороны котов донеслось что-то вроде рокота мотора. Урчание было приветливым, но с легкой ноткой недовольства.

Казалось, они хотят сказать: «Давно пора!»

— Ну пока. Еще увидимся, — ответил он и потащил коробки в дом.

Коты подождали, пока дверь за ним закрылась, а когда в двенадцатом номере зажегся свет, они обратили внимание на дом, что был у них за спиной. Прямо перед домом рос каштан, по случаю зимы листьев на нем не было. Коты ловко и быстро вскарабкались по толстым голым ветвям, тянувшимся к самым окнам, где сейчас было совершенно темно. Усевшись в рядок на одной из ветвей, коты затянули песню.

По ту сторону оконного стекла в своей постели заворочался Чарли Бон. Кто-то его зовет? Или это сон? Он открыл глаза. Очень знакомые звуки доносились с улицы.

— Огнецы? — пробормотал он и открыл глаза.

Вскочив с кровати, мальчик откинул штору и распахнул окно.

У Чарли перехватило дыхание, когда он увидел засыпанных снегом котов.

— Феникс, Везувий, Саламандр, неужели это вы?

Коты ничего не ответили, а просто вместе снежными комьями с глухим стуком приземлились на ковер.

Чарли закрыл окно.

— Лучше бы пришли по лестнице, — прошептал он. — И вообще, неплохо бы вам подкрепиться теплым молоком. А еще лучше — кусочком индейки.

Он взглянул в угол комнаты, где спал мальчик с такими же белыми волосами, как подушка.

Чарли прокрался по лестнице на кухню, за ним бесшумно

последовали коты. Там он согрел и разлил по трем блюдцам молоко. Помещение наполнилось восторженным мурлыканьем. Блюдца быстро опустели, и Чарли положил в каждое по кусочку индейки.

За окном носились снежные хлопья, поблескивая в свете кухонной лампы.

— Какой-то этот снег не такой, — заметил Чарли. Он посмотрел на старательно умывающихся котов. — На прошлой неделе мне исполнилось двенадцать, а где же вы пропадали? Можно подумать, вас не интересуют деликатесы!

Оранжевый кот, Везувий, оторвался от своего важного занятия и взглянул на Чарли. Не многие коты умеют так смотреть в глаза человеку. Глаза Везувия светились мудростью, но еще в них горела дикость и память о жизни, какая простому смертному даже не приснится. Везувию, как и его братьям, было уже девятьсот лет.

Горящие взгляды Феникса и Саламандра тоже обратились на Чарли, и тому показалось, будто они хотят ему что-то сказать. Пожалуй, надо разбудить спящего наверху мальчика, а то непонятно, чего котам надо.

Три пары золотистых глаз провожали выходившего из кухни Чарли. Поднимаясь по лестнице, мальчик ощущал спиной их взгляды.

— Билли! Билли, проснись! — Чарли осторожно тряс белоголового мальчика за плечо.

— Что? Что такое? — Билли открыл круглые ярко-красные глаза.

— Ш-ш! Огнецы пришли! Вставай, поговори с ними!

Билли зевнул:

— Ох! Ну ладно.

Не совсем еще проснувшись, мальчик выбрался из постели.

— Только тише, а то бабушка Бон услышит, — предупредил Чарли.

Билли кивнул и потянулся за очками.

Билли исполнилось восемь лет, и он был на целую голову ниже Чарли. Он умел разговаривать с животными, но огненных котов немного побаивался, потому что те всегда знали, когда он врет.

— Пошли же, — поторопил его Чарли.

— Мне нужно найти очки, а то я могу свалиться на лестнице. А, вот они.

Билли водрузил очки на нос и на цыпочках вышел следом за Чарли.

Коты смотрели на входящих в кухню мальчиков. Три пары

ушей настороженно дрогнули, когда Билли, скрестив ноги, уселся перед газовой плитой. Чарли закрыл дверь и растянулся рядом.

— Давай! — скомандовал Чарли.

Откуда-то из горла Билли послышались тихие звуки, ритмичное и мелодичное мяуканье.

У вас есть для нас новости?

Феникс отозвался долгим ворчанием, которое с каждым мгновением становилось все громче. Другие коты тут же присоединились к нему, и Чарли засомневался, сумеет ли Билли из такого хорового, на три голоса, мяуканья и завывания извлечь хоть какую-нибудь информацию.

Сам Билли больше не издавал ни звука. Упершись локтями в колени и положив подбородок на ладони, он внимательно слушал. Чарли тревожно покосился на дверь. Он не осмеливался остановить котов, но боялся, как бы их концерт не услышала бабушка Бон.

Билли хмурился, а коты продолжали тревожно завывать. Когда же они закончили, глаза Билли широко и испуганно раскрылись.

Он повернулся к Чарли:

— Это предупреждение!

— Предупреждение? В каком смысле?

— Феникс говорит, будто что-то пробудится, если они не сумеют прекратить э-э… поиски какой-то вещи, чтобы она не была обнаружена… или остановить… какое-то дело, чтобы его не начали. А Саламандр говорит, что если это случится, то ты должен быть начеку и следить, Чарли.

— А за чем я должен следить? Билли заколебался.

— За женщиной… мне показалось… за твоей… — Какое-то слово застряло у него в горле.

— За моей — кем? — рассердился Чарли.

— За твоей… мамой.

— За мамой?! — Чарли уставился на Билли, потом на котов. — Это почему? Зачем? — Он даже охрип от страха. — Она что, может исчезнуть… как папа?

Билли спросил у котов, и Везувий ответил извиняющейся мелодией.

— Везувий говорит, что пока не может сказать тебе больше, — перевел Билли. — Но обещает помочь с наблюдением.

Везувий выдал еще несколько громких мяуканий.

— Он говорит: если тень переместится, то это начало.

— Начало чего? — почти взмолился Чарли и дернул Билли за жесткие волосы. — Нельзя ли поподробнее?

В этот момент дверь открылась.

— Не будет ли кто-нибудь любезен выключить свет? — произнес кто-то.

Чарли подскочил к выключателю, и, как только свет погас, в кухне появился высокий человек в красном халате, с горящей свечой в бронзовом подсвечнике.

— Я смотрю, у нас гости. — Дядя Патон кивнул на котов. — Доброе утро, Огнецы!

Коты помурлыкали в знак приветствия.

— Разве уже утро? — удивился Чарли.

— Два часа ночи, — ответил дядя Патон. Казалось, он совсем не удивился, застав на кухне Чарли и Билли в такой ранний — или поздний? — час. — Я что-то проголодался. — Он пересек кухню и открыл холодильник. — В воздухе прямо носится что-то таинственное. Так что происходит?

— Огнецы пришли предупредить меня. О маме, — объяснил Чарли.

— О маме? — Дядя Патон отвернулся от холодильника и нахмурился. — Ты хочешь сказать, о *твоей* маме?

— Да.

— И о тени, — добавил Билли.

Дядя Патон достал из холодильника тарелку с сыром и поставил ее на кухонный стол рядом со свечой.

— Я хочу знать подробности.

— Билли, спроси котов, что это за тень? — сказал Чарли.

Но котам уже не терпелось удрать. Они дружно направились к двери.

Чарли попробовал остановить их:

— Подождите! Вы еще не рассказали о тени! Феникс взвыл, Везувий начал царапать филенку; Чарли ничего не оставалось, как открыть дверь. Коты выскочили из кухни и понеслись по прихожей.

— Так что же это за тень? — следуя за котами, раздраженно шептал Чарли.

Саламандр зарычал. Но вряд ли это можно было счесть ответом.

Билли подбежал и открыл входную дверь;

— Пусть идут, Чарли! Им куда-то нужно, притом спешно. Наверное, они хотят проверить, не началось ли то, о чем они говорили.

С очередным взрывом дружного мурлыканья Огнецы кинулись в отворенную на улицу дверь; три язычка пламени тут же поглотил кружащийся снег.

— Но они ровным счетом ничего не объяснили, — жалобно проворчал Чарли.

— Они объяснили. Они… — возразил Билли. Но больше он ничего не успел сказать.

— Что все это означает? — грянул голос с верхней лестничной площадки.

Бабушка Бон в дневное время являла собой не слишком приятное зрелище, а уж после полуночи выглядела и вовсе кошмарно: тощее тело завернуто в серый лохматый халат, большие ступни впихнуты в зеленые клетчатые шлепанцы, с плеча свисает длинная белая косица, а желтоватое лицо украшают белые пятна крема.

— Привет, бабушка, — только и нашел что сказать Чарли.

— Не дерзи! — Бабушка была не из тех, кто любит веселиться по ночам. — Почему вы не в постели?

— Мы очень захотели есть!

Она начала спускаться.

— Вздор! Я слышала, как орали коты.

Что бы Чарли ни говорил, бабушка все считала ложью.

— Они были на улице, бабушка, — поспешил соврать Чарли.

Она остановилась и вгляделась в полукруглое окошко над входной дверью.

— И что это за снег? Ненормальный какой-то.

Вот в этом она была права. Действительно, в крутящихся снежных хлопьях было что-то необычное, но Чарли не смог бы объяснить, что именно.

— Он холодный, белый и мокрый. Чего тебе еще надо от снега? — выходя из кухни, возразил дядя Патон.

— И ты здесь! — окончательно рассердилась бабушка Бон. — Почему ты не отослал мальчиков в постель?

— Потому, сестрица, что они проголодались! — повышенным тоном ответил братец. — Иди в постель, Гризелда.

— Не смей мне приказывать!

— Ну, как хочешь. — Патон не спеша вернулся в кухню.

Какое-то время бабушка Бон еще постояла на лестнице, глядя вниз, на Чарли.

— Я только налью в стакан воды, бабушка, и мы сразу отправимся спать. Правда, Билли? — обратился он к товарищу.

— Конечно-конечно. — Сироте Билли наблюдение за странным, постоянно ссорящимся семейством Чарли казалось бесконечно увлекательным. Он многозначительно кивнул бабушке. — Обещаю.

Бабушка Бон с сомнением хмыкнула и, шаркая тапочками, отбыла в свою комнату.

Коты уже пересекли город и теперь легко преодолевали сугробы, которые намело под стены академии Блура. Они

миновали башни, стоявшие по обе стороны от входа, и продолжили путь вдоль здания, пока не добрались до его конца, где начиналась высокая каменная стена. Коты без особых усилий перебрались через нее и оказались на снежном поле. Неподалеку высились руины древнего замка.

Теперь коты двигались осмотрительно, держа ушки на макушке. Они осторожно пробирались по белому полю, а потом услышали крики.

— Дурак, я знаю, что это сделал ты, но меня этим не остановишь! — истошно вопила женщина. — Думаешь, я не справлюсь с каким-то снегом?

Коты подкрались ближе. Через темную арку они увидели во дворе замка темную женскую фигуру, чуть не с головой зарывшуюся в снег. Женщина что-то раскачивала, тянула и дергала, кряхтя и даже постанывая. Внезапно она извлекла из снега большой плоский камень и отбросила его в сторону.

Потом женщина что-то подняла с земли и с ликующим воплем вскинула кровоточащие руки в снежный воздух:

— Мое! Мое!

Земля легонько вздрогнула — не очень заметно, но этого было достаточно, чтобы вселить страх в каждую живую душу в округе. Проснулись и беспокойно защебетали птицы, лихорадочно засуетились грызуны в поисках укромного местечка, в морозном воздухе разнесся заунывный собачий вой.

Тревожно блестя глазами, Огнецы следили за действиями незнакомки. Вот она выбралась из развалин. Не отряхнув от снега подол черного пальто, светя себе раскачивающимся на ледяном ветру фонарем, она добралась до дверей большого серого здания академии Блура и исчезла там. Спустя некоторое время в одном из верхних окон загорелся свет.

Коты смотрели на светящееся окно. Они опасались самого худшего.

А женщина стояла перед портретом Алого короля в золоченой раме, освещая помутневшую, потрескавшуюся от старости живопись.

— Теперь оно у меня, — шептала она, но шептала явно не королю.

Женщина извлекла из складок одежды некий предмет, походивший на ракетку для пинг-понга, но сделанный из металла.

Король смотрел с портрета темными загадочными глазами, золотой обруч блестел на черных волосах, а красный бархат плаща казался совсем настоящим.

Женщина качнула загадочным предметом так, чтобы на него

попал свет фонаря, который она держала в другой руке, и внезапно яркая вспышка осветила живопись. За плечом короля можно было разглядеть тень, которая после вспышки внезапно начала выделяться, принимать более четкие очертания, становиться рельефнее.

— Пробудитесь, милорд, — с тоской в голосе убеждала женщина. — Я нашла зеркало Аморет!

Тень медленно зашевелилась. Вот она выскользнула из-за плеча короля и двинулась вперед, ближе, ближе.

Женщина задыхалась от возбуждения. Фонарь в ее руке закачался, таинственный предмет опять блеснул, свет на картине заплясал и ярко вспыхнул. Портрет сорвался со стены и рухнул на пол. Женщина вскрикнула.

Тень поднялась над портретом и направилась к ней.

ПРОПАВШИЕ ЖИВОТНЫЕ

Густой звон часов кафедрального собора поплыл над городом, и мальчик на холме опустил руки.

— Целый час! Да хватит! — Он вздохнул, потом зевнул.

Тающее облако белых хлопьев удалялось от холма. Снегопад, настоящая пурга, постепенно стихал. Через несколько минут небо очистилось, на черном его бархате зажглись звезды.

Танкред, склонив голову, оценивал результаты своей работы: тишина, белые крыши, заснеженные улицы, заснеженные провода, паучьей паутиной растянутые над городом.

— Для первого раза неплохо! — весело признал мальчик.

Он отряхнул рукава, и несколько снежинок опустились на его домашние тапки.

Танкред удивился: оказывается, он забыл обуться! Хотя что ж тут удивляться, если за котами он побежал, еще до конца не проснувшись… До сих пор он даже холода не замечал, зато теперь его затрясло. Возвращаться домой пришлось тоже бегом. Он несся рысью по узкому переулку, иногда на ходу подскакивал и обеими ногами одновременно смачно ударял в землю. Эту привычку он приобрел недавно, и она очень забавляла его друзей.

К тому времени когда Танкред добрался до своего дома с тремя башнями, раскатистый отцовский храп стал совершенно неистовым. Оба Торссона, и старший и младший, были повелителями погоды, и Танкред с удовольствием предвкушал, как они с отцом будут обсуждать сегодняшний снег.

— Интересно, а сам-то он такое пробовал? Нужно рассказать Зандру и Чарли… — закрывая за собой дверь и вытирая ноги о коврик, бормотал себе под нос Танкред.

— О чем рассказать? — Замученная бессонницей миссис Торссон пила в кухне чай.

— Про снег, — ответил Танкред.

— Ах, так это ты сделал, да? А я-то удивилась, куда ты подевался.

Миссис Торссон все больше начинало интересовать необычное поведение сына. Хотя ее муж всегда говорил: «Мальчик уже должен уметь делать все, особенно если речь идет о погоде».

— Во папа как грохочет! Танкред скинул промокший плащ. Миссис Торссон рассеянно положила себе третью ложку сахару, потом налила чаю Танкреду. Он сел на стул напротив и жадно отхлебнул из чашки. Все-таки снеготворчество отнимает много сил. Будем надеяться, что больше этого не понадобится. Хотя бы в ближайшее время.

— Приходили Огнецы, — объяснил он матери. — Им зачем-то был нужен снег. У меня создалось впечатление, что там, в городе, что-то не в порядке.

— Твой отец тоже говорил, что у него дурные предчувствия. Он что-то плохо спит. — Миссис Торссон покачала головой. — Иногда я даже думаю, не убраться ли нам отсюда. Ты бы ходил в нормальную школу и…

— Нет! — решительно возразил Танкред. — Мое место здесь. Так же, как и Чарли, и Зандра, и Габриэля, и… и Эммы. Здесь жил Алый король, а мы — его потомки. Мы должны держаться вместе. И уж ты-то это знаешь, мама!

— Да, Танкред, — вздохнула мать.

* * *

Миссис Торссон была не единственной матерью, желавшей, чтобы и она, и ее семья оказались подальше от этого города. Мама Чарли Бона тоже очень хотела бы избавиться от жизни в доме, который ей не принадлежит. В доме, где каждый скрип и шорох нашептывают об ужасном прошлом. И из этого дома ее сын вынужден ходить в школу, которой руководит недобрый старик.

Но у Эми Бон нет денег, и бежать ей некуда. Кроме того, Чарли совершенно счастлив. Его, кажется, решительно ничто не может огорчить. Вот уж неисправимый оптимист! Ничто не могло поколебать его уверенности, что отец жив и что когда-нибудь он, Чарли, его найдет. В этой его уверенности была даже какая-то упертость… В конце концов, она просто махнула рукой.

Восемь часов утра, суббота. Все обитатели дома номер девять по Филберт-стрит, за исключением мамы Чарли, еще спят. Спит даже бабушка Мейзи: Эми, на цыпочках пробираясь мимо ее комнаты, слышала, как та тихо посапывает.

Эми торопливо позавтракала и отправилась на работу, в зеленную лавку, расположенную всего в десяти минутах ходьбы от дому. От прошедшего ночью снегопада не осталось и намека. Воздух был прохладным, а тротуар влажным, никто и не догадался бы, что всего несколько часов назад снег покрывал весь город слоем в несколько дюймов.

— Миссис Бон! Миссис Бон!

Эми резко обернулась. Кричал мальчик с противоположной стороны улицы. И это был… не может быть!

— Бенджамин! Ты ли это? — воскликнула Эми.

Мальчик поглядел в одну сторону, в другую и бросился через дорогу.

— Ой, Бенджамин! Я так рада, так рада тебя видеть, — Эми крепко-крепко обняла мальчика. Она никогда так не делала, и Бенджамин даже удивился.

— У вас… э-э… все в порядке, миссис Бон? — немного задыхаясь и запинаясь, спросил он. — Я имею в виду со всеми вами все в порядке?

— У Чарли все отлично, — ответила Эми. — Он еще спит, но я тебя впущу. То-то он удивится!

Она взбежала на крыльцо, отперла дверь дома номера девять и распахнула ее:

— Знаешь, где его комната? А я побежала, а то опоздаю на работу. Ну, входи, входи. — Она легонько втолкнула Бенджамина в дом и закрыла за ним дверь.

Бенджамин оглядел тихую прихожую и с радостью убедился, что здесь ничего не изменилось. Впрочем, и сам он не слишком изменился: все тот же невысокий светловолосый мальчик с растерянным выражением лица. Он еще не совсем пришел в себя после перелета и, в общем-то, не ожидал столь скорой встречи с Чарли и Спринтером-Бобом, собакой, которую он на время отъезда оставил на попечение Чарли.

Бенджамин заглянул в кухню. Собачьей корзины не видно. И миски. Ну конечно, Спринтер-Боб должен спать в комнате Чарли.

Поднимаясь по лестнице, Бенджамин услышал шаги наверху, а потом на лестничной площадке появилась бабушка Чарли — та, которая добрая, — в ярко-розовом халате.

— Бенджамин Браун! Какой желанный гость!

Бенджамина еще раз подвергли удушающим объятиям. Мейзи Джонс, невысокая, пухленькая особа в кудряшках, с остро поблескивающими глазками, так стиснула мальчика, что после ее объятий он чуть не скатился с лестницы.

А Мейзи продолжала:

— Вот нормальный, красивый мальчик! Никаких сверхъестественных талантов, никакого выпендрежа, никакой игры на флейте — кому только это нужно? — никакой рычащей и хрюкающей живности. Ты будешь очень полезен Чарли. Поднимайся!

— Спасибо. — Бенджамин еле дышал.

Не умолкая ни на мгновение, Мейзи стала спускаться вниз.

— Я сейчас приготовлю отличный чай и тосты. Или кукурузные хлопья? Или лучше лапшу? В Гонконге подают на завтрак лапшу?

— Миссис Джонс, а где мой пес? — окликнул ее Бенджамин.

Но Мейзи уже скрылась в кухне. Бенджамин подошел к комнате Чарли и сначала послушал под дверью. Из комнаты не

доносилось ни звука. Бенджамин отворил дверь. Он увидел крепко спящего Чарли. Но тут была еще одна кровать, у другой стенки. Бенджамин видел только торчащие из-под пуховой перины светлые вихры. Билли Гриф. И никаких признаков Спринтера-Боба.

Бенджамин застыл у порога, не понимая, как быть дальше. И без того всегда унылое лицо мальчика еще больше вытянулось, ужасно встревожился. Что случилось с Чарли, пока его не было? Он-то думал, что его лучший друг надежно огражден от любых неприятностей ребятней из академии Блура — музыкантами, художниками, артистами, заклинателями погоды, гипнотизерами и прочими чудаками.

Вдруг внимание гостя привлекло какое-то движение над кроватью Чарли. Белый мотылек. Моль порхала над пуховой периной. Бенджамину всегда говорили, что моль — вредитель, она прогрызает дырки в пальто, кофтах и прочих нужных вещах. Он подскочил к кровати и, сложив ладонь лодочкой, прихлопнул мотылька.

Произошло сразу три вещи. Чарли подскочил и сел на постели. Билли Гриф скатился с кровати, а моль укусила, да-да, укусила Бенджамина.

— Бенджамин! — завопил Чарли.

— Чарли! — завопил Бенджамин. — Меня укусила моль!

— Это моя волшебная палочка, — поправил его Чарли.

— Твоя *что?*

— Манфред сжег палочку, и она превратилась в моль. Ты не убил ее, случаем, а?

Бенджамин помотал головой:

— Вон она, наверху, сидит на шкафу. Извини.

Бенджамину никто и ничего подобного никогда не говорил. Как это волшебная палочка может превратиться в моль? Понимает ли Чарли, что из-за таких выдумок можно и друга потерять?

— Я очень рад видеть тебя, Бен!

— Я тоже. А где Спринтер-Боб?

— А-а… его здесь нет. — Чарли свесил ноги с кровати.

— Я уже понял.

Билли Гриф оглушительно зевнул и начал шарить рукой по стоявшей рядом тумбочке.

Искал очки.

— А что здесь делает Билли? — спросил Бенджамин.

— Доктор Блур отпустил меня на выходные, — сказал Билли.

Он нашел, наконец, очки и водрузил их на нос.

— Так где же все-таки моя собака? — поворачиваясь к Чарли,

повторил Бенджамин.

Тот дернул себя за взъерошенные волосы. Ему нужно было очень многое рассказать Бенджамину, но он не знал, с чего начать. Он заставил друга сесть на кровать и, пока одевался, рассказал, как бабушка Бон все норовила отдать Спринтера инспекторам по отлову бездомных животных.

— Но мистер Комшарр поспел раньше, — увидев ужас на лице Бенджамина, быстро добавил Чарли. — Он забрал Спринтера в «Зоокафе». И я хожу туда каждые выходные и гуляю с ним.

— Всего раз в неделю? Ему же надо гулять каждый день! — упрекнул Бенджамин.

— Но я же не могу уходить из школы! Ведь не я виноват, что мне приходится ночевать в академии, правда? — Чарли даже голос понизил.

— Наверное. Извини. Все-таки это так здорово — опять тебя видеть, Чарли.

— Тебя тоже.

Как только Билли и Чарли оделись, все три мальчика спустились в кухню, где Мейзи уже приготовила для них завтрак. Бенджамин уныло смотрел в свою тарелку. Есть он не мог. Ему было тошно от дурных предчувствий. Он хотел видеть своего пса и очень боялся, что собаку украли.

Мейзи потрепала Бенджамина по плечу:

— Мистер Комшарр никогда такого не допустит. Со Спринтером-Бобом все в порядке, вот увидишь.

Билли и Чарли кое-как проглотили завтрак и заторопились за Бенджамином, который уже топтался у дверей.

Когда они трусили по Филберт-стрит, Бенджамин поинтересовался:

— А куда делся снег? Сегодня ночью шел такой густой снег, что мы едва доехали.

— С ним что-то сделали Огнецы, — пробормотал на ходу Чарли.

— Хочешь сказать, снег был не настоящий?

— Не знаю, что я хочу сказать, — буркнул Чарли.

Когда они добрались до «Зоокафе», то обнаружили, что на дверях висит табличка «Закрыто». Чарли прижался носом к окну и увидел, что все стулья подняты на столы, а буфетная стойка пуста. Но в глубине зала, из-за шторы, набранной из разноцветных бусинок, виднелся слабый свет.

Чарли постучал в дверь.

Сначала ему показалось, что его никто не слышит. Он уже собирался постучать еще раз, но в это время за полупрозрачной

шторой обрисовалась невысокая фигура мистера Комшарра. Мальчики дружно замахали, и мистер Комшарр, ловко огибая столы, бросился открывать дверь.

— Надо же! Неужели это сам Марко Поло? — воскликнул мистер Комшарр, впуская мальчиков.

— Какой еще Марко? — спросил Бенджамин.

Мистер Комшарр опять закрыл дверь.

— Древний путешественник, Бенджи. Человек, побывавший в Китае еще тогда, когда большинство людей и не подозревали о существовании этой страны.

— Я был в Китае, — мрачно ответил Бенджамин. — И я не древний. Пожалуйста, скажите, где мой пес?

— Хм… — Мистер Комшарр поскреб щетинистый подбородок. — Давайте лучше пройдем на кухню.

— Где он? — Бенджамин обежал прилавок и откинул занавеску.

— Пес исчез. Бог знает куда, — беспомощно пожав плечами, прошептал мистер Комшарр.

— Исчез?!

Чарли и Билли устремились вслед за Бенджамином.

Влетев в кухню, мальчики узрели Эмму Толли. У нее были красные глаза и мокрые щеки.

— Эмма, у тебя все в порядке? — спросил Чарли и сразу понял, что сморозил глупость: ясно же, что с Эммой не все в порядке.

— Я потеряла свою уточку, — несчастным голосом ответила она.

— Ка-ак? — вскрикнул Чарли.

— Ну-ну. Давайте сначала успокоимся, — предложила миссис Комшарр и чуть не ошпарилась, заливая в огромный заварочный чайник крутой кипяток. — Садитесь, мальчики. Угощайтесь пирожными.

— Вряд ли я смогу сейчас есть. — Бенджамин отодвинул стул и буквально рухнул на него. — Мне нужен мой пес. Я семь месяцев ждал, когда с ним увижусь.

— Ну что ж, значит, можешь подождать и еще чуть-чуть, — ответила миссис Комшарр, как будто даже немного раздраженно. — Все животные исчезли и…

— Даже Босх? — пискнул Билли.

— Все — значит все, Билли. Даже крысы, — вмешался мистер Комшарр. — Но я уверен, что этому есть какое-то простое объяснение. Для того чтобы подумать, мы должны сохранить спокойствие. Онория, дорогая, разливай чай. Чай восстанавливает силы.

Эмма села рядом с мальчиками, мистер и миссис Комшарр устроились по другую сторону стола. Тарелку с пирожными пустили по кругу, но угостился ими только Чарли. Даже беспокойство за животных не испортило ему аппетит. Конечно, они не могли исчезнуть все. Просто надо поискать в этой теплой и уютной кухне, кто-нибудь живой да найдется: мышка, паучок или муха. Однако никто не шевелился ни на медных кастрюлях, ни на заставленных банками-склянками полках, ни на ярко расписанной фаянсовой посуде.

В конце концов, его взгляд добрался до стоявшей в углу корзины с крышкой.

— А что с лазурным питоном? — спросил он.

— Тоже исчез, дорогуша, — печально ответила миссис Комшарр. — Должно быть, они исчезли ночью, в снегопад. Я сегодня очень рано спустилась вниз выпить чашечку чаю, гляжу, а корзина опустела. Никто не радуется, не шуршит, не скользит. — Она издала длинным носом странный, трубный звук.

— Вот и у меня то же самое. — Голубые глаза Эммы опять налились слезами. — Нэнси всегда, всегда-всегда была в своем домике во дворе. А сейчас он пустой.

Билли тихонько кашлянул:

— Огнецы приходили предупредить, но они ничего не говорили об исчезновении животных.

— А что именно они сказали, дорогой? — Худенькая миссис Комшарр наклонилась через стол к мальчику.

— Они сказали, что Чарли должен наблюдать за своей мамой и что тень пробудилась.

— Что еще за тень? — Мистер Комшарр вздернул и тут же опустил косматые брови, потом поскреб волосатой рукой щетину на щеке и произнес: — Что-то непонятное.

Миссис Комшарр вдруг выпрямилась на стуле.

— Что это? — вытянув шею и вглядываясь в дальний угол кухни, спросила она.

— Кто-то скребется, — догадался Билли.

Теперь услышали все. Очень-очень далекое царапанье.

Билли вскочил и кинулся к двери кладовой.

— Билли, нет!.. — Мистер Комшарр схватил с полки фонарь и бросился за мальчиком. — Вернись, Билли! Слышишь?

— Это Босх, — донесся слабый голос Билли. Чарли поспешил за мистером Комшарром в длинную комнату, заставленную полками с собачьим кормом, а потом вниз, в темный коридор с земляным полом, каменными стенами и потолком, который был не выше чем в дюйме над головой мальчика. В коридоре стояла такая тьма, что он видел только силуэт мистера Комшарра.

«Зоокафе» было встроено в стену древнего города, и теперь они передвигались по подземному ходу, ведущему в недра замка Алого короля. Когда Чарли догнал мистера Комшарра, Билли уже стоял возле небольшой дверцы в конце хода. Прежде чем мистер Комшарр успел остановить его, Билли дернул дверь на себя. Он оказался в пещере, вдоль неровных стен которой строгими рядами выстроились большие ящики и были навалены разномастные мешки.

Мистер Комшарр и вплотную за ним Чарли тоже ступили в пещеру. В свете фонаря мистера Комшарра Чарли увидел, что Билли держит большущую черную крысу.

— Ой, Босх, где ж ты пропадал?! — воскликнул Билли странным, скрипучим голосом.

Крыса отвечала столь же скрипуче, но менее понятно для окружающих.

— У него было небольшое приключение, — перевел Билли. — Он ходил через… о… — Не договорив, мальчик повернулся и увидел, что мистер Комшарр закрывает другую маленькую дверцу.

Почерневшая, расцарапанная, растрескавшаяся от времени, эта дверца, тем не менее, плотно прикрыла дыру в стене.

Билли бросился к дверце:

— Вот здорово! Куда она ведет?

— Это просто дыра, — быстро сказал Чарли. Мистер Комшарр наклонился и подобрал валявшийся на полу маленький бронзовый ключик.

— Животные! — ворчал он, вставляя ключик в замочную скважину. — Слишком уж они умные, эти животные! Полагаю, именно ты и открыл дверцу, Босх? — И он положил ключик в карман.

— Да, это он, — сказал Билли. — Но куда же все-таки ведет эта дверь?

Богатая растительностью физиономия мистера Комшарра стала почти серьезной.

— Билли, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал. Чтобы ты мне пообещал нигде и никогда ни единым звуком не обмолвиться ни об этом помещении, ни об этой двери.

— Ого! — Какое-то время Билли молча, с сосредоточенным видом рассматривал дверцу, а потом, кажется, что-то понял и заговорил шепотом: — Это тайный ход, да? В замок, да?

— Я жду, Билли! — серьезно сказал мистер Комшарр.

— Обещаю никогда ни одной душе не заикаться ни об этом месте, ни об этой двери, — приглушенно отозвался Билли.

Мистер Комшарр наконец улыбнулся:

— А большего вам знать и не следует. Забудьте все. Ясно?

— Да, — раздался шепот.

Хотя интересно, каким образом можно забыть о таком замечательном месте?

Крыса опять заскрипела, и все двинулись обратно на кухню.

— Какие-то новости о Спринтере? — спросил Бенджамин. — Между прочим, это крыса.

— Его зовут Босх, и нам кажется, что он хочет что-то рассказать, — пояснил Чарли.

Босха поместили в центр стола, и, когда все расселись, Билли послал крысе какое-то невнятное жужжание. Босх оглядел застывшие в ожидании лица. Он был очень общительной крысой, и ему явно нравилось быть в центре внимания. С приглушенным скрипом, паузами, ворчанием и щебетанием начал он свой рассказ. Постепенно издаваемые им звуки сложились в ритмический рисунок, который даже Чарли мог бы назвать речью. Билли сидел, положив подбородок на сложенные руки, и, глядя прямо на Босха, напряженно слушал. Когда стало ясно, что крыса, издав последний скрип, закончила речь, Билли взял ее со стола и посадил себе на колени. Босх тут же заснул. Бенджамину не терпелось:

— Ну же, давай, Билли! Что он сказал?

— Кое-что из этого трудно объяснить, — ответил Билли.

— Постарайся, — подстегнул Чарли.

— Ну… он сказал, что этой ночью что-то… что-то вроде как пробудилось. И… еще… что земля вздрогнула.

Миссис Комшарр взглянула на мужа:

— А мы этого, выходит, и не заметили?

— Мы не животные, дорогая. Во всяком случае, не совсем, — объяснил он.

— Пожалуйста, давайте продолжим! — взмолился Бенджамин.

Тряхнув гладкими легкими волосами, миссис Комшарр устремила длинный нос в сторону Бенджамина и язвительно извинилась:

— Прости, пожалуйста, что перебила, я только хотела уточнить.

— Просто очень хочется узнать о собаке, — покаянно опустив голову, пояснил Бенджамин.

— Во всяком случае, Босх говорит, что все они очень перепугались: и он, и питон, и Спринтер-Боб, — набрав в грудь воздуху, продолжил Билли. — Им захотелось куда-нибудь убежать. Потому Босх и взял ключ. — Билли помолчал. — Он сказал, что взял его в вашей спальне, мистер Комшарр.

— Вот чертенок! — проворчал мистер Комшарр.

Билли заторопился:

— Он же и дверь открыл, и все они полезли в туннель и… дошли до самых развалин замка. И мыши, и суслики, и птицы, и кролики, и все-все, кто там жил, все пошли и… Они спустились по берегу, к реке, и дальше через мост… — Билли снял запотевшие очки, протер их рукавом и снова надел. — Представляете, животные топают через мост!

— Может, некоторые переплыли реку, — предположил Чарли.

— А кто-то мог и перелететь ее, — добавила Эмма.

— Да. — Билли взглянул на помрачневшего Бенджамина и торопливо продолжал: — Они нашли безопасное место. Там они и сейчас. И Спринтер-Боб, и питон, и твоя уточка, Эмма.

— А где это? — простер руки Бенджамин.

— Откуда мне знать? — ответил Билли. — Босх не сказал. А сам он вернулся, потому что хотел, чтобы я знал, что произошло, и не беспокоился.

Бенджамин растерянно молчал. Молчали и все остальные.

— А зачем они захотели там остаться? И где это все-таки? — нарушила тишину Эмма.

Билли погладил крысу по гладкой блестящей шкурке.

— Это где-то на той стороне реки. — Билли мечтательным взором уставился куда-то поверх их голов.

— Билли, дружище, но на той стороне реки решительно ничего нет. Там ужасная глушь, — возразил мистер Комшарр.

ДЕВОЧКА В СОЛНЕЧНОЙ ОДЕЖДЕ

Глушь. Это слово крутилось в каждой голове, но пока никто не произнес его вслух. Хотя в городе царила субботняя суета, на той улочке, по которой четверо детей, выйдя из «Зоокафе», шагали к книжному магазину мисс Инглдью, было тихо.

Каждые выходные Эмма помогала в магазине тете Джулии. Тетушка Эммы слыла женщиной мудрой и доброй. Она прочла все редкие и старинные книги, стоявшие на полках ее магазина. Она знала все, что касалось города и его истории. Стало быть, она должна знать и о глуши за рекой. Существовала немалая вероятность того, что в лавке окажется и дядя Чарли, Патон. Вполне понятно, что детей потянуло к взрослым, и, наверное, он был единственным из взрослых, кто мог бы объяснить, что случилось с животными.

Утомленный долгим путешествием, Босх лежал, свернувшись клубочком, в кармане у Билли и спал крепким сном. Он так устал, что был не в состоянии издать ни малейшего скрипа.

По мере того как дети приближались к магазину, городской шум отступал. Никто из них не смог бы объяснить, в чем дело, но каждому стало немного не по себе.

Бенджамин сморщил нос:

— Как-то жутковато. Такого никогда не было.

— Даже птиц нет, — заметила Эмма. Они уже добрались до широкой мощеной площади перед кафедральным собором. Обычно здесь по булыжнику скакала минимум дюжина галок, а еще дюжина стрекотала, рассевшись по крышам. Сегодня же здесь не было даже голубей.

— Кошек тоже нет, — заметил Чарли.

— И собак. — Бенджамин лихо повернулся на пятках и оглядел всю соборную площадь. — По субботам здесь всегда прогуливается народ с собаками. Где же все?

— В глуши! — сказал Билли то, что не выходило у него из головы.

В этот момент Чарли почувствовал, будто шею сзади что-то покалывает. Он обернулся и успел заметить, как в переулке исчезла какая-то фигура в желтом.

— Нас преследуют, — тихо и спокойно сообщил он. — Я видел какого-то субъекта в желтом. Вон там.

Никто даже не взглянул туда, куда показал Чарли. Все заспешили, как будто за ними гонится чудовище. Чарли в спешке споткнулся на ступенях магазина и налетел на вскрикнувшего от неожиданности Бенджамина.

В итоге Патон Юбим, и так-то не особо уверенно державшийся на верхней ступеньке стремянки, потерял равновесие, закачался, и стопка книг, которые он собирался разместить на верхней полке, едва не выскользнула у него из рук.

— Осторожно, Патон! — Джулия одним прыжком перелетела комнату и удержала стремянку.

— Эй, народ, что стряслось? — Расставив книги на полке, дядя Патон спустился со стремянки.

Все загалдели хором, перебивая друг друга.

— Умоляю, не все сразу! По очереди! — заткнув уши, воскликнул дядя Патон.

— Давайте сделаем перерыв, — предложила мисс Инглдью.

Все отправились в гостиную. Пока мальчики устраивались среди книг на стульях и диване, Эмма рассказала все, начав с опустевшего домика уточки Нэнси и закончив исчезновением птиц и животных из города.

— Я ведь почувствовал что-то неладное, — задумчиво произнес дядя Патон. — Да вот разобраться не сумел. Я, когда надеваю темные очки, не различаю деталей.

— А вы что-нибудь знаете о глуши за рекой? — спросил дядю Чарли.

— Никогда не забирался так далеко, — смущенно признался дядя Патон. — И понятия не имею, почему животные решили сбежать именно туда.

— Они испугались, — сказал Чарли.

— Нам Босх рассказал, будто что-то пробудилось и земля вздрогнула, — подтвердил Билли.

— Я никогда больше не увижу Спринтера-Боба, — простонал Бенджамин.

Мисс Инглдью вдруг внимательно посмотрела на Билли.

— Вздрогнула? Ты сказал «вздрогнула»? — переспросила она Билли.

— Ага. Так Босх сказал, — подтвердил Билли.

— Вот как? А ведь у вас, Джулия, была какая-то теория насчет земли? — Дядя Патон улыбнулся и откинулся на спинку стула.

Все ждали объяснений от мисс Инглдью.

— Можете надо мной смеяться, но у меня есть кое-какие соображения на этот счет. — Она склонилась над письменным столом и начала перебирать бумаги в ящике.

— Пожалуйста, расскажите нам о вашей теории, мисс Инглдью, — попросил Чарли после короткой и напряженной паузы. — Мы не будем смеяться.

Мисс Джулия откинула со лба прядь блестящих каштановых волос и выпрямилась.

— Очень хорошо. Но я уверена, что ты все уже слышал, Чарли. — Она присела на подлокотник кресла, в котором сидел Патон. — Как вы знаете, Алый король, потомками которого являетесь все вы… кроме тебя, конечно, Бенджамин… Так вот, когда умерла королева, а король ушел в леса, чтобы скорбеть в одиночестве, десять его детей начали ссориться и драться друг с другом, и это продолжалось до тех пор, пока пятеро из них навсегда не ушли из замка. Но борьба не закончилась. Она продолжается и сейчас!

Послышался гул удивления: «Ого! Хотите сказать, тысячу лет?»

— Прямо у нас в академии, да? — спросил Чарли. — Блуры хотят распоряжаться всем, а дядя Патон отбивается, когда они заходят чересчур далеко…

— А твоя ужасная бабушка всегда против тебя, — встрял Бенджамин.

Дядя Патон поднял руку:

— Тише! Если хотите дослушать рассказ мисс Инглдью, то позвольте ей продолжить.

Дети сразу умолкли.

Мисс Инглдью всем улыбнулась:

— Земля вокруг замка была постоянным местом битвы до тех пор, пока в восемнадцатом веке огонь не уничтожил почти все дома в городе. Нетронутой осталась только небольшая зона вокруг кафедрального собора. Позже кое-какие здания удалось восстановить. Именно в это время семейство Блуров возвело свой огромный особняк…

— Академию Блура! — догадался Чарли.

— Точно, — подтвердила мисс Инглдью. — Хотя, насколько я помню, она в то время называлась просто Блур-хаус.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что земля вздрогнула? — хмурясь от нетерпения, спросил Бенджамин.

— Напрямую, может быть, и не имеет, — продолжала мисс Инглдью. — Но мне пришло в голову, что некоторые самые злые духи… должно быть… э-э… забеспокоились.

— Вроде того, что перевернулись в своих могилах, — бойко подсказал Чарли.

— Ну вроде того. — Мисс Инглдью подавила смешок. — Но на самом деле, Чарли, я имела в виду кое-что другое. Что-то или кто-то могло пробудить их.

— И потому земля вздрогнула, — бросил Билли. — Огнецы сказали, что они должны помешать тому, чтобы что-то было найдено.

— Без сомнения, это ключ, — заявил дядя Патон и легонько

зевнул.

Чарли хорошо знал своего дядю. Скучным тоном дядя Патон всегда пытался прикрыть любопытство.

— Вы имеете в виду какой-то настоящий ключ? — спросил он.

— Нет, Чарли. Некую вещь, которая сделана давным-давно и может соединить древний дух с нашим миром.

Вдруг вскочил Билли:

— Знаете, животные могли это почувствовать! Вот почему они ушли. Если пробудилось что-то из прошлого, то оно принесло с собой память о битвах, пожарах и боли. Ничего удивительного, что они убежали.

— Только чем все это поможет мне?! — чуть не плача, вскричал Бенджамин. — Я никогда, никогда не найду мою собаку!

И тут всем в голову пришла жуткая мысль о том, как страшно будет в городе без животных.

Но дядя Патон не поддержал всеобщего уныния:

— Вы все слишком большие пессимисты. Вот увидите, проснется ваша крыса и расскажет, куда они подевались.

Но Босх просыпаться не спешил. Он весь день пролежал в кармане Билли. Только слабое сердцебиение показывало, что он жив.

* * *

В воскресенье северный ветер нагнал холод и облака с мокрым снегом, и только самый отчаянный рискнул бы высунуть нос на улицу.

Пока заботливо укрытый Босх нежился и легонько посапывал на постели Билли, крысиный хозяин сражался с Чарли в компьютерную игру. Когда особенно сильный порыв ветра сорвал с крыши черепицу, Чарли подошел к окну. Там он увидел фигуру в желтом, укрывавшуюся под голыми ветвями каштана. Он был совершенно уверен, что видел накануне эту же фигуру, нырнувшую тогда в переулок. На этот раз, несмотря на дождь со снегом, он сумел разглядеть ее лучше, и, если не ошибся, это была китаянка. В солнечно-желтом пальто. Откинутый назад капюшон не скрывал темных, до плеч волос, скрепленных заколкой в виде бабочки.

Когда девочка увидела Чарли, она улыбнулась и подняла руку. Чарли помахал ей в ответ. Улыбка девочки стала еще шире, но она снова пустилась наутек.

— Подожди! — закричал Чарли.

— С кем ты там разговариваешь? — поинтересовался Билли.

— С той девочкой, — на ходу кинул Чарли и выскочил из комнаты. Он скатился по лестнице и пролетел прихожую. — Постой! — распахнув входную дверь, закричал он на всю улицу.

Но девочка в солнечной одежде бежала со всех ног и скоро скрылась из виду.

— Какая такая девочка? — пристал Билли, когда Чарли вернулся в комнату.

— Просто девочка. Кажется, она меня знает, но почему-то убежала.

Босх неожиданно пискнул и сел.

— Смотри-ка, проснулся. — Билли поднял крысу с постели и обратился к ней на том же странном, щебечущем языке.

Когда Билли замолчал, Босх ответил ему несколькими невеселыми скрипами. Билли нахмурился:

— Он сказал, что запомнил то место, но совершенно забыл, как они туда добирались.

— А как же мы тогда найдем животных?! — воскликнул Чарли.

— Не знаю. Но Босх все равно не смог бы снова проделать этот путь, даже если бы его помнил. — Билли приподнял одну из лапок крысы. — Посмотри, как он стер подушечки на лапках и даже потерял коготь.

Чарли внимательно осмотрел лапки. Они действительно не годились для дороги. Он с унылым видом опустил крысу на постель и подумал о Бенджамине, семь долгих месяцев мечтавшем увидеть своего Спринтера-Боба, а в результате узнавшем о пропаже любимого пса. Чарли чувствовал себя в ответе за это. Может быть, если б он лучше заботился о Спринтере, тот не убежал бы.

— Ты не виноват, Чарли, — попытался утешить его Билли. — Ведь бабушка Бон так и не отдала Спринтера в собачий приют. И в «Зоокафе» ему было хорошо.

— Интересно, захотят ли животные вернуться, или они ушли навсегда? — проворчал себе под нос Чарли.

Попозже вечером зашла Мейзи. Она решила забрать Босха, чтобы его не обнаружила бабушка Бон. Он побудет в ее комнате, а в понедельник она отнесет крысу мистеру Комшарру.

Между тем Чарли и Билли еще нужно было собрать все необходимое для новой школьной четверти. Они молча складывали синие плащи и белые рубашки, запихивали в сумки книги и носки, и каждый из них думал о завтрашнем дне. Чарли интересовало, какая обстановка будет в Королевской комнате, где потомки Алого короля готовят уроки и одновременно ведут

скрытую войну. В конце предыдущей четверти его друзья вроде бы одержали верх, но он знал, что они имеют дело с серьезными противниками.

На следующее утро, когда Чарли вошел в высокие двери академии Блура, он заметил, что многие выглядят подавленно. И правило соблюдения тишины в холле было не единственной причиной этого. Дети с опущенными плечами и потупленными взорами расходились по раздевалкам.

— Черт возьми, что за мрачные у вас морды! — Через толпу проталкивался Манфред Блур. — Что с вами со всеми? Ну-ка, улыбнись, Эмма! А ты, Габриэль Муар, похож сейчас на мокрую курицу. Прочь с дороги, идиот!

Вдруг Манфред лицом к лицу столкнулся с Лизандром Ведом. Чарли обратил внимание на то, что его друг стал почти таким же высоким, как директорский сынок. Лизандр стоял неподвижно, молча и с ужасно решительным видом.

— Отойди! — зарычал Манфред.

— А где «пожалуйста»?

Окружавшие двоих молодых людей дети тут же отхлынули в стороны, оставив Манфреда и Лизандра в самом центре холла. Бледное лицо Манфреда ярко вспыхнуло. Сузив черные глаза и сведя брови в свирепую линию над длинным носом, он со злобой смотрел на Лизандра.

Чарли затаил дыхание. Если Лизандр не поторопится уступить дорогу, то Манфред загипнотизирует его. Все в холле осознавали опасность этого. Ведь многие уже становились жертвами парализующего взгляда Манфреда. В том числе и Чарли.

Двигай, Зандр, убирайся!

Но Лизандр не сдвинулся с места.

Манфред открыл рот. Послышалось ужасное бульканье. Это он попытался испугать противника задержкой после уроков. Но Лизандр только презрительно фыркнул, обогнул Манфреда и ушел в зеленую раздевалку.

Чарли, изумленный увиденным, так и остался стоять столбом. У Манфреда не получилось ни загипнотизировать, ни запугать Лизандра. И, похоже, парень сам был потрясен этим. Он смотрел куда-то вдаль и никак не мог поверить в случившееся.

— Нам бы лучше уйти, — дернув Чарли за плащ, прошептал Билли.

Но предупреждение запоздало.

— А ты чего варежку разинул, Бон? — заорал взбешенный Манфред.

— Ничего… Я просто… кое-что потерял…

— Остатки ума, наверное. — Манфред резко повернулся и отправился в комнату старост.

Чарли очень хотелось крикнуть вслед Манфреду что-нибудь язвительное, но Билли уже тащил его в синюю раздевалку. Раздевалка гудела. По меньшей мере десять человек лишились своих питомцев. Габриэль Муар выглядел еще более несчастным, чем обычно. Исчезли все двадцать его хомячков и три утки, а еще у его мамы пропала ручная козочка.

— Все было бы не так плохо, если бы не потерялась наша собака, — хныкала Гвинет Хауэлс, известная плакса.

— Нет, кошку потерять страшнее, чем собаку, — не согласилась маленькая девочка в плаще, который был размера на два больше, чем следовало.

Чарли присел на скамейку рядом с другом:

— Фидо, а как твоя кошка? Плюшка, кажется?

— Плюшка? А что с ней может случиться? — Фиделио склонился над скрипкой и начал подтягивать струны. — С ней все в порядке. Как всегда, глухая как пень.

— Ты, конечно, слышал, что случилось. Все домашние любимчики… — Он остановился, пораженный внезапной мыслью. — Ах да, твоя кошка ведь глухая.

Он вспомнил дом Фиделио, битком набитый музицирующими детьми, которые целыми днями гремели, бренчали, барабанили, пели. Дом Фиделио буквально сотрясался. Но ведь не после полуночи!

— А что-нибудь особенное случилось у тебя дома в ночь на субботу? — спросил Чарли.

— Ага. — Фиделио взял ноту и прислушался. — Феликс пригласил к нам свой оркестр. Они сидели в подвале, но все равно от них было чертовски шумно. Около часа ночи папа велел им заканчивать.

— Это все объясняет, — сказал Чарли. — Плюшка могла ничего не почувствовать. — Он спохватился, что раздевалка уже опустела, и поднялся. — Пойдем, а то опоздаем.

Во время первой перемены на игровой площадке царило уныние. Подавленные владельцы животных сбивались в кучки и обсуждали свои потери. Чарли даже удивился, как много пропало собак, кошек, кроликов, даже игуан, змей и полуобезьянок галаго.

Куда они ушли и почему? Вернутся ли обратно и когда?

Чарли не сомневался, что в конечном счете подозрения падут на потомков Алого короля. Во всех необычных и подозрительных делах всегда обвиняли их. Учительница по классу скрипки, мисс Кристалл, приветливо махнула ему от дверей:

— С тобой все в порядке, Чарли? Ты выглядишь каким-то

потерянным.

— Я просто ищу Фиделио, мисс Кристалл, — ответил Чарли.

— Ох, он же ждет меня на урок музыки. Я опаздываю! — И мисс Кристалл исчезла.

Чарли завидовал Фиделио. У него была самая молодая и красивая учительница в школе. А у него самого этот мистер Палтри, с его отвратительным характером и прокуренным кашлем.

— Привет!

Чарли повернулся и увидел прогуливавшихся по игровой площадке Танкреда с Лизандром. Танкред кивнул ему, но, когда Чарли подбежал к ним, обычно приветливый, Лизандр даже не улыбнулся. Он задумчиво смотрел вдаль, как будто Чарли тут даже не было.

— А здорово ты Манфреда! — попробовал ободрить его Чарли.

— Ага, — только и сказал Лизандр все с тем же угрюмым видом.

— У него попугай пропал. Знаешь, Гомер? — объяснил Танкред.

— Все животные пропали, — сообщил Чарли. — Ушли во время снегопада. Но мы их обязательно вернем.

— Кстати о снегопаде, Чарли, — быстро произнес Танкред. — Это я. Я его вызвал. Но клянусь, я ничего не хотел сделать с животными.

— Ты?! — воскликнул Чарли. — Тогда и удивляться нечему. То-то он был какой-то странный.

Танкред слегка обиделся:

— А мне казалось, я хорошо все сделал.

— А почему именно снегопад? — поинтересовался Чарли.

— Меня Огнецы заставили. Не знаю зачем. — Танкред взъерошил соломенные космы.

— Ко мне они тоже приходили. — Чарли говорил как будто сам с собой. — Может быть, они пытались остановить поиски чего-то? Снег на некоторое время помог, но в конце концов кто-то все же добрался до предмета, который соединяет наш мир с ну-у… вроде как с духами незапамятных времен, — вздохнул он.

Два старших мальчика с легким недоверием посмотрели на него.

— Объясни, — потребовал Лизандр.

— Ну, когда это случилось, земля вздрогнула. По крайней мере, так Билли сказал Босх. Животные это содрогание почувствовали и так испугались, что убежали.

— Куда? — серьезно спросил Лизандр. — Мой попугай исчез,

и я хочу его вернуть. Мне он нужен.

Чарли беспомощно пожал плечами:

— По словам Босха, все они перебрались через реку. Сам он вернулся, но теперь не может вспомнить точно, как они туда шли… ну туда, где они сейчас.

— Бестолковая крыса! — буркнул Лизандр.

Чарли, не ожидавший, что Лизандр окажется таким жестоким, уже был готов броситься на защиту Босха, но в это время прозвучал рожок, возвещавший окончание перемены, и мальчики направились в школу.

Когда толпа ринулась к садовым воротам, Чарли увидел среди них знакомую фигуру — маму Бенджамина, миссис Браун.

— Смотри-ка, мама твоего приятеля, — заметил Танкред. — Разве она тоже работает у Блура?

Чарли покачал головой:

— Нет. Что же она здесь делает?

— Она же частный сыщик. Наверное, что-нибудь расследует, — предположил Лизандр. — О! Может, она пришла что-нибудь выяснить о пропавших животных? Ведь скорее всего подозревают нас, — нерадостно засмеялся он.

Миссис Браун вдруг оглянулась через плечо и встретилась взглядом с Чарли, но тут же отвернулась и вошла в дверь.

— Она не хочет со мной и знаться! — недоверчиво воскликнул мальчик.

— Чарли Бон, вы под подозрением! Испаритель животных! — криво ухмыльнулся Танкред и поспешил за Лизандром, уже ушедшим вперед.

— Что? — Чарли так и остался стоять с открытым ртом.

Танкред, конечно, пошутил, но хороши шутки, если мама твоего старинного друга тебя избегает!

— Надеюсь, ты опоздаешь, — усмехнулся из дверей староста Аза Пик. — Через десять секунд я закрываю две…

— Нет! — Чарли одним прыжком перемахнул ступени и резко затормозил рядом с Азой.

Подобными насмешками Аза сопровождал каждое свое действие.

— Так хорошо провел Рождество? — решив не обращать внимания на это, спросил Чарли.

В лисьей мордочке Азы что-то дрогнуло.

— Разумеется, хорошо. Двигай в класс, а то действительно опоздаешь, — откинув со лба прядь жирных волос, ответил он.

Чарли побежал через холл, а Аза остался закрывать двери. Староста вел себя как-то необычно. Кажется, он нервничал и чувствовал себя не в своей тарелке.

Аза был самым великовозрастным среди младших; ему следовало бы ходить в старших учениках, но в прошлом году он провалил экзамены, и потому теперь к нему приставили любителя командовать Райли Бернса, нестерпимого всезнайку.

Может быть, Аза нервничает из-за этого? Но тут Чарли в голову пришла неожиданная мысль. Всем известно, что, когда настают сумерки, Аза может менять облик; он умеет превращаться в длиннорылое, горбатое, похожее на волка существо. Может быть, как и другие животные, он тоже ощутил, как вздрогнула земля? Чарли решил вечером, когда в Королевской комнате они будут сидеть за одним столом и готовить уроки, повнимательнее приглядеться к старосте.

* * *

В этот вечер Чарли первым явился в Королевскую комнату. Он оглядел круглое помещение с высоким потолком и бесчисленные полки с книгами в кожаных переплетах. Свободное место на стенах нашлось только для картины — портрета в тяжелой позолоченной раме. Портрета Алого короля.

Чарли любил садиться так, чтобы видеть этот портрет. Не успел он разложить учебники на столе, как стали появляться и другие одаренные.

Первым пришел Джошуа Тилпин, маленький мальчик с серым мышиным личиком, большими ушами и кривыми зубами. Как всегда, его костюм украшали следы мела, листья, клочки бумаги, прутики и веточки: Джошуа обладал способностью притягивать различные предметы. Затем появились сестры Идит и Инез, близнецы, владеющие даром телекинеза.

А потом, едва не крадучись, вошел Билли Гриф.

— Мне нужно тебе кое-что сообщить, — пробираясь бочком мимо Чарли, прошептал он.

Но Чарли вряд ли его услышал, потому что внимательно разглядывал портрет короля, вообще-то уже давно и хорошо им изученный. Он очень часто видел темное лицо, трещинки на краске, алый плащ и простую золотую корону на королевской голове. Глубокие складки плаща от времени потемнели и покрылись пятнами. Чарли очень хотелось проникнуть в портрет и попасть в далекий мир Алого короля, но его всегда что-то удерживало. Рядом с королем, точнее, позади него была изображена темная тень, таинственная фигура, мешавшая попыткам Чарли добраться до прародителя. Но сейчас…

У Чарли округлились глаза. От потрясения у него

закружилась голова, и он ухватился за спинку стула. Тень переместилась. Совсем чуть-чуть, но Чарли так хорошо знал картину, что ему-то это было заметно. Раньше тень стояла сразу за плечом короля и была как бы слегка размыта. А теперь она стала крупнее и более резко очерчена. Как будто бы сделала шаг вперед.

— Тень, — чуть слышно выдохнул он.

— Я должен рассказать тебе, — наклонившись к нему, тихо произнес Билли.

ВЕДЬМА С ДВОЙНОЙ ТЕНЬЮ

— Все болтаешь, Билли Гриф? — в комнату входил Манфред Блур. Он нес новенький черный портфель.

— А-а, не совсем. Я просто попросил Чарли дать мне книжку. — Билли нервно захлопал красными глазками.

— Молчание — золото, помни это, Билли! — Манфред уселся по другую сторону стола.

— Да, Ман… сэр. — Билли вовремя вспомнил, что Манфред теперь «сэр».

Королевская комната потихоньку заполнялась. Лизандр появился последним и громко захлопнул за собой дверь.

Манфреда возмутил грохот.

— Ради бога, Лизандр Вед, не мог бы ты вести себя нормально?

— Зависит от того, что ты считаешь нормальным, — во всеуслышание заявил Лизандр. — Мне кажется, среди нас никого нельзя назвать нормальным. Даже тебя, не так ли?

Растерявшийся Манфред с отвращением и страхом уставился на Лизандра.

— С меня довольно твоей наглости, Вед. Подобные высказывания дорого тебе обойдутся. А сейчас сядь и заткнись! — взяв себя в руки, сердито проворчал он.

Пожав плечами, Лизандр сел рядом с Танкредом и, поглядывая на остальных, начал раскладывать на столе книги.

И без того гнетущая атмосфера в Королевской комнате стала еще тягостнее.

Дружки Манфреда выглядели сегодня еще большими задаваками, чем обычно. Они посматривали на Чарли и его друзей, а потом обменивались друг с другом понимающими ехидными взглядами.

Доркас Мор когда-то была пухленькой, румяной и вечно улыбающейся. Теперь, когда ей исполнилось двенадцать, она превратилась в крупную хмурую блондинку со спутанными волосами и какой-то казематной болезненной бледностью. Она сидела между близняшками Идит и Инез, которые улыбались только в том случае, когда у кого-нибудь были неприятности.

Одна из двойняшек (бог весть которая) сейчас смотрела на Чарли и заметила, как его взгляд опять метнулся к портрету. Чарли никак не мог сосредоточиться на уроках. Перемещение зловещей тени занимало его мысли. Почему это случилось? Манфред когда-то говорил, что это тень Борлата, старшего королевского сына, жестокого тирана. Но внутренний голос

подсказывал Чарли, что вряд ли это так. Но тогда чья же это тень?

Чарли очнулся от окрика Манфреда.

— Бон! Работай!

— Я ра-работаю, — слегка заикаясь, отозвался Чарли.

— Нет, не работаешь. Ты опять уставился на картину. Как всегда. Прекрати, потому что это портрет того, кем ты никогда не станешь, даже если в нее, в эту картину, проникнешь. Понял?

— Ну, это ты так говоришь.

Чарли опять склонился над книгами. Он еле сдерживался, чтобы не сказать о тени. Ему страшно хотелось узнать, заметил ли еще кто-нибудь ее перемещение.

Как только уроки были сделаны, Чарли собрал книги и следом за Билли выбежал из комнаты.

— Ты видел тень? — спросил он у торопившегося по коридору малыша. — Ты о ней хотел мне сказать?

— Я не очень наблюдательный, — осторожно начал Билли. Он остановился и оглянулся через плечо. — Чего они ждут?

Чарли тоже оглянулся и увидел стоящих возле дверей Королевской комнаты Габриэля, Эмму, Танкреда и Лизандра.

— Ты видел? — окликнула Чарли Эмма. Что? — спросил Чарли, недовольный тем, что ему помешали побольше вызнать у Билли.

— Явился Аза и, как только мы вышли, закрыл изнутри дверь Королевской комнаты, — объяснила Эмма.

— Что они затевают? — добавил Габриэль.

— Подумаешь. Кого это интересует? — Лизандр отделился от группы и решительно направился прочь.

— Меня. — Плащ Танкреда взвился, и над головами пронесся сильный ветер. — Что они собираются делать? Я хочу знать. — Он приложил ухо к двери, но та внезапно открылась, и Танкред упал прямо в объятия Азы Пика.

— Вали отсюда, шпион! — Аза вытолкнул Танкреда обратно.

Танкред потерял равновесие, шлепнулся прямо на пятую точку и заорал от ярости. Аза осмотрел коридор:

— И так будет с каждым, кто не хочет, чтобы его оставили в школе на выходные. — Он захлопнул дверь и снова запер ее.

Танкред поднялся и хотел было кинуться на дверь Королевской комнаты, но Эмма удержала его:

— Не надо, Тан, не стоит.

Чарли видел, что Танкреду не терпится хорошенько треснуть по двери, но что-то в тихом голосе Эммы Тана остановило.

— Хорошо, Эм. Ты права. Им только того и надо.

Эмма помогла Танкреду подобрать рассыпанные книги и письменные принадлежности. Чуть поостыв, он присоединился к

остальным и направился в спальню. Два старших мальчика отделились, чтобы подняться на верхний этаж. Эмма собралась на свой второй, в спальню девочек.

— Спокойной ночи, Эм. Скоро увидимся, — бросил ей вслед Чарли.

— Кто это? — оглянулась на него Эмма.

Свет в коридоре был очень тусклым, и выходящие в него двери можно было различить с большим трудом.

— Мистер Браун, — прошептал Чарли. — Папа Бенджамина. Спрятался в кладовку. Он крался за нами. Уверен, что следил.

— Странно, — сказала Эмма. — Но сейчас мы все равно ничего не можем сделать. — Она зевнула. — Ну, я удаляюсь, мальчики. Спокойной ночи.

Чарли и Билли пошли дальше по длинному темноватому коридору к спальне, где они жили в прошлую четверть. На дверях висели списки, и они выяснили, что опять будут вместе.

Габриэль был уже в спальне. Он сидел на одной из кроватей и принюхивался.

— Как-то странновато здесь пахнет, — заметил он.

— Пахнет или не пахнет, но мы пришли первыми и, значит, будем выбирать себе кровати. — Чарли взглянул на часы. — О, что-то Манфред нас сегодня отпустил раньше.

— Значит, у него секретный разговор с Азой и прочей компанией, — предположил Габриэль. Он пошел в ванную, и вдруг все услышали его удивленный крик: — Фу! Опять этот пес!

— Ой, бедный Душка, я и забыл о нем. — Билли вбежал в ванную и чуть не споткнулся о кургузую, толстую собачонку, которая заковыляла к выходу со всей скоростью, на которую были способны ее старые подагрические лапы.

— Что он здесь делает? — воскликнул Габриэль. — Почему он не исчез вместе с другими животными?

— Я как раз собирался тебе сказать. — Билли потрепал дряхлого пса по голове. — Он пришел, когда я раскладывал вещи, а потом я случайно закрыл его в ванной комнате, когда пошел на занятия.

— Это не объясняет, почему он не присоединился к великому исходу животных, — резонно возразил Габриэль и вернулся в ванную.

— Он очень старый, — объяснил Чарли. — Некоторые животные не ушли, потому что не почувствовали толчка или просто им это было не по силам.

Билли поднял собаку на выбранную для себя кровать.

— На самом деле Душка почувствовал толчок, но в это время был с кухаркой и она велела ему оставаться на месте, — объяснил

Билли. — Когда все кончилось, он выполз и увидел что-то, очень напугавшее его. Правильно, Душка?

Старый пес басовито рыкнул и с удобствами устроился на подушке Билли. Чарли присел на соседнюю кровать. Он не понимал, как Билли выносит этот ужасный запах псины. Да еще если так будет пахнуть от подушки, не говоря уж о грязи, шерсти и, возможно, блохах…

— Так. И что же он увидел? — обратился Чарли к Билли.

Маленький альбинос понизил голос:

— Он увидел ведьму с двумя тенями.

— Что? — вскрикнул Чарли. Габриэль выскочил из ванной.

— Что значит «ведьма»? — На длинном лице Габриэля явно читалась тревога. Он сразу стал похож на испуганного кролика. — Откуда Душка взял, что это была ведьма?

— Ну, это я так сказал, а Душка назвал ее по-другому, — признался Билли. — Женщина-черт.

— Женщина-черт! — Чарли показалось, что волосы у него на затылке начали колоться, как ежевичные кусты. — Еще лучше!

— А что это за дребедень про две тени? — спросил Габриэль. Он надеялся успокоиться, услышав более или менее правдоподобное и разумное объяснение. — Думаешь, он увидел двойника? А тебе не кажется, что он просто очень старый?

— У него такие же хорошие глаза, как у меня. — Билли поправил очки на носу и обратился к Душке на неком подобии собачьего скулежа.

Душка ответил тревожным подвыванием, потом опрокинулся на спину и несколько раз отрывисто рявкнул, выдав этакое псовое стаккато.

— Нет, именно две тени, — объяснил Билли, когда лай стих. — Потому что одна из них во что-то превратилась, в то время как тень женщины-черта осталась при ней.

— Во что превратилась? — в один голос спросили Чарли и Габриэль.

— Для собаки он описал это даже очень хорошо, — со знанием дела оценил Билли. — Он был в холле, за сундуком. Женщина спускалась по главной лестнице, а перед ней двигались две тени. И когда они добрались до главного входа, то… другая, вторая остановилась. Она сначала была серой, вроде как облако пыли, а потом стала зеленой с золотистым узором. — Билли взглянул на Душку и понизил голос: — Он сказал, что это было похоже на халат, но я думаю, что речь идет о средневековой мантии. — Он приветливо улыбнулся Душке. — Пес не виноват, что никогда не видел средневековых одежд. Да и я-то видел их только на картинках…

— Будь добр, не мог бы ты продолжить о тенях? — попросил Чарли.

— Извини. Но чувства собаки тоже важны. — Билли тихонько кашлянул. — Во всяком случае, он сказал, что у нее было человеческое лицо и темные волосы до плеч, а обувь с длинными острыми носами и…

Вдруг дверь распахнулась и в комнату ворвалась целая орава мальчиков.

— У-ух! Опять этот собачий дух! — воскликнул первый из них, невысокий толстяк Брайн по прозвищу Хвастун.

Душка испуганно взвизгнул, слетел с кровати Билли и со всех старческих лап бросился вон из комнаты.

— Отвратительно! — проворчал Хвастун. — Это самая смердящая собака на свете.

— Я думаю, даже хуже, — сказал Фиделио и бросил сумку на кровать, занятую для него Чарли.

— Мне мамуля дала освежитель воздуха, — вылупился на свет и заговорил тоненьким голосом тщедушный первоклашка Руп. — Скоро атмосфера здесь станет лучше, Хвастун.

Он достал огромный розовый баллон и начал опрыскивать комнату. Запах после аэрозоля стал, пожалуй, еще гаже.

— Он называется «Розовый лепесток», — радостно объявил Руп, в то время как одиннадцать других мальчиков спикировали на свои кровати, прикрыв лица кто подушкой, кто пижамой, кто просто руками.

Задыхавшиеся жертвы со всех сторон выкрикивали: «Хватит!», «Завязывай!», «Кто-нибудь, задавите его!» — а Руп весело и бездумно продолжал распространять удушливый аромат «Розового лепестка».

От проклятого баллончика, казалось, уже некуда деться. Но в это мгновение с этажа над ними донеслись душераздирающие крики. Руп остановился, разинув рот. Мальчики моментально соскочили с кроватей и ринулись в коридор.

Чарли добежал до девичьего этажа первым. И застыл, закачавшись и едва не падая. Налетевший на Чарли Габриэль уперся ему в спину руками и стал всматриваться в темный коридор.

— Ой, мамочки! — вдруг взвизгнул Габриэль и всей тяжестью свалился на шеренгу стоявших за ним мальчиков.

Не слыша криков боли и страха, Чарли таращился на зеленовато-серого аллигатора гигантских размеров, перекрывшего коридор. Поблескивая желтыми глазами, он разинул пасть, похожую на пещеру с бесчисленным множеством чудовищных, острых как бритва зубов. Столь жутких рептилий

Чарли никогда не видел, даже в самых страшных ужастиках.

Позади чудовища на полу валялись распростертые полуодетые девичьи фигурки. Из дверей выглядывали насмерть перепуганные, еще не потерявшие сознания девочки и с визгом прятались обратно. По всему коридору разносилось грохочущее эхо захлопывающихся дверей.

Огромное чудовище гортанно заурчало и бросилось в атаку. Вцепившись в перила и не в силах тронуться с места, Чарли заорал так оглушительно, что зверюга даже остановился.

— Что здесь происходит?

Чарли сразу узнал голос тети Лукреции, надзирательницы, однако при явной неприязни тетки к племяннику вряд ли ему стоило рассчитывать на ее помощь. Но вдруг, к его удивлению, чудовище стало исчезать, растворяться в воздухе. Постепенно, начиная с хвоста, стала невидимой бородавчатая спина, шишковатая голова, и, наконец, все туловище кануло в небытие.

К тому времени, когда Лукреция Юбим поднялась по лестнице, в коридоре было уже пусто, если не считать валявшихся без сознания девочек.

— Во имя всего святого, что ты наделал, Чарли Бон?! — изучив ужасную картину, закричала надзирательница.

— Я-а? — хрипло изумился Чарли. — Ничего.

— И это ты называешь «ничего»? — Надзирательница показала на девочек, некоторые из которых уже начали приходить в себя.

— Ничего этого я не делал.

— Делал-делал, — раздался голосок Доркас Мор, скрывшейся в одной из спален. — Это он аллигатора сделал. То есть, точнее сказать, иллюзию крокодила.

— Это не я, — оправдывался Чарли. — Ты же знаешь, что это не я. Я и здесь-то оказался только потому, что вы все вдруг заорали.

— Это еще не значит, что аллигатора сделал не ты.

— Немедленно отправляйся к директору, — сверху вниз грозно глядя на Чарли, распорядилась надзирательница.

— Почему? — спросил безмерно удивленный мальчик.

— Объяснишь все, что наделал.

— Но… — Чарли поглядел в нависшее над ним холодное лицо.

Ох уж эта бабушка Бон и три ее сестрицы! Всегда они против него. И спорить бесполезно.

— Это не он! Точно, это не он! — прозвучало вдруг откуда-то, когда он уже собрался подчиниться приказу.

Чарли оглянулся и увидел Оливию Карусел, неловко

пробирающуюся между телами по коридору. Она была в совершенно потрясающей пижаме из черного бархата, расшитого громадными золотыми цветами, что удачно оттеняло перевязанные черно-золотистой лентой волосы.

— Займись своим делом! — пролаяла надзирательница.

— Но это как раз мое дело! — возразила Оливия. — Доркас врет: Чарли не виноват!

— Не виноват, как же! Так я тебе и поверила! — Надзирательница сердито оттолкнула Оливию. — Марш в постель!

— Спасибо за правду, Лив. Кстати, ты потрясающе выглядишь, — сказал Чарли.

— Я приказала тебе идти к мистеру Блуру! — сорвалась на крик надзирательница. — Живо-живо. — Она схватила мальчика за плечо и толкнула его вниз по лестнице.

Под дверьми их спальни в ожидании маялся Фиделио.

— Желаю удачи, — увидев Чарли, сказал он.

— Не боюсь я мистера Блура! — усмехнулся Чарли.

Было слышно, как наверху громко топает надзирательница, распоряжается и поднимает на ноги плачущих девочек.

— Бедные-бедные, — пробормотал Чарли, когда весь этот шум остался позади.

Выйдя на главную лестницу, он услышал чьи-то легкие шаги и посмотрел вниз. Холл казался пустым. Чарли начал спускаться. Он уже дошел до середины, когда увидел фигуру, метнувшуюся в синюю раздевалку. Мистер Браун, если только Чарли не ошибся.

Интересно, знает ли Бенджамин, что его родители работают на мистера Блура? Он добрался до небольшой двери, ведущей в апартаменты Блура в западном крыле. Чарли повернул под арку, в застланный толстым ковром коридор.

Он слышал свое тяжелое дыхание. Чарли терпеть не мог эту часть здания, хотя здесь было вроде бы чисто и уютно. В этом коридоре почему-то он всегда чувствовал себя правонарушителем. А сейчас еще стоило подумать, как доказать свою невиновность и одновременно не выдать настоящего преступника. Понятно, что его имя во что бы то ни стало следовало сохранить в тайне.

Дар Оливии открылся совсем недавно, в прошлой четверти, и знали о нем только Чарли, Фиделио и Эмма. Все трое решили держать его под секретом. Чем меньше людей о нем будет знать, тем лучше. А Оливия в свою очередь пообещала, что будет использовать талант лишь в самом крайнем случае. Так что же заставило ее заниматься фокусами с аллигатором прямо под дверьми девичьих спален именно сегодня?

Чарли дошел до высокой дубовой двери кабинета мистера Блура и нерешительно постучал.

— Войдите, — донесся из комнаты ледяной голос.

Чарли вошел и остановился у самых дверей. У него упало сердце, когда он увидел, что у камина в инвалидном кресле сидит старый Иезекииль, имевший совсем дряхлый вид. Хотя и действительно, куда уж дряхлее — сто один год.

— Что привело тебя сюда в такой поздний час, Чарли Бон? — строго спросил доктор Блур.

— Меня прислала надзирательница. — Слова застревали у Чарли в глотке, и вместо них вырывалось что-то нечленораздельное.

Иезекииль поднес ладонь к уху:

— Что? Говори громче, мальчик.

— Меня послала надзирательница, — почти крикнул Чарли.

— Не надо так кричать, мы не глухие, — остановил его доктор Блур.

— Да, сэр.

— Итак, объясни, зачем надзирательница тебя послала. Что ты натворил в этот раз?

— Никак не можешь без неприятностей? — чернозубо ухмыльнулся Иезекииль.

— Я стараюсь. Но иногда ко мне придираются, — ответил Чарли.

— Надеюсь, ты не собираешься обвинять в этом персонал академии. — Директор школы бросил на мальчика мертвенно-тусклый взгляд.

Чарли переступил с ноги на ногу:

— Не совсем, сэр.

— Не совсем? А в чем же тебя обвиняют, Чарли Бон?

— В том, что будто бы из-за меня девочки упали в обморок.

Доктор Блур вздернул бровь:

— И как же, скажи на милость, тебе это удалось?

— В том-то и дело, сэр, что это не я, — выпалил Чарли. — Это аллигатор в коридоре, ну, то есть его иллюзия и…

— Что? — Иезекииль отвернул кресло от камина и подкатился прямо к Чарли. — Вот, значит, как? Ты создаешь всякие гадкие иллюзии и до смерти пугаешь людей?

— Нет! — закричал Чарли. — Я этого даже не умею! Если б я такое умел, то давно бы уже попробовал!

Маленькие черные глазки Иезекииля скользнули по лицу Чарли, как будто пытались отыскать правду по малейшим изменениям выражения.

— Он этого не делал, дедушка, — заговорил доктор Блур. —

Я верю, что это сделал кто-то другой, кто лишь недавно открыл в себе такой дар. Но Чарли определенно знает, кто это.

— Да. Да! — словно выплюнул Иезекииль. — Он знает! И кто же это, Чарли?

— Я не знаю.

— Вот теперь ты лжешь.

Под складками шотландского пледа старец прятал трость, и Чарли не видел ее, пока что-то белое не пронеслось по воздуху и не хлестнуло его по коленям.

— Оу-у-у! — взвыл Чарли.

— Ты прекрасно знаешь, кто это, — произнес Иезекииль. — И мы должны узнать тоже. Немедленно! Нам это нужно, понимаешь? Мы должны знать всех детей, которые обладают каким-нибудь даром.

Чарли потирал колени.

— Видите ли, я и сам ничего не понимаю. И никто из нас. Все очень удивились. Я имею в виду, мы же знаем, что нас двенадцать, если считать Манфреда. Представляете, что мы почувствовали, когда вдруг кто-то другой начал творить миражи? — Чарли лихорадочно соображал, не слишком ли много выболтал. — Может быть, это кто-то из преподавателей? — предположил он.

— Не говори глупости! — Иезекииль снова поднял трость, но Чарли успел отскочить на безопасное расстояние.

— Пусть убирается, — вмешался доктор Блур. — Со временем все выяснится, И тогда, мой дорогой, им попадет. Ох, попадет! И тебе, скверный, хитрый Чарли Бон, тоже попадет за твою ложь.

В ГЛУШЬ

По мнению Чарли, неприятности у Оливии возникали зачастую по той причине, что она слишком мало задумывалась о последствиях своих поступков.

«Ну, на этот раз они у нее будут», — решил про себя Чарли, когда услышал доносившиеся из развалин голоса. Чуть не всю первую перемену он потратил на поиски Оливии. А следовало бы догадаться, что она прячется в руинах. — Ага, попалась! — крикнул Чарли и выскочил из-под арки.

Но когда он увидел, что творится во внутреннем дворе замка, все мысли о разговоре с Оливией вылетели у него из головы. Двор, вымощенный когда-то огромными каменными плитами, оказался засыпан их осколками. Отбитые куски валялись везде, а на месте одной из самых крупных плит зияла глубокая яма, около которой лежал еще один крупный, но развалившийся надвое обломок.

— Что это? — ахнул Чарли.

— Наверное, предзнаменование, да? — Эмма стояла почти вплотную к Оливии и нервно теребила светлую прядку.

— А я думаю, что это результат чьих-то поисков, — заявила Оливия. — И подозреваю, что неизвестный искатель под этой плитой нашел то, что хотел.

Чарли взглянул на черный прямоугольник земли. В центре его отчетливо была видна небольшая квадратная ямка, стены и дно которой были выложены прогнившим уже деревом. Как будто здесь был закопан небольшой ящичек. Крышка, наверное, давно уже разрушилась, и теперь внутри «ящика» был слой земли. Но в середине явственно виднелась овальная вмятина.

— Давайте уйдем отсюда, — предложила Эмма. — А то меня что-то дрожь берет.

Когда они уже выбрались из развалин, Чарли заговорил об аллигаторе:

— О чем ты только думала, дурища? — К тому же ему приходилось изо всех сил стараться случайно не наступить на лиловые, по виду волшебные туфельки Оливии. — Я имею в виду твоего аллигатора.

— Знаешь, мне просто тошно стало от их стонов. — Оливия поправила на голове розовато-лиловый платочек. — Девчонки все ныли и ныли о своих кошечках, собачках и прочей ерунде… — Глаза ее опасно блеснули. — Ты знаешь, что у Моров сбежали их ротвейлеры? Доркас их терпеть не могла, а тут вдруг заскулила: «Ой, бедные братики, у них собачечки потерялись!» Вот я и

подумала, что аллигатор утешит и развеселит ее.

Нет, что ни говори, а Оливия — отличная актриса; Чарли не смог удержаться от улыбки, когда она передразнивала Доркас.

— Ты, Лив, однажды напугаешь кого-нибудь до смерти, и что мы йотом будем делать? Тебя найдут, и тогда тебе конец. Блуры готовы на все, чтобы узнать, кто создал этого несчастного крокодила!

— Меня не найдут, — ухмыльнулась Оливия.

— Запросто найдут, — вступила в разговор Эмма. — И тогда ты не сможешь помогать нам. Не забывай, ты — наше секретное оружие.

Оливия протяжно вздохнула:

— Ладно, обещаю остыть на некоторое время. Но, знаете, это так смешно — пугать людей, особенно если они прямо обалдевают от страха! Разумеется, тех людей, которые этого заслуживают.

Чарли отвел от нее взгляд:

— Быть одаренным — это еще не значит, что своим даром следует забавляться.

Он сам с трудом поверил, что сказал такое, но эти слова как будто сами по себе выскочили у него изо рта, он не знал, откуда они взялись.

— Ну, Чарли, ты даешь! — заметила, уходя, Эмма.

Мальчик пожал плечами:

— Может, это говорит новый Чарли. Ведь мне уже двенадцать.

— Не поддавайся старости, Чарли! — крикнула ему вслед Оливия.

Чарли обернулся и махнул рукой:

— Ты спятила?

Но потом, когда он задумался над происходящим, пришел к выводу, что в последнее время его собственный дар никому не принес решительно никакой пользы.

Оливия сдержала обещание. До самого конца недели возле спален не ползали аллигаторы, по саду не бродили динозавры и по школе не галопировали средневековые рыцари, размахивая боевыми топорами (к рыцарям Оливия питала особую слабость).

Если Душка и видел тень, он держал это при себе. А главное беспокойство Чарли вызывало непонятное присутствие в школе родителей Бенджамина.

В пятницу, когда Чарли спросил у Билли, где тот проведет субботу и воскресенье, то получил ответ, немало его озадачивший.

— Миссис Браун просила меня составить компанию

Бенджамину, — радостно ответил Билли. — Видишь ли, он очень заскучал без своей собаки.

Чарли удивился и одновременно почувствовал себя виноватым. Хотя ведь не его вина, что Спринтер-Боб сбежал. Но, с другой стороны, это он, Чарли, друг Бенджамина. Почему же он не может составить Бену компанию?

— А-а, ну ладно, — сказал он.

Вернувшийся домой Чарли сидел за кухонным столом, а Мейзи у плиты взбалтывала в кастрюльке яйца.

— Странная была неделя, — поделилась Мейзи. — Ни птичьего щебета, ни котов на заборах, ни собак на поводках. Никогда бы не подумала, что они так меняют все. Знаешь, без них как-то скучно. Город как будто вымер.

— Угу, — промычал Чарли.

Его гораздо больше интересовало, увидит ли он снова девочку в солнечной одежде.

— Некоторые по этому поводу обращались даже в полицию. И в Общество защиты животных, и в рабочий совет, и к частным детективам, и еще бог весть куда. — Мейзи поставила перед мальчиком омлет и заглянула в лицо внука. — В чем дело, Чарли? Тяжелая выдалась неделя?

Чарли отрицательно помотал головой:

— Нет. Правда, нет.

— Бенджамин придет?

Чарли пожал плечами:

— У Бенджамина в эти выходные гостит Билли Гриф.

— Ого, вот так оборот! — Мейзи приподняла брови. — Не знала, что они дружат.

— А Фидо играет в оркестре, — уныло продолжал Чарли.

— Ты, похоже, расстроился. — Мейзи присела рядом с Чарли. — Ну ладно-ладно, давай ешь омлет. Это здоровее, чем всякие эти пати… де… фуа… гра, которые так обожает бабушка Бон.

Чарли выдавил улыбку. Он уже собирался приступить к еде, как в кухню ворвался дядя Патон и распахнул дверцу холодильника.

— Есть до смерти хочется! — объявил он. — Сегодня не прислали мою корзину с продуктами. Надеюсь, ты не слишком огорчишься, Чарли?

Каждую пятницу дяде Патону доставляли целую корзину деликатесов (при помощи этого хозяин магазина избавлялся от излишков). Но сегодня Чарли был так погружен в собственные проблемы, что начисто забыл о корзине, хотя всегда ждал ее.

— А что случилось? — спросил он.

— Скоропостижно скончался хозяин, упал замертво, — сообщил дядя Патон.

Чарли даже опустил вилку:

— Вот так, ни с того ни с сего? Прямо в магазине? Все испугались?

— Да. Это ответ сразу на все твои вопросы. Об этом писали в газетах. Ну и неделька!

— От чего же он умер?

Чарли вдруг обнаружил, что не хочет есть.

— Что-то непонятное, почти загадочное, — ответил дядя Патон, выставив на стол тарелки с сыром и бисквитами. — Можно я доем твой омлет, Чарли?

Но Мейзи шлепнула по уже тянувшейся к тарелке руке.

— Мальчик должен поесть! — резко заявила она. — Ешь, Чарли.

— А что говорят врачи?

Чарли сунул в рот кусок омлета. Его расстроила неожиданная смерть хозяина магазина.

— У него без видимых на то причин вдруг остановилось сердце. Совершенно здоровый человек был. Трусцой бегал. Очень жаль. Семьи у него не было, но это, может быть, и к лучшему. Новый хозяин, родственник, уже взял бразды правления в свои руки. На следующей неделе все войдет в колею и у нас опять будет угощение. — Дядя Патон вдруг пристально взглянул в лицо Чарли. — Что, Чарли, годы берут свое? Запомни, двенадцать — это еще не конец!

— Двенадцать, — повторил Чарли. — Мне было два, когда исчез папа. Десять лет назад. Десять. Это счастливое число, вам не кажется?

Лицо дяди Патона немного смягчилось.

— Десять? — задумчиво произнес он. — Ну что же, у Алого короля было десять детей. Но счастье ли это — вопрос спорный.

— Ага, вряд ли, — пробормотала Мейзи.

Вдруг стало слышно, что кто-то топчется у входной двери, и, повернувшись к окну, Чарли увидел, как в машину Браунов садятся Бенджамин и Билли. Интересно, куда это они? В кино или в кегельбан?

Вошла Эми Бон, усталая после работы.

— Ананасы! — весело объявила она, шлепнув на стол сумку. — В возмещение неполученной корзинки! — Она легонько ущипнула Чарли за щеку. — Что-то ты мрачный, Чарли!

— Очень рад тебя видеть, мама!

Чарли поставил опустошенную тарелку в раковину.

— Ты в эти выходные увидишься с Бенджамином? Вам обоим

нужно многое наверстать.

— Нет. — Чарли повернулся, оперся спиной о раковину и с вызовом посмотрел на родственников.

А они ждали объяснений.

— Я не увижусь с Бенджамином, потому что он считает меня виноватым в пропаже Спринтера-Боба. Фиделио играет в оркестре, а Билли Гриф гостит у Браунов. И кстати, родители Бенджамина сейчас работают на Блуров.

— Замечательно! — высказался дядя Патон.

— Но я не буду один, потому что схожу в книжную лавку Инглдью. Хорошо?

— Конечно, хорошо, — тут же согласилась мама.

— Лавка Инглдью — лучшее место в мире! — провозгласил дядя Патон, встал, потрепал мальчика по плечу и опять открыл холодильник.

* * *

Вот так все и было.

Если не считать того, что Чарли так и не отправился в книжный магазин, потому что на следующее утро легкий стук в окно втянул его в приключение, которое, в конечном счете, резко изменило его жизнь. Да и не только его, но и многих других.

Чарли проснулся. В щелку между шторами он разглядел бьющегося в оконное стекло мотылька. Сначала Чарли подумал, что его разбудили легкие удары крылышек о стекло. Но стук раздался опять, и совсем другой, отчетливый и громкий.

Чарли подошел к окну и выглянул. Весь каштан покрылся изморозью. В сереньком утреннем сумраке Чарли разглядел стоявшую под ветвями дерева девочку в солнечной одежде! Капюшон был откинут, обмотанный вокруг шеи разноцветный шарф закрывал даже рот. Она помахала мальчику.

Он открыл окно:

— Привет. Чего тебе? Девочка оттянула с губ шарф:

— Чарли Бон, я хочу тебя кое-куда отвести.

Чарли охватили сомнения.

— Зачем?

— Ты мне не веришь?

— Я тебя не знаю.

Девочка нахмурилась:

— Если хочешь отыскать животных, то должен мне доверять.

— Животных? — воскликнул Чарли. — Ты знаешь, где они?

— Ш-ш-ш! — Девочка приложила палец к губам. — Так ты

идешь?

— Еще бы!

Чарли торопливо оделся потеплее: в шерстяные носки, толстый свитер и стеганую куртку. Проходя мимо кухни, он подумал, что следовало бы оставить записку, но что написать? И он решил: пусть уж мама думает, будто он ушел в книжную лавку.

Девочка ждала возле крыльца, темные глаза озорно поблескивали.

Она протянула руку:

— Рада тебя видеть, Чарли Бон.

Чарли пожал руку:

— А ты кто?

— Нерен, по-китайски это подсолнух. Пошли. Пойдем, пока все еще спят.

Она побежала по Филберт-стрит, Чарли пыхтел следом и удивлялся, как такие маленькие ноги умеют бегать так быстро. Добежав до Хай-стрит, она остановилась и подождала, пока Чарли ее догонит. Затормозив рядом с ней, он еле выговорил:

— А почему я? Почему для поиска животных ты выбрала именно меня?

— Потому что ты Чарли Бон, а именно он и нужен.

— Не понял.

— Это знает мой отец. Он за тебя беспокоится.

У Чарли екнуло сердце.

— Твой отец? А он заодно не мой отец?

— Нет-нет. — Нерен понизила голос: — Но он друг твоего отца.

— Правда? И может мне сказать, где отец? — Голос у Чарли звучал сдавленно.

— Ох, прости-прости, он был другом твоего отца. Но сейчас твоего папы нет.

— Да, — вздохнул Чарли.

— А с недавних пор к нам приходят… животные.

Пока они бежали по городу, Нерен успела рассказать, как следила за Чарли и его друзьями, такими же потомками Алого короля, как и она сама.

— Но отец требовал, чтобы я даже не приближалась к тебе, — печально добавила она!

— Почему? Если он меня знает и если ты одна из нас…

— Он объяснит. — Нерен немного прибавила скорости. — Он очень рассердится на меня, потому что не разрешает ходить в город.

Чарли посмотрел на встревоженное личико девочки, но больше ни о чем не спросил.

Нерен вела его по незнакомой части города. Ряды голых деревьев упирались макушками в холодное небо, дома кое-где прятались за высокие изгороди, украшенные изморозью. Нерен замедлила шаг, осторожно выбирая путь между ледяными дорожками на тротуаре. Внезапно она повернула налево, и следовавший за ней Чарли оказался на узкой тропинке, которая постепенно сужалась и, сужаясь, исчезала. Затем послышался какой-то шум, который с каждым шагом становился громче.

— Мы уже на полпути, — добравшись до перил и оглянувшись через плечо, сообщила Нерен. — Только теперь надо быть осторожнее.

— Еще только полпути?

Чарли по ледяной дорожке докатился до нее и тоже ухватился за перила. Внизу, шагов, наверное, на шестьдесят ниже, он увидел бурный поток; белая пена, ненадолго застревая у торчащих из воды черных валунов, стремительно неслась дальше. Чарли, затаив дыхание, как зачарованный смотрел на это буйство природы.

— Река. Я и не знал, что она так близко.

Нерен загадочно улыбнулась:

— Нам нужно на ту сторону.

— Думаешь, нужно? — Чарли одолели сомнения.

— Мой дом на том берегу.

По скалистому противоположному берегу, насколько было видно, тянулся густой лес.

— Так ты живешь там? — недоверчиво уточнил он.

— Люди умеют жить и в лесу, — широко улыбнулась Нерен.

— Да, но не в таком. Я слышал, там непроходимые дебри.

— Может быть. — Она потянула его за руку. — Пойдем. Внизу мост.

Чарли наклонился над перилами и увидел внизу узенькую полоску сварного железа, повисшую над бурной рекой. Мост выглядел старым и очень ненадежным.

— Вот этот? — прохрипел он.

— Этот мост еще долго прослужит, — подбодрила его Нерен. — Просто здесь шумновато. Но мне нравится. И потом, именно здесь прошли животные.

— Ах да, животные. — Чарли вспомнил, почему он стоит здесь, на жутковатой круче, с девочкой, с которой только что познакомился.

По примеру Нерен он ухватился за перила и заскользил вниз по раскатанной ледяной дорожке, спускавшейся к воде. Так они добрались до моста, который вблизи казался еще более сомнительным. На перилах висели сосульки, а настил местами

обледенел.

Возле моста висело предупреждение: «Осторожно! Ненадежный мост!»

Но не отступать же на глазах у маленькой китаянки! Нерен легко побежала по мосту, и ржавое железо зазвенело под ее башмаками. Чарли, то и дело глотая комок в горле, потрусил следом.

Они были уже на середине, когда он вспомнил об обещании, данном в день своего двенадцатилетия. Он обещал маме больше никогда не принимать поспешных решений, всегда думать о последствиях, прежде чем встревать в какое-нибудь дело. Нерен оглянулась:

— Ты чего остановился?

— Да так, любуюсь видом, — беззаботно ответил он.

— Пошли.

Как раз в этот момент одна из стоек, поддерживающих перила, вывалилась из гнезда. Прежде чем исчезнуть в воде, она громко лязгнула по валуну, торчавшему из воды. Мост задрожал.

Чарли замер.

— Все нормально, — ободрила его Нерен и улыбнулась. — Мы же легкие, ты и я. Нас мост выдержит.

Стиснув зубы, Чарли шагнул за ней.

С тайным облегчением, но с беспечным видом он проскочил две последние стойки и спрыгнул на казавшуюся теперь приветливой узкую каменистую и такую надежную полоску берега.

Нерен засмеялась:

— А теперь опять наверх.

Небо стало вроде светлее, а подъем оказался не таким уж трудным и опасным по сравнению со спуском.

Тотчас их плотно обступили деревья. Еле заметная тропка вела через лес, и Чарли, ступавший следом за Нерен, вдруг обнаружил, что окружен самыми разными звуками. На ветвях чирикали птицы, наблюдая за идущими. Даже шуршавшая под ногами жухлая трава казалась здесь полной жизни. Вот через тропинку проскакал кролик. Затем из-за дерева выглянул олень. А потом все лесные звуки стали постепенно растворяться в приближающемся радостном лае. Несколько секунд спустя из кустов вылетел Спринтер-Боб и с восторженным визгом накинулся на Чарли.

— Бобуля! — тиская здоровенного пса соломенной масти, завопил Чарли.

— Это твой? — спросила Нерен.

— Нет, моего друга. Но я отвечал за него, пока Бенджамин

отсутствовал.

— Этот пес появился первым. Он пришел по мосту, а за ним пришли и другие: собаки, кошки, пони, кролики. Все. Мы услышали, как они идут, и прибежали на скалу посмотреть. Потрясающее зрелище! В лунном свете по мосту бегут животные!

— Но почему они пришли сюда?

— Потому что здесь безопасно. Разве ты не чувствуешь? Там, в городе, пробудилось какое-то зло. Подожди, отец все объяснит.

И прежде чем Чарли успел еще что-нибудь спросить, Нерен резко повернула и вприпрыжку понеслась по тропинке. Рядышком скакал Спринтер-Боб, а Чарли чуть помедлил. Он поднял голову и увидел над собой купол голых ветвей. Да, он чувствовал себя здесь в полной безопасности. Здесь были покой и удивительное ощущение защищенности. Интересно, что это за человек, с которым ему предстоит встретиться? Если Нерен — потомок Алого короля, то вполне возможно, что и отец ее тоже. А тогда кто он? Гипнотизер? Чародей? Оборотень?

Появились живая изгородь и распахнутые ворота. Сердце Чарли бурно заколотилось. Нерен уже была во дворе, но Спринтер-Боб поджидал Чарли у ворот. В глубине двора стоял небольшой коттедж и красные кирпичные сараи по обе его стороны. Из трубы дома поднимался дымок, а вся шиферная крыша усижена птицами. Двор был битком набит всевозможными животными. Пони щипали проглядывавшую из-под снега траву. Собаки что-то выбирали из каменных кормушек, а кошки расселись по всей изгороди.

— Собака на борту! — заорала выпорхнувшая из окна серая птица.

Конечно, это был попугай Лизандра, Гомер.

Других зверей Чарли не успел разглядеть. Его внимание привлек стоявший на крыльце человек среднего роста, с коричневым, обветренным лицом и ослепительно белой шевелюрой.

А еще Чарли заметил здоровенный топор, который, судя по всему, человек готов был немедленно пустить в дело.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

— Папа, я привела Чарли Бона, — чуть взволнованно сказала Нерен.

— Вижу, Нерен. А ведь я запретил тебе ходить в город. — Голос был хриплый, чувствовался сдерживаемый гнев. Говоря с дочерью, человек даже не взглянул на Чарли. — Полагаю, ты переходила по железному мосту?

— Прости. — Нерен уставилась на носки своих ботинок. — Я… не удержалась.

— Конечно! Не удержалась! — Отец повысил голос. — Ты когда-нибудь научишься бояться? Научишься благоразумию?

Нерен с надеждой улыбнулась:

— Но ведь ты рад, разве не так? Рад, что я привела Чарли?

Мужчина досадливо хмыкнул и с размаху всадил топор в пень. Он повернулся и молча ушел в дом.

Странно, но дверью он при этом не хлопнул. Тем не менее, Чарли почувствовал себя весьма неуютно.

— Отец быстро отходит, — доверительно сообщила Нерен. — Он немножко сердится, но это похоже на затухающий огонь. Пойдем в тепло! — Девочка направилась к дверям.

Но Чарли не двинулся с места. Несмотря на холод, ему не хотелось уходить от животных. Некоторых он уже узнал. Вон что-то клюет уточка Эммы. Попугай Гомер сидит на столбике ворот, в дальнем углу двора щиплют травку два белых кролика, очень похожих на кроликов Оливии.

— Пожалуй, я заберу Спринтера-Боба и пойду, — сказал девочке Чарли. — Мои друзья теперь сами могут прийти и забрать своих любимцев.

— Нет! — резко возразила Нерен. — Об этом месте никто не должен знать. Вот тогда отец действительно рассердится. Пойдем! — Она кивком предложила ему войти. — Ты должен поговорить с ним.

Чарли не казалось, что этот седой раздражительный человек так уж сильно желает с ним разговаривать, но Нерен столь настойчиво звала, что он почти против собственной воли двинулся за ней.

Спринтер-Боб дошел с Чарли до порога, но в дом войти не решился. В маленькой прихожей Нерен скинула башмаки. Чарли сделал то же самое. Затем Нерен отворила вторую дверь, и они оказались в уютной и чистой кухне. На плите кипел чайник, в печи жарко полыхали дрова. Стоявшая на круглом столе керосиновая лампа освещала помещение неярким светом.

Отец Нерен сидел в кресле у печи, а над ним склонилась женщина и в чем-то настойчиво его убеждала. Она взглянула на вошедших детей и улыбнулась. У Чарли сразу пропали сомнения.

Женщина, как и Нерен, явно была китаянкой. Следовало бы хоть что-то сказать, но к тому, что произошло, Чарли был совершенно не готов. Он вдруг заметил, что все стены, сплошь до последнего кусочка, завешаны фотографиями, похожими на окошки, из которых виднелись горы и только горы. Тут были белоснежные вершины, залитые то солнцем, то лунным светом; горы, исполосованные снежными полями с фиолетовыми тенями и рассыпанными по ним разноцветными флажками.

На одном из снимков альпинист позирует перед фотокамерой. Он смеется, салютуя, а темные очки вздернуты на вязаную шапочку. Чарли буквально услышал его смех. Вокруг него поднялась какая-то суета, затем кухня вдруг закачалась из стороны в сторону и исчезла. Чарли остался один. Он плыл к далеким горам.

Холодно. Морозный воздух обвевает лицо. Чарли летит над ослепительно белым снегом, и смех слышится все громче и громче.

Кто-то схватил Чарли за руки. Обидно. Он попытался освободиться, но это оказалось ему не по силам. Его дергали, тащили, трясли — до тех пор, пока он не пришел в себя. Когда Чарли открыл глаза, оказалось, что он так и стоит на пороге кухни, а на него напряженно смотрит пара голубых глаз, а лицо больше не кажется сердитым.

Не отпуская руки мальчика, отец Нерен подвел Чарли к печи и усадил в кресло.

— Мне казалось, что я побывал на какой-то горе. — Чарли опять обвел глазами фотографии на стенах. — Вы там были, мистер?..

— Удачное же время для путешествия ты выбрал, Чарли Бон. Напугал нас всех до смерти, — ответил папа Нерен.

— О, значит, вы о них знаете? Я имею в виду о моих перемещениях?

— Да, слышал.

— Добро пожаловать к нам, Чарли, — вмешалась в разговор китаянка и укоризненно взглянула на мужчину. — Мой муж беспокоится за Нерен, но он не должен был сердиться на тебя. Это неправильно. — Женщина озабоченно тряхнула головой, подвинула стул и села к столу.

— Извини, — обняв ее, забормотала Нерен. — Это я виновата. Прости, мамочка!

— А как вас зовут? — спросил мужчину Чарли.

— Бартоломью. Я сын Иезекииля Блура. Не волнуйся, в своей семье я — паршивая овца. Я давно уже не видел ни своего отца, ни сына. Они так же далеки от меня, как луна от земли, — увидев тревогу на лице Чарли, торопливо добавил он.

— Но почему… — Чарли оглядел помещение. — Как вы здесь оказались?

— А, — с досадой произнес Бартоломью, подошел к окну и стал разглядывать гостей, разгуливающих по двору.

— Он тебе все расскажет, — вмешалась Нерен. — Правда, папа?

Бартоломью решительно вернулся к столу:

— Да. Должен.

Тон у него был серьезный и немного печальный. Он подвинул свой стул поближе к Чарли и начал рассказ.

Пока он говорил, мама Нерен подала Чарли пиалу с ароматным горячим чаем. А потом еще такой вкусный пирог, что просто слюнки потекли. Он никогда не пробовал ничего подобного. Но в знак благодарности смог только кивнуть, потому что не в состоянии был оторваться от невероятной истории.

Она началась со свадьбы. Дождливым осенним утром Бартоломью Блур женился на Мэри Шанс. Никого эта свадьба не радовала, кроме жениха и невесты, так любивших друг друга, что они даже не заметили ненастья. Иезекииль Блур и его кузины презирали невесту, хорошенькую, но всего лишь танцовщицу. А родители Мэри боялись за дочь, которая с замужеством попадет в такую странную семью.

— В конце концов, нас оставили в покое, — со вздохом продолжал Бартоломью. — А потом я услышал об экспедиции. Моя мать обычно брала меня с собой. Она увлекалась редкими растениями. Именно с тех пор я полюбил горы. Даже после смерти матери мы с друзьями тратили все каникулы на восхождения. Мы побывали в живописнейшем парке Северного Уэльса, на горе Сноудон, в Альпах и Пиренеях. Но я всегда мечтал увидеть Гималаи.

Однажды от одного из моих друзей-альпинистов пришло письмо. Гарольду, моему сыну, в ту пору было восемь лет. Это был серьезный и флегматичный ребенок. И он не разделял мою страсть к путешествиям. Он ненавидел палаточные лагеря, пешие прогулки и даже пикники. — Бартоломью горько хмыкнул. — Представьте себе мальчишку, который не любит пикники!

— Представляю! — Нерен прищелкнула языком.

— В письме сообщалось об экспедиции, — продолжал Бартоломью. — Через месяц друг отбывал в Гималаи и приглашал меня присоединиться.

Чарли и сам не заметил, как слопал пирог…

— Мэри уговаривала меня, мол, это единственная возможность и если не поеду, то потом всю жизнь буду жалеть. И я поехал. — Голос Бартоломью еле заметно дрожал.

Он поднялся и начал шагать по комнате.

— Все шло хорошо до той ночи, когда случилась снежная буря. Свирепая, страшная буря. В сошедшей лавине погибли двое из нашей партии, а меня сбросило в ущелье. Я провалялся там два дня и был не в состоянии двигаться. Меня нашел и подобрал человек из какого-то загадочного племени.

Бартоломью опять сел. Это племя выхаживало его. У него оказались сломаны обе ноги и проломлен череп, но примерно через год он все-таки достаточно окреп и уже готов был пуститься в путь. Молодой парень из этого племени повел его горными тропами, и через несколько недель они добрались до города, в котором был телефон.

— Я хотел сообщить Мэри, что жив и возвращаюсь.

Тут Бартоломью затряс головой, одну руку запустил в седые волосы, а другой прикрыл глаза.

Впервые в жизни Чарли боялся о чем-то спрашивать. Он поглядел на Нерен и ее маму, но те, кажется, тоже были не в состоянии говорить. А Бартоломью как будто заново переживал свое горе.

В конце концов, любопытство взяло верх, и мальчик рискнул:

— Что же случилось?

Бартоломью поднял глаза:

— Трубку взяла твоя бабушка, Гризелда Бон. Она находилась в моем доме, чтобы продать его. Оказывается, все были уверены, что я погиб во время схода лавины. Когда об этом услышала Мэри, она пришла в пустой театр и стала танцевать. И танцевала до тех пор, пока не умерла. — Бартоломью тяжко вздохнул. — Мой сын жил в академии Блура под опекой Иезекииля и Гризелды и был совершенно счастлив.

Чарли был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова.

— Поэтому домой я больше не вернулся, а стал путешествовать по миру. Я много где побывал, а в Китае встретил свою вторую жену, Мин. Однажды, после ужасного наводнения, в нашем доме появилась девочка. Ее родителей унесло водой. Ей было четыре года, и она называла себя Нерен, солнечным цветком.

— Ага! Это я! — закричала Нерен. — Они меня удочерили, и вот я здесь!

Чарли оглянулся на нее и усмехнулся.

— Но почему вы все-таки вернулись сюда? — спросил он.

Бартоломью поднялся и опять подошел к окну.

— А вот этого я объяснить не могу. Просто меня потянуло к тому месту, где родились дети Алого короля. С этого берега виден замок, вернее, то, что от него осталось, и в то же время здесь мы в стороне от города и этой ужасной семьи. И вдали от… — Он чуть помедлил. — От того, о чем я услышал, когда был в Италии. От того, что называется «тень». Иногда она прямо мерещится.

Внезапный сквознячок пронесся по уютной кухоньке, как будто распахнулась невидимая форточка.

Чарли вздрогнул:

— На портрете короля тень позади него.

Бартоломью кивнул:

— Значит, ты заметил?

Чарли колебался: поверят ли ему?

— Видите ли, тень переместилась, и мы думаем… ну, крыса рассказала моему другу Билли, что земля вздрогнула.

Бартоломью даже бровью не повел.

— А потом собака… — И Чарли пересказал историю Душки о тени, которая ожила.

Мама Нерен прижала ладонь к губам, а Бартоломью от невообразимого ужаса зажмурил глаза.

А Чарли продолжал:

— Говорят, это Борлат, ваш предок и… и мой, думаю, тоже, поскольку мы все в некотором смысле родня.

— Это не Борлат, — мрачно возразил странник. — Тень короля — это человек, который расколол королевскую семью. Я позабыл, как его звали.

— А я никогда и не слышал про такое. В исторических книгах моего дяди о нем ничего не сказано, — сообщил Чарли.

— История всегда пишется с чьей-нибудь точки зрения. Факты обязательно отредактируют, причешут и приукрасят. Только путешественник и исследователь может найти истину, Чарли, поскольку истина хранится в головах и сердцах людей. Так что не всегда стоит доверять словам на бумаге, — отмахнулся Бартоломью.

— Тогда я тоже в некотором роде путешественник и исследователь, — заявил Чарли.

— Ты? О да, конечно. И может быть, когда-нибудь ты узнаешь об Алом короле больше, чем узнал я за все годы своих странствий.

— Только если я сумею проникнуть в прошлое тени, — пробормотал Чарли.

— Ну вот, опять мы вернулись к тени! — Бартоломью вдруг

вскочил. Вид у него был угрюмый.

У Чарли слова на миг застряли в горле. Правда, в конце концов, он заговорил, но только о своей жизни с тех пор, как исчез отец, об академии Блура и о детях, ставших его друзьями.

— Ты найдешь отца, Чарли, — убежденно сказал Бартоломью. — Во-первых, ты наделен особым даром, а во-вторых, ты этого очень хочешь. Лайелл — человек необыкновенный. Огромное чудо, что он остался порядочным человеком в окружении всех этих гадюк. По возрасту я годился ему в отцы, но прошло всего несколько недель, и мы с ним подружились. Тебе, Чарли, был всего год, когда я навестил свою семью. Они ничего не захотели для меня сделать. А сын меня просто не узнал. Наверное, поэтому Лайелл заменил мне потерянного сына. Я брал его в горы… — Помолчав, он вдруг сменил тему: — Ну, Чарли, тебе пора домой. Только обратно пойдешь не той дорогой, какой пришел сюда.

— А можно мне… — начала Нерен.

— Нет! — сурово прервал отец. — Ты останешься здесь, с мамой. И больше никогда не ходи по железному мосту.

Нерен застенчиво улыбнулась Чарли:

— А животные, папа? Чарли должен их забрать.

— Не всех, — засмеялась мать.

— Только тех, что принадлежат моим друзьям, — подтвердил Чарли. — А хомячки здесь есть?

— Сколько угодно! — Нерен ринулась в прихожую и проворно натянула пальто и башмаки. — Их в сараях полно. Пойдем, сам увидишь.

Одевшись, Чарли побежал за девочкой в большой сарай, что стоял справа от дома. Едва они вошли в него, как у них из-под ног метнулись в разные стороны грызуны, спеша спрятаться в сене или под досками.

— Как же я узнаю, какой из них чей? Ведь пропало больше двадцати хомячков, — недоумевал Чарли.

— А кто-то собирается это выяснять?

— Габриэль своих узнал бы по мордочкам, — вздохнул Чарли.

Нерен залилась веселым смехом. Потом захихикал и Чарли.

Целый час у них ушел на то, чтобы отловить хомячков, более или менее похожих на знакомых, двух белых кроликов, уточку, серого попугая и лазурного питона. Нашлись коробки для хомячков с кроликами и корзина для питона.

— Думаю, мне не очень понравится, если он будет ползать по моей шее, — помогая Чарли затолкать питона в корзину, признался Бартоломью.

Но питон был смиреннейшим существом и никогда не причинил бы неприятностей Другу. Тем более что ему было почти тысяча лет, но это как раз никого не удивляло: Бартоломью, например, во время своих путешествий встречал существа и постарше.

За домом стоял довольно побитый автофургон. Коробки с животными были бережно составлены в багажник. Гомер устроился на крышке корзины с питоном, а Спринтер-Боб на коленях у Чарли.

Фургон затарахтел и покатился по двору. И тут к нему подбежала Нерен:

— Не закрывай… вечером…

Чарли опустил окно:

— Что?

— Дай мне что-нибудь свое.

Чарли не задумываясь, сдернул перчатку и бросил Нерен. Фургон выехал со двора на узкую неровную дорогу, почти тропу. Чарли обернулся и поглядел в окно. Он видел, как Нерен подняла перчатку и помахала ему вслед. Рядом с ней стояла Мин и тоже махала рукой. Фургон миновал крутой поворот, и обе фигуры исчезли из виду.

— Зачем ей было нужно что-то мое? — спросил Чарли.

— Она хочет поддерживать с тобой контакт. — Бартоломью загадочно улыбнулся и бросил взгляд на мальчика.

— Перчаткой? А что я не должен закрывать?

— Шторы, Чарли. Пусть в окно светит луна.

— Но…

— Взгляни направо! — скомандовал Бартоломью.

Чарли послушно повернул голову. Сначала, кроме деревьев, он ничего не заметил, но потом на другой стороне узкой теснины разглядел красноватую прямоугольную башню.

— Красный замок! — воскликнул Чарли.

— Он самый, — подтвердил Бартоломью.

— А вон стена! — закричал мальчик.

Фургон спускался медленно, и Чарли видел остатки стены, тянувшейся по самому краю ущелья. Стена мелькала примерно милю пути, а потом постепенно скрылась за густыми деревьями.

— Никогда не думал, что она такая большая, — вздохнул Чарли.

— Огромная, — уточнил Бартоломью. Голос у него стал мягче. — А я верю, что король или, точнее, его дух все еще там. Сейчас он таится, но, думаю, скоро проявит себя. Тем более если вернулась тень.

— Королева тоже там, — добавил Чарли. Нахмурившись,

Бартоломью повернулся и вопросительно посмотрел на мальчика. И Чарли рассказал ему, как белая кобылица привезла Билли к Зеркальному замку.

— Королева! Поистине удивительно! — Голубые глаза Бартоломью блеснули.

Они некоторое время ехали молча.

— Чарли, очень важно, чтобы никто не узнал обо мне и моей семье! Обещай никому, ни единой душе не рассказывать, где мы живем, и где ты отыскал животных, — наконец прервал молчание Бартоломью.

Чарли подумал о друзьях и дяде Патоне.

— Обещаю, — твердо произнес он.

Еще миля пути по грунтовой дороге, и они выбрались на мощеный тракт, приведший их к широкому каменному мосту. Чарли решил, что лучше всего доставить животных в «Зоокафе», откуда хозяева могли бы забрать своих любимцев. Чарли показал Бартоломью дорогу до Лягушачьего переулка, но дальше автомобильное движение было запрещено, а оставлять фургон Бартоломью не хотел.

Чарли же нужно было попасть в конец переулка, но, прежде чем он вышел из машины, Бартоломью что-то сунул ему в верхний карман куртки.

— У меня нет фотографий твоего отца, но эту сделал он, и мне подумалось, она тебе пригодится, — объяснил он.

— Спасибо.

— Теперь, пожалуйста, выходи поскорее. Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь увидел.

Чарли попрощался, и фургон уехал. Корзина с питоном висела у мальчика на одной руке, коробку с кроликами и хомячками он держал в другой, Спринтер-Боб рвался с поводка. Так он и потащился по Лягушачьему переулку: со скачущим впереди Спринтером-Бобом и с переваливавшейся с лапы на лапу уточкой Нэнси сзади. Только вредный попугай все время либо куда-то исчезал, либо пронзительно выкрикивал ругательства, когда они проходили мимо фонарных столбов.

Чарли уже почти доплелся до «Зоокафе», когда вдруг услышал шаги.

— А ну-ка стой, Чарли Бон! — скомандовал кто-то.

Чарли остановился и оглянулся. К нему направлялась Доркас Мор с двумя братьями, между которыми шел Джошуа Тилпин.

— А где наши собаки, Чарли Бон? — спросил Альберт, самый высокий и неприятный из Моров.

— Почему это у тебя собака и животные только твоих приятелей? — поддержал его Альфред, тот, что пониже и

потолще.

— Что ты сделал с животными, Чарли? — со странной, почти злой гримасой спросил Джошуа. — Давай признавайся!

— Ничего. Просто я их случайно нашел, — поглядев вниз на топтавшуюся возле ноги Нэнси, ответил Чарли.

— Ах, случайно! — это уже вмешалась Доркас.

У Спринтера-Боба заклокотало в глотке, а Гомер разразился воплями:

— Аврал! Все по местам!

— Прекрати эту тарабарщину! — рявкнул Альберт. — Если не скажешь, куда дел наших собак, мы заберем твою! Нет, всех животных заберем.

— Лучше скажи, а не то… — пригрозил Альфред.

И все четверо начали подступать к Чарли.

СНЕЖНЫЙ ПЛЕН

Чарли стоял как вкопанный. И то сказать, не очень легко бежать, если ты нагружен корзиной, огромной картонной коробкой, да еще при этом надо следить, чтобы не отставала утка. Так что делать было нечего.

— Спринтер, фас! — скомандовал он.

Повторять огромной собаке не требовалось. Пес с грозным лаем кинулся на Моров. Но Альберт с Альфредом недаром дрессировали ротвейлеров. Альберт ухватил Спринтера за холку и подтащил к фонарю, а Альфред ловко привязал пса к столбу.

Вой обезумевшего от ярости Спринтера-Боба способен был поднять на ноги весь город, однако на помощь не явился ни один полицейский и никто не открыл дверь «Зоокафе». Лишь Гомер, отважная птица, слетел откуда-то из небесной выси и вцепился прямо в густые кудри Доркас.

— Аи! Прочь! Убирайся! — заорала Доркас.

Джошуа схватил Гомера за шею и стиснул. От такого обращения у серого попугая глаза полезли на лоб. Он задыхался, щелкал клювом, что-то лопотал, плевался, молотил когтистыми лапами по воздуху. Джошуа с трудом выдрал его из волос Доркас и начал трясти из стороны в сторону.

Когда упала корзина, питон сердито зашипел. У Чарли возникло искушение выпустить его, но он не рискнул, поскольку побоялся, что и питона тоже могут обидеть. Поставив коробки с хомячками и кроликами рядом с корзиной, Чарли кинулся к Джошуа.

— Отпусти его! — отдирая пальцы мучителя с шеи попугая, закричал он.

Но надежды на успех у него не было: Альфред заломил ему руку за спину, а Альберт крепко двинул в живот.

— О-ох! — Чарли упал на колени, и это тоже было больно.

Альберт подцепил корзину и покинул Лягушачий переулок. Альфред схватил коробки и отправился за братом. Они уходили по узкой улочке. За ними поспешала утка, а Доркас еще помогала Джошуа затолкать попугая в рюкзак.

Альфред обернулся.

— Собаку можешь оставить себе! — крикнул он Чарли. — Вдруг он резко остановился. — Что за?.. — Голос его слегка дрогнул.

Чарли поднял глаза.

В конце Лягушачьего переулка появились три непонятные фигуры.

— Огнецы-ы. — прошептал Чарли.

Густой рев разнесся по всей улочке — низкое, злобное рычание диких животных. Потом еще раскат и еще. По нарастающей. Ужасный хор становился все громче. Джошуа и Моры начали медленно отступать. Потом быстрее. Но не успели они пуститься наутек, как три яркие, как пламя, полосы взметнулись в воздух и повисли у них на плечах. Подвывая от ужаса, Джошуа и Моры завертелись, стараясь сбросить вцепившихся в них зверюг.

— На помощь! — завопил Альберт.

Доркас удирала без оглядки.

Альберт выпустил из рук корзину, а Альфред бросил коробки. Но желтый кот все еще висел, вцепившись когтями в рюкзак Джошуа. Плача от страха, мальчик сбросил рюкзак с плеч и рванул за Морами, несшимися по переулку с невиданной скоростью. Они и сами не знали, что умеют так бегать.

— Что все это значит? — произнес голос за спиной Чарли.

На пороге «Зоокафе» стоял мистер Комшарр. В накидке из искусственного (как понадеялся Чарли) меха он поразительно походил на крота.

— Вот тебе и завтрак. Тем более субботний. Сегодня мы позволили себе поваляться в постели и потому встали поздно.

— Меня поймали Моры, — объяснил Чарли и потер живот. — И этот… Джошуа Тилпин.

— Я смотрю, с тобой уточка… и собака… О! И наш лазурный питон! Вот Онория-то обрадуется!

Чарли стал отвязывать Спринтера, тот благодарно гавкнул.

— Кажется, все здесь, — заглядывая в коробку, произнес Чарли. — Кролики Оливии, хомячки Габриэля.

— А рюкзак у тебя говорящий? — поинтересовался мистер Комшарр.

Чарли развязал рюкзак: Гомер вылетел на волю и с жуткими ругательствами начал носиться над ними.

Мистер Комшарр заткнул уши.

— Ну и словарь у этого попугая! Где он только такого набрался?

— В армии. Мне Лизандр рассказывал, — объяснил Чарли.

— Ну и ну!

Мистер Комшарр потащил коробку и корзину в кафе. Чарли пытался заманить туда же уточку, а вот Спринтера-Боба заманивать не пришлось! Он буквально влетел в кафе и сразу кинулся в кухню, где, он это точно знал, ему перепадет шоколадное драже. Как минимум.

Когда Чарли с мистером Комшарром вошли в кафе, миссис

Комшарр, в розовом кимоно, жарила мясо.

— Животные вернулись! — закричала она. — Ах вы, лапочки мои любимые! Вот тебе шоколадка, Спринтер. Вот гренок для Нэнси. И что-нибудь особенное для питона. Где ты их нашел, Чарли?

Но Чарли сделал вид, что не слышит:

— Не найдется ли у вас немного морковки для кроликов и, может быть, яблоко для хомячков?

— Конечно-конечно, Чарли. Но где они были? — не унималась миссис Комшарр.

— Ну-у… трудно объяснить.

Больше Комшарры пока ничего не спрашивали. Они были заняты кормежкой животных и Чарли. Миссис Комшарр как раз наливала вторую чашку, когда откуда-то послышался чей-то елейный голос: «Алло!»

— Мы закрыты, — крикнула миссис Комшарр и, понизив голос, добавила: — Ненавижу, кода меня застают в кухне.

— Я точно помню, что закрывал дверь. — Мистер Комшарр на цыпочках вышел из кухни.

Он вернулся через несколько мгновений. Лицо у него было неописуемо изумленное, а на голове сидел попугай.

— Вот еще один рот, дорогая, вернее, клюв, в который тоже нужно что-нибудь закинуть. Должно быть, он залетел до того, как я запер дверь.

Но Гомер не стал дожидаться, пока его обслужат. Он спикировал на стол, стащил кусок печенья и унес на верхнюю полку.

— Вот невежа! — заметила миссис Комшарр то ли по поводу поведения птички, то ли по поводу ее речей.

Когда всех животных разместили, мистер Комшарр опять спросил Чарли, где он их нашел. Чарли затруднился с ответом. Он знал, что мистеру Комшарру можно доверять, но ведь он обещал Бартоломью никому не рассказывать о доме в глуши.

— На мосту, — наконец нашелся Чарли. — Мне послышался лай Спринтера… и я просто пошел туда.

— Просто туда пошел. — Миссис Комшарр смотрела на него с подозрением. — И просто случайно нашел животных своих приятелей. А почему не других? Не каких-то других кошек или щенят?

— Ну-у… — затянул Чарли.

— Оставь его, дорогая. Мне кажется, он кому-то что-то пообещал. Я прав, Чарли? — вмешался мистер Комшарр.

Чарли зашаркал подошвой по полу:

— В общем… да. Я бы рассказал вам, но, видите ли, не могу.

Онория хмыкнула:

— Ты нам не доверяешь?

— Нет-нет, доверяю, конечно, доверяю, но…

— Ладно, парень, не мучайся! Собаку вернешь Бенджамину, а остальных мы подержим у себя, пока не явятся хозяева и не заберут их. Мы хорошо о них позаботимся, правда, дорогая? — мягко сказал мистер Комшарр и повернулся к жене.

— Насчет попугая не уверена, но постараемся.

— Спасибо. Вы оба такие замечательные, — с чувством произнес Чарли, взял Спринтера за ошейник и повел к выходу.

К дому номер двенадцать по Филберт-стрит он подходил с большой неохотой. Кто его знает, родители Бенджамина ведут себя очень странно. А вдруг он окажется нежеланным гостем?

— Но ты же пес Бена. Так что, наверное, тебе все же лучше пойти домой, — обратился он к Спринтеру-Бобу.

Пес взволнованно гавкнул, чем и решил дело.

Дверь им открыла миссис Браун:

— Чарли, как здорово! Ты нашел собаку Бенджамина! — Она вся засветилась улыбкой.

Чарли ничего не понимал: то она его в упор не видит, а то рада так, будто он самое лучшее, что может появиться в доме, если не считать мобильного телефона.

— Бенджамин! Спринтер-Боб нашелся! — подняв голову к лестничной площадке, крикнула она.

— Что?! — раздался вопль сверху.

И в следующее же мгновение Бенджамин, прыгая через несколько ступенек, оказался внизу. Спринтер-Боб прыгал около него и визжал от радости.

— Чарли, ты нашел его?! Где он был? Ох, спасибо, Чарли. Спасибо, спасибо! Ты такой молодец!

Чарли стоял и не знал, что сказать, а вокруг него прыгали мальчик и собака.

— Где ты его нашел? — опять спросил Бенджамин.

— Да-а… просто на улице. Наверное, он как раз шел сюда. — Чарли было неловко.

— На улице? Ты уверен? — прищурилась миссис Браун.

— Разумеется.

Чарли не понравилось, как на него смотрит миссис Браун.

— А где же остальные животные? Я слышала, что исчезли птицы, и собак на улицах нет ни одной.

Миссис Браун смотрела так подозрительно, что Чарли сразу захотелось оказаться поближе к дверям.

— О других я ничего не знаю, — неожиданно для самого себя ответил он. — Я нашел Спринтера-Боба и привел его сюда. Если

вам это не нравится, что ж, очень жаль. — И он повернулся к выходу.

— Чарли! — вскрикнул Бенджамин и схватил его за руку. — Конечно, это очень хорошо. Просто превосходно. Пойдем наверх. Там Билли.

Миссис Браун поджала губы и, не сказав больше ни слова, ушла в кухню.

Чарли скинул ботинки и поднялся по лестнице. Оказавшись в безопасности в жаркой комнате Бенджамина, он скинул куртку и выпалил:

— Бен, что с твоими родителями? Что они делают у Блуров?

Бенджамин сконфузился:

— Мне рассказал Билли. Но, клянусь, я ничего не знал. Когда я спросил об этом маму, она ответила, что это самая обычная работа.

— Но они же детективы, Бен! Значит, они что-то расследуют.

— Да, — согласился Билли.

— Я даже кое-что слышал, когда они разговаривали, — признался Бенджамин.

— О чем? Что они говорили?

Чарли плюхнулся на кровать между мальчиками.

Босх, надумавший подремать в домашней тапочке Бенджамина, проснулся и шмыгнул под кровать. Спринтер решил, что настало время поиграть с крысой, и зашелся радостным лаем.

— Фу-у! Если ты с ним что-нибудь сделаешь, я убью тебя, паршивый пес! — отчаянно заорал Билли.

— Билли! — Бенджамин был потрясен.

— Ну и что ты услышал? — убедившись, что под кроватью все спокойно, перебил Чарли.

— Ну, я случайно оказался около их спальни, и, хоть слышал не очень хорошо, мама говорила что-то насчет призраков. А потом уже мне Билли рассказал, что они появились у Блуров, поэтому я подошел поближе и услышал, как папа сказал, что напал на след. Он догадывается, чьих рук это дело, но все-таки нужны еще иллюзии, чтобы… Чарли вскочил с кровати:

— Иллюзии? Они хотят найти того, кто их создает? Вот гады! — Спохватившись, что сказал что-то не то, он осекся.

— Они не виноваты. Им за это платят, — заступился за родителей Бенджамин.

— Это ты, да, Чарли? — спросил Билли.

Чарли мотнул головой:

— Нет, не я. Я это не умею.

— Но ты знаешь, кто их делает, правда? — прицепился и Бенджамин.

— Ты не сказал бы нам, даже если бы знал, — уточнил Билли.

Чарли метнул на него взгляд:

— Да. Не сказал бы.

— И я тебя не упрекаю, — уныло согласился с ним Билли.

Спринтер всхрапнул под кроватью, и Босх решил воспользоваться этим. Он опять зашевелился и появился возле ноги Чарли. Здесь он задержался, задумчиво жуя какую-то бумажку.

— Что это у него? — удивился Бенджамин.

— Похоже на фотографию, — ответил Билли.

Чарли подхватил крысу:

— Нет! Это моя фотография!

Босх, удивленный тем, что прямо перед собой видит глаз Чарли, открыл пасть, и из нее выпала бумага. Чарли бросил крысу на колени Билли и схватил снимок. К счастью, оказался отъеден только один уголок. Бартоломью сказал правду. Снимок был не самый удачный. Снежное облако делало одинокую фигуру на переднем плане едва различимой.

Чарли прижал фотографию к груди:

— Я и забыл. Как я мог?! Он сунул мне ее в карман, а когда я скинул куртку, она, наверное, выпала.

— Кто сунул в карман? — спросил Бенджамин.

Чарли растерялся.

— Что? А-а. Никто. Я сам положил, — невнятно промямлил он.

Бенджамин пристально смотрел на него:

— Что-то у тебя много секретов в последние дни. Ведь мы же твои друзья. Или нет? Но не успел Чарли ответить, как Спринтер с Босхом опять затеяли гонки. Крыса вскочила на полку, а Спринтер начал с диким лаем подпрыгивать на задних лапах и пытаться дотянуться до Босха. Книги и игрушки посыпались на пол. Через минуту распахнулась дверь и на пороге появилась рассерженная миссис Браун.

— Бенджамин! Уйми свою собаку! Нам с отцом надо писать отчет, а наши справочники разбросаны по всему дому! — закричала она.

Бенджамин моргнул:

— Ты имеешь в виду словари, мама?

Миссис Браун топнула ногой:

— Выведи его на прогулку! Сейчас же! — Она отступила от двери и указала на лестницу.

Не говоря ни слова, три мальчика натянули куртки. Билли сунул Босха в карман, а Бенджамин взял Спринтера на поводок.

Как раз когда мальчики вышли из дома, от противоположного

тротуара отъезжал кокетливо разрисованный фургончик, но в тот момент Чарли ничего не подумал. Он сказал остальным, что не может пойти с ними, потому что у него есть неотложное дело и ему непременно надо быть кое-где. Смиренно пожав плечами, друзья отпустили его, признав тем самым, что его проблема важнее прогулки в парке.

Из кухни дома номер девять доносилось какое-то странное, низкое жужжание. Хотя ему и не терпелось поподробнее разглядеть фотографию, Чарли опять спрятал ее в карман и заглянул в кухню. Он увидел, что все его семейство собралось вокруг кухонного стола и разглядывает большую плетеную корзину с крышкой, в какой обычно доставляли продукты. Бабушка Бон сидела возле печки, прислонившись к ней спиной.

— Взгляни-ка, Чарли, корзина Патона! — едва ли не с благоговением произнесла мама. — Ее привезли всего пять минут назад.

Крышка была уже откинута. Чарли увидел в корзине бутылку шампанского и множество коробок и коробочек со всякими экзотическими этикетками.

— Тут еще и записка.

Эми покопалась среди блестящих упаковок с орехами и банок с постукивающими замороженными фруктами, выудила карточку с золотым обрезом и передала ее дяде Патону.

— Надо же, какой вычурный почерк, — разглядывая открытку с кратким текстом, обведенным золотой рамкой, заметил дядя Патон.

> Дорогой мистер Юбим, несчастная смерть немного отсрочила Ваш пятничный праздник. Надеюсь, этот случай не причинил Вам лишних неудобств. Провизия порадует сердца и поддержит традицию.

— Ужасный стиль, — заметил Чарли. — Даже я и то написал бы лучше.

— Очень остроумно, — даже не взглянув на него, бросила бабушка Бон.

— О, глядите-ка, королевские креветки! Еще не разморозились. Я положу их в морозилку, Патон? — воскликнула Мейзи.

— Мм… Оставь, пусть размораживаются. Я съем их на обед. — Дядя Патон облизнулся.

Что касается Чарли, то корзинка прибыла как раз вовремя. Мама с Мейзи, не переставая ахать, извлекали из нее очередной аккуратно завернутый лакомый кусочек. А он с чувством огромного облегчения от отсутствия расспросов, где это он

шатался все утро, поднялся в свою комнату.

Едва закрыв дверь, он вытащил фотографию и сел на кровать. На снимке мальчик увидел человека, стоявшего вполоборота к камере. Несмотря на крупные хлопья снега на переднем плане, Чарли все-таки разглядел, что это Бартоломью, в шерстяной шапочке, толстой куртке и высоких шнурованных ботинках.

Чарли поднес снимок к самым глазам. Белая моль перелетела комнату и села ему на руку.

— Эту фотографию сделал мой отец. Он был там. Смотрел через видоискатель на Бартоломью Блура, а потом щелк, и вот — память на целую вечность. Так что если я туда войду и посмотрю в видоискатель с обратной стороны, то увижу отца. Поняла? Что ты об этом думаешь? — спросил он ее.

Моль села ему на запястье, и он улыбнулся, почувствовав легчайшее прикосновение крошечных лапок. От волнения у него даже задрожала рука, и моль опять взлетела. Ее блестящие крылышки трепетали теперь у кончика его указательного пальца.

— Все будет хорошо, правда?

Чарли уже слышал поскрипывание снега и чье-то дыхание. Он очень любил этот миг, когда сразу после появления звуков он обнаруживал, что вплывает в картину.

— Ну, была не была!

Мальчик почувствовал, как тело становится невесомым и его затягивает в густой туман времени. Вот он уже начал в медленном кружении приближаться к одинокой фигуре Бартоломью… и к человеку с фотоаппаратом.

Смех. Смех и добрый, и веселый. Знакомый голос? Чарли слышал хриплое кряканье Бартоломью, нет, это был совсем другой, раскатистый смех.

— Хватит, Лайелл! Слишком густой снег. Никто не ответил.

— Ты уронишь камеру. И надень перчатки, а то отморозишь пальцы!

В ответ смех.

Интересно, видел ли Бартоломью его лицо в такой плотной снежной пелене? Когда Чарли *путешествовал,* люди, которых он *посещал,* видели лишь его лицо, и это слегка нервировало их.

Сильный порыв ветра швырнул снег мальчику прямо в глаза. Он попытался их протереть, но пальцы окоченели от холода.

— Бартоломью! — позвал он.

Но Бартоломью, не слышавший его, резко повернулся и пошел в другую сторону.

— Пойдем, Лайелл! Хватит фотографировать! — крикнул Бартоломью на ходу.

Вот теперь Чарли повернется. Сейчас, сейчас он, конечно,

увидит человека с фотоаппаратом.

Он повернулся.

И увидел человека в куртке с отороченным мехом капюшоном. Человек прятал подбородок в воротнике, а остальную часть лица закрывала камера.

— Лайелл! Скоро начнет темнеть. Надо возвращаться, — опять крикнул Бартоломью.

И опять тот же мягкий смех.

— Иду.

Чей это голос? Знакомый? Камеру опустили и убрали в карман. Капюшон поправили, надвинув его на глаза. Потом, склонив голову, натянули перчатки.

— Папа, — закричал Чарли. — Папа!

Человек шел прямо на него, но прошел мимо, согнувшись чуть ли не пополам в борьбе со встречным ветром.

— Папа!

Чарли протянул руку и схватил только горсть снега.

Человек поднял лицо к небу, будто сквозь метель услышал его голос. Капюшон свалился на спину, и Чарли вроде бы увидел лицо, но очень неясно, расплывчато, как будто за заиндевевшим окном. А потом и вовсе все пропало за стеной снега.

— Подожди! — хотел крикнуть Чарли, но, когда открыл рот, с губ сорвались только крошечные льдинки и с тоненьким звоном упали в снег. У Чарли было такое ощущение, будто грудь ему пронзили ножами. — Куда же мне идти? — прохрипел он.

Откуда пришел, — ответил внутренний голос.

Но совершенно замерзший Чарли никак не мог сообразить, что же делать дальше.

Чарли подумал, что так можно и умереть от холода. Но говорят, это лучший способ уйти. Он закрыл глаза. В темноте все было мирно и спокойно. Скоро он заснет.

Что-то ударило Чарли по руке. Мальчик попытался отмахнуться. Но это «что-то» отчаянно цеплялось за его пальцы, ползало по лицу, дергало за волосы, пощипывало подбородок.

— Дай поспать, — промычал Чарли.

Снег укутывал его уютным теплом.

Вернись, — прошептал ему голос, словно сделанный из прекрасного шелка, мягкий, но повелительный.

Чарли почувствовал, что его поднимают. Его кружит по воздуху, становится все теплее, теплее, теплее… и он открыл глаза!

Чарли лежал на постели, а над ним кружилась моль, и крылышки у нее отливали серебром ярче, чем когда-либо.

— Это ты сделала? — недоверчиво спросил он. — Вернула

меня сюда?

Моль села ему на руку. Конечно, голоса никакого не было, но они очень хорошо понимали друг друга, и он услышал:

Да.

Чарли сел на кровати.

— Значит, если я отправлюсь в какое-нибудь путешествие и ты будешь со мной, я всегда смогу вернуться?

Но ответа не получил, потому что в это мгновение по всему дому разнесся крик боли и ужаса, от которого у него замерло сердце.

Кричала мама.

ЗАМОРОЖЕННАЯ МЕЙЗИ

Чарли, спотыкаясь и подскакивая, чуть не кувырком несся по лестнице. В ушах звучало предупреждение котов: «Наблюдай за мамой!» А он не уследил! Он думал, что дома-то она в безопасности. Но и как за ней уследишь?!

Кричала Эми, но беда стряслась с Мейзи. Первое, что он увидел, — это бабушку Мейзи, стоящую посредине кухни. Она стояла лицом к двери и, казалось, смотрела прямо на мальчика, открыв рот от изумления. Рядом с ней стояли Эми и дядя Патон. Эми стиснула руки, а дядя Патон стоял с вытянутыми руками, словно не знал, куда их девать.

— Что? Что случилось? — закричал Чарли.

— Мы не-е… не совсем уверены, — ответил дядя Патон.

— Она замерзла, — тоненько проскулила Эми. — Мейзи замерзла.

Даже бабушка Бон оторвалась от своего кресла и спросила:

— А что натворила эта дуреха? Она явно сделала то, чего делать не следовало!

— Ради всего святого, Гризелда, с Мейзи беда! — заорал дядя Патон.

— Ха! Подумаешь! Ты бы лучше принял меры, а то она начинает оттаивать. — И бабушка Бон показала на спину.

Чарли потрогал Мейзи за руку. На Мейзи был ее любимый розовый свитер из ангорской шерсти, все пушистые завитки его превратились в ледяные иголки. У Чарли появилась ужасная мысль. Всего несколько мгновений назад он сам был в снежном плену. А что, если он каким-то образом прихватил с собой Мейзи? Чарли потрогал ее лицо. Оно было твердое и холодное, как кусок льда.

— Не надо Чарли, это страшно, — всхлипнула мама.

Бабушка Бон была права. Мейзи и в самом деле начала таять. Вот возле ее ног уже образовалась небольшая лужица.

— Давайте-ка ускорим дело, передвинем ее к плите, — предложил дядя Патон.

Маме с дядей Патоном не без труда удалось передвинуть Мейзи. Дядя Патон включил плиту на полную мощность, и в кухне вскоре стало так жарко, что все скинули шерстяные кофты. А Мейзи хоть и продолжала таять, но крайне медленно.

Мама Чарли закрыла лицо руками:

— Это колдовство! Так и должно было случиться. Но почему Мейзи? Ведь она никогда никого в жизни не обидела!

— Чарли, ты опять посещал этого колдуна? — спросил дядя

Патон, и тон у него был очень серьезный.

— Н-нет, — чуть запнувшись, ответил Чарли.

— Но ты *путешествовал?*

Чарли кивнул. Он чувствовал, что глаза бабушки Бон буквально сверлят в нем дырки.

— Я не посещал никаких колдунов, но кое-где побывал. Там было очень холодно.

— И где же? — строго спросила бабушка Бон.

— Э-э… просто в рождественской открытке, — тихо ответил Чарли. — Просто так. Интересно. А что в этом плохого, а?

— Ты не должен тратить свой дар на пустые забавы! — отрезала бабушка Бон.

— Ну да, ну да, — бормотал Чарли.

Он заметил, что стол уже накрыт. Рядом с тарелками в соответствии со вкусами каждого было разложено содержимое корзины. Рядом с тарелкой бабушки Бон лежал паштет, далее пирожки с олениной для Мейзи и Чарли, тунец для Эми, креветки для дяди Патона. Банка с креветками была открыта, и две креветки лежали на скатерти, словно их кто-то выронил.

— Дядя Патон, вы ели креветки? — спросил Чарли.

— Нет, я… — Тут дядя Патон тоже обратил внимание на упавшие креветки. — О господи, кто… — Патон наклонился и заглянул в открытый рот Мейзи.

— Креветка! Мейзи взяла без спроса!

— Патон, — упрекнула Эми, — тебе что, жалко несколько креветок для моей мамы?

— Ты меня неправильно поняла, моя дорогая. Она положила в рот креветку, и сразу… произошло это страшное несчастье!

Эми подняла на него глаза и ахнула:

— Отравление?

— Немного больше, чем отравление. Гризелда, тебе что-нибудь о таком известно? — Он повернулся к сестре.

— Не смеши. — Бабушка Бон подхватила тарелку с тостами, паштет и гордо выплыла из кухни, ворча на ходу: — Не желаю находиться там, где меня оскорбляют.

Больше никто не осмелился даже прикоснуться к угощениям. Все, до последнего кусочка, было опять уложено в корзину, и дядя Патон позвонил в магазин. Через пятнадцать минут к дверям подъехал цветастый фургончик, который Чарли уже видел. Патон прямо в дверях возвратил корзину.

— Один из членов моей семьи очень плохо себя чувствует, — сообщил он молодому человеку. — Возможно, ваши креветки и вполне съедобны, но я прошу как можно скорее отдать их на экспертизу.

Молодой человек смутился и явно занервничал:

— Сегодня же воскресенье!

— Но кто-то может умереть! — закричал Патон. — Идите и выполняйте!

— Да, сэр, — буркнул юноша. — Может, в больницу? — Он неуверенно направился к машине, поставил корзину на переднее сиденье и отъехал.

У Чарли появилась идея:

— Огнецы! Вот кто поможет.

Он натянул куртку, выскочил из дому и побежал в «Зоокафе». Не обязательно, что коты должны быть там, но где еще их искать?

Не добежав до конца Филберт-стрит, он почувствовал, что коты где-то рядом. Пробегая мимо очередного дома, он на всякий случай бросал взгляд на крышу. И увидел их на самом коньке; три ярких силуэта четко вырисовывались на фоне серого неба. Увидев Чарли, они один за другим тут же спрыгнули на ближайшее дерево и по стволу спустились на землю, прямо к ногам Чарли.

— Огнецы, мне нужна ваша помощь!

Чарли повернулся и побежал обратно к девятому номеру, а коты за ним. Как всегда, впереди несся Феникс, а за ним Везувий и Саламандр.

— Только этих тварей здесь не хватало! Убери их! — вскричала бабушка Бон, когда все четверо влетели в прихожую.

Огнецы проследовали в открытую дверь гостиной и своими невероятными глазами обвели помещение.

— Убери их, — отступив на шаг, жалобно повторила бабушка Бон.

Огнецы зарычали на нее, и она носком черного блестящего башмака захлопнула дверь.

Чарли ухмыльнулся и повел котов в кухню, где они сразу сообразили, что надо делать. Они подбежали к Мейзи, окружили ее и начали мяукать.

Эми схватила сына за руку:

— Ох, Чарли, неужели они и вправду помогут?

— Эти коты могут творить чудеса, — уверил ее дядя Патон.

Коты же, казалось, были чем-то озадачены. На мохнатых мордах появилось такое выражение, которое можно было бы назвать хмурым. Золотистые глаза осматривали замершую фигуру, пока не добрались до застывших в изумлении глаз Мейзи. Все трое мяукнули.

Не меньше минуты коты изучали окостеневшие пальцы, ноги, ощетинившийся льдом розовый свитер и седеющие вьющиеся волосы. Потом подступили еще ближе к Мейзи, обнюхали ее, и

котовьи носы сморщились от отвращения.

Чарли затаил дыхание. Помогут ли они Мейзи оттаять? Он смотрел, как Феникс приподнялся на задних лапках и выгнул спину. Потом медный кот начал ходить, а затем бегать вокруг новых красных тренировочных брюк Мейзи. Она так ими гордилась. Будем надеяться, что и еще погордится.

Везувий и Саламандр присоединились к Фениксу. Постепенно скорость кошачьего бега нарастала. И вот уже их тела слились в сплошное огненное кольцо. Крохотные блестящие искорки взлетали к потолку, и Чарли даже показалось, что он слышит, как шипит и потрескивает огонь.

— Мама моргнула! Вы видели? — воскликнула Эми голосом, охрипшим от возбуждения.

Чарли взглянул Мейзи в лицо. Она опять моргнула.

— Я видел! Она мигнула! — закричал и Чарли.

— И правда, — согласился дядя Патон.

— Оттаяла, — с облегчением вздохнула Эми.

— Умницы Огнецы! Ура-а! — завопил Чарли.

Мейзи закрыла рот, в уголках губ появился намек на улыбку.

Все подождали еще немного, но больше ничего не происходило. Моргание прекратилось; лицо Мейзи так и оставалось застывшим.

Блестящее вращающееся кольцо начало терять яркость. Бешеная скачка замедлилась. Три кота снова обрели свои истинные формы. Все кончилось тем, что они сделали еще три круга вокруг ледяных ног Мейзи и сели. Похоже, выдохлись.

Феникс поднял переднюю лапу и принялся осторожно ее облизывать. Везувий и Саламандр растянулись рядом с ним, поглядывая на Чарли.

Мы старались, но больше не можем! — словно говорили они.

— Я знаю, вы сделали все, что могли, — откликнулся Чарли.

— Мейзи почти вернулась. Если бы коты попробовали еще раз… — сказала мама.

— Они не могут, выложились полностью, — возразил Чарли.

Мальчик подошел к холодильнику, достал кусочек ветчины, порезал кубиками и положил в миску. Потом подвинул миску котам, и те с жадностью накинулись на мясо.

Мрачный дядя Патон сел на стул и скрестил руки.

— Я так и думал, даже был уверен. Только я ем креветки. И вот кто-то приложил к ним руку. И это должен быть один из тех, точнее сказать, один из нас, одаренных… Но зачем… — горестно произнес он, всплеснул руками и бессильно уронил их на колени.

— Нужно вызвать врача, — решила Эми. — Сейчас же. Пока не поздно.

Дядя Патон кивнул:

— Нужно. Только это должен быть врач разумный, которому мы доверяем и на чью осмотрительность можем рассчитывать.

На лице Эми мелькнула надежда.

— Я знаю, кого позвать. Он выглядит очень таинственно, как будто знает кучу секретов. Он покупает у нас овощи и однажды дал мне свою визитку. Доктор, доктор… какое-то необычное имя.

— Может, он доктор математических наук или философии? — Чарли не хотел поддерживать тщетные надежды. Вдруг все будет впустую.

— Ну, попытка не пытка! — И мама побежала в прихожую к телефону.

— Ушли эти звери? — прокричала бабушка Бон, пока мама звонила.

Услышав ее голос, коты опять зарычали. Везувий напоследок еще разок лизнул опустевшую миску и вслед за братьями побежал в прихожую. Все трое несли высоко поднятые головы и хвосты держали трубой. Пусть на этот раз их и постигла неудача, но все-таки это были очень гордые коты.

Эми положила трубку:

— Врач сейчас придет. Его зовут доктор Танака.

Доктор Танака оказался молодым человеком с широким улыбчивым лицом. На нем был парадный серый костюм. На первый взгляд трудно было поверить, что этот врач способен справиться с чем-нибудь необычным. Но Эми не ошиблась. Увидев бедную замороженную Мейзи, доктор Танака наморщил лоб и сразу определил:

— Ага! Криоген. Снижает температуру человеческого тела до точки замерзания. Только в данном случае снижение температуры сверхъестественное.

— Мама… умрет? — Последнее слово Эми выговорила с трудом.

— Не обязательно, — с видом знатока ответил доктор. — Когда запас энергии кончится, она вернется.

— Энергии? — пробормотал Чарли.

— Энергии, — повторил врач и улыбнулся мальчику. — Кое-кто в этом городе наделен необыкновенной, сверхъестественной силой. Мне, конечно, известно, что таких необычных людей довольно много. Потомки Алого короля. По-видимому, и здесь действовал кто-то из них. Более того, сдается мне, что сейчас я нахожусь в доме, где живет один… или даже двое из них. А?

Патон опустил голову.

— По своему опыту знаю, что нет такой энергии, которую нельзя было бы истощить до последней капли. Поэтому двое

одаренных лучше, чем один, — жизнерадостно заявил доктор.

Эми глядела на Мейзи:

— А что нам пока делать с мамой?

— Устройте ее поудобнее, — посоветовал врач.

Поскольку лужица талой воды под ногами Мейзи потихоньку увеличивалась, было решено перенести ее в самое удобное для этого место, а именно в ванну. Перед тем как уйти, доктор Танака помог дяде Патону поднять замороженное тело вверх по лестнице. Для этого им пришлось надеть перчатки. Нелегко было и протащить эту глыбу в дверь ванной комнаты. Чарли осторожно подложил под голову Мейзи диванную подушку, а Эми накрыла ее пледом.

— Надеюсь, я буду иметь удовольствие снова покупать овощи в вашем прекрасном магазине, — на прощание сказал Эми доктор Танака и с тем отбыл.

— Я тоже надеюсь, — с изящным поклоном ответила Эми.

Не успел врач уйти, как позвонили из магазина и сообщили, что в креветках не обнаружено никаких токсических веществ. Лабораторные крысы съели их без каких-либо последствий. Если уж на то пошло, то после креветок шерстка у них стала только более густой и блестящей.

— Наверное, их просто плохо там кормят, — проворчал Чарли.

— Может быть, отравлена была только одна креветка. Спорю, это проделка Венеции, — объявил дядя Патон.

— Но тетя Венеция отравляет только одежду. С чего бы ей браться за креветки? — усомнился Чарли.

— Понятия не имею, — буркнул Патон. Чарли было неловко пользоваться ванной, пока там лежала Мейзи, поэтому он поднялся на верхний этаж, где были спальни мамы и Мейзи, и воспользовался их ванной комнатой. То же сделал и Патон.

Вечером бабушка Бон долго ворчала по поводу необходимости принять ванну.

— Будьте любезны, уберите эту замороженную особу, — потребовала она.

Но дядя Патон категорически отказался, и бабушка в этот вечер осталась без купания.

Едва коснувшись головой подушки, Чарли почувствовал, что засыпает. Сквозь дрему он мысленно перебрал все события прошедшего дня и вдруг вспомнил о Нерен. Неужели только сегодня они с ней переходили мост?!

И что она сказала? «Не закрывай сегодня вечером шторы». Интересно, в чем состоит ее дар? Может, она умеет летать? Или посылать сообщения по лунному лучу? Чарли с неохотой вылез из

постели и, сонно пошатываясь, подошел к окну. Отодвигая штору, он заметил, что на ней сидит белая моль. Голые ветви каштана за окном покрылись инеем. Значит, ночью опять будет мороз.

Чарли снова забрался в постель и уснул.

Проснулся мальчик от яркого лунного света, залившего комнату. Открыв глаза, он обнаружил, что к его постели ползут какие-то тонкие черные тени. Чем ближе они подползали, тем больше Чарли ежился, боясь даже поднять голову с подушки. Вот они, словно странные крошечные существа, поднялись по ножке кровати, вот уже ползут по пододеяльнику, по руке, по рукаву. Удивительно, но он ничего не чувствовал.

— Тени, — решил мальчик. — Просто тени.

Чарли продолжал наблюдать за ними. Вот они вползли на стену позади него и начали толкаться, будто искали себе местечко поудобнее. Он внимательнее пригляделся к ним и вдруг начал понимать, что перед ним буквы. Постепенно их лихорадочная деятельность стала угасать, и Чарли начал различать слова.

> Это я, Нерен. Вот что я умею делать. Ты испугался, увидев мои маленькие тени? Если ты что-нибудь шепнешь стене, я тебя услышу.

— Привет, Нерен, — неуверенно прошептал Чарли.

> Привет, Чарли. Надеюсь, ты вернулся без приключений. Если тебя что-нибудь беспокоит, расскажи мне, а я передам отцу. Он хоть и не любит появляться в городе, но тебе обязательно поможет.

С чего начать? Чарли решил рассказать Нерен о замороженной Мейзи. Он шепотом описал каждую деталь приключившегося с бабушкой несчастья. Буквы на стене чуть ли не минуту оставались неподвижными, — видно, в это время Нерен думала.

Наконец буквы опять побежали. На этот раз слова складывались очень медленно.

> То, что ты рассказал о твоей… бабушке… очень плохо… Я скажу… Бартоломью… Завтра… может быть… он сумеет как-то помочь.

— Но завтра я буду уже в школе. Как ты сможешь…

Чарли услышал шаги в коридоре. Вдруг открылась дверь.

— До свидания, — прошептал он громче, чем хотел.

Вошла бабушка Бон.

— С кем это ты разговариваешь? — строго спросила она.

— Ни с кем, бабушка. Возможно, я говорил во сне?

— Но ты же не спишь. А что это такое на стене? — Бабушка начала всматриваться в стену над головой Чарли.

Чарли тоже глянул через плечо, отчаянно надеясь, что письмена Нерен уже исчезли. К счастью, Нерен правильно поняла его торопливое прощание, и букв на стене как не бывало.

— Это тени, бабушка, — быстро сказал Чарли. — От веток каштана за окном.

— Глупый мальчишка! Еще бы, как можно спать при лунном свете. — Она решительно подошла к окну и плотно задернула шторы. — А теперь спать!

Чарли лег и закрыл глаза. Едва бабушка удалилась, он снова отдернул шторы. Но в комнате было так темно, что он даже стены не видел. А в следующее мгновение уже спал.

Наутро Чарли встал такой усталый, что начисто забыл о замороженной Мейзи. И, только войдя в ванную комнату, увидел, что она все еще там. Сегодня у нее лицо было еще более синее, чем вчера. Чарли не решился даже почистить зубы: ему все время казалось, что стеклянные глаза Мейзи смотрят ему в спину. И он удрал в верхнюю ванную.

Эми была в кухне, когда Чарли спустился к завтраку.

— Я не пойду сегодня на работу, — сообщила она. — Не могу, когда с Мейзи творится такое. Ох, Чарли, что ж нам делать?

Тут взгляд Чарли упал на подоконник, на цветочный горшок с петрушкой. У него появилась идея:

— Вербена. Помнишь, мама, как в прошлом году заколдовали дядю Патона?

— Еще бы, разве можно забыть такое!

— Тогда в огороде тети Юстасии я украл немного вербены, мы заварили чай и…

— Но дядя Патон все истратил на свое лечение! — воскликнула Эми.

— Зато мама Фиделио посадила в горшочек на всякий случай. Если сходить в Дореми-хаус, я уверен, у миссис Дореми еще осталось. Фиделио говорил, что она иногда кладет ее на бутерброды. Ну, для поднятия тонуса, — возбужденно продолжал Чарли.

— Чарли, ты — гений!

Мама так крепко его обняла, что он чуть не подавился куском тоста.

— Я схожу к ней сразу после завтрака, — радостно заявила Эми. — Впрочем, даже прямо сейчас. — Она взглянула в окно. —

Там Билли Гриф. Лучше сохранить в тайне небольшие проблемы Мейзи, как думаешь?

— Конечно, — согласился Чарли.

Можно подумать, ему очень хочется, чтобы все знали, что его бабушка в замороженном виде обосновалась в ванной!

Эми выскочила в прихожую и накинула пальто. Когда она выходила, Чарли услышал, как тоненький голос Билли спрашивает, все ли у них в порядке и можно ли войти.

— Конечно, Билли, конечно, — отвечала Эми.

Хлопнула входная дверь, и в следующий миг на пороге со скромным видом появился Билли.

— Бенджамину еще полчаса до выхода из дому в школу, — удрученно сообщил Билли. — Поэтому миссис Браун сказала, чтобы я зашел за тобой, и мы вместе успеем на автобус академии Блура.

— А разве она не могла захватить тебя с собой? — Чарли намазывал мед на второй тост.

Билли пожал плечами:

— Не думаю, что она сегодня собирается в академию.

— Ну что ж, у нас еще три минуты, — бодро сказал Чарли. — Не хочешь зернового хлеба?

— Нет, спасибо. — Тем не менее, Билли подошел и уселся за стол.

На нем было синее байковое пальто, по виду размера на три меньше необходимого.

— Хорошо провел выходные? — спросил Чарли.

Билли печальным взглядом проводил тост Чарли.

— Ну, в общем-то, да. Только Босх не очень доволен. Нельзя ли на следующей неделе оставить его у тебя?

— Ладно. — Чарли проглотил последний кусок и облизал пальцы. — Пойдем, пожалуй?

Билли встал и направился к двери:

— Можно я схожу в туалет?

— Нет! — вскрикнул Чарли. И тут же спохватился: — То есть да. Но только придется воспользоваться туалетом в подвале.

Билли так и застыл возле двери:

— А что случилось с вашим туалетом?

— Засорился, — коротко бросил Чарли.

Пока они бежали по Филберт-стрит, Чарли попытался вытянуть из Билли побольше информации. Почему ему так не понравилось гостить у Браунов? И что приключилось с Босхом?

— В общем-то, мне там почти нравится, — пропыхтел Билли. — Но мама и папа Бенджамина замучили меня вопросами. А Спринтер-Боб и Босх все время ссорятся, а когда животные

ссорятся, это очень надоедает.

— Это точно, — посочувствовал Чарли.

А Билли продолжал:

— Спринтер-Боб слишком шумный пес, Босх очень устал и измучился.

— Ты оставил его у Браунов?

— Нет, он у меня в кармане.

Чарли резко остановился:

— Билли, нельзя же держать крысу в спальне!

Билли тоже замедлил бег.

— Да знаю я, знаю. Я отдам его кухарке, как только мы придем в столовую.

Чарли подумал, что это довольно рискованно, однако промолчал.

— Знаешь, а Спринтер-Боб не такой уж и хороший пес, — вдруг сказал Билли, когда они возобновили бег.

— Просто очень большой. Ты попробуй взглянуть на него с точки зрения крысы, — посоветовал Чарли.

— А с какой еще точки я могу смотреть? — возразил Билли.

В конце Филберт-стрит показался синий академический автобус, и мальчики припустили к нему.

* * *

Добравшись до академии, они обнаружили, что Доркас Мор сделала самое плохое, что могла сделать. Во всех раздевалках только и говорили о Чарли Боне, нашедшем только своих друзей. А где же тогда остальные?

В первую же перемену, когда Чарли вышел из классной комнаты, его окружила большая компания. Он увидел в толпе Доркас с Джошуа и близнецов Бранко. Там был и старый неприятель Чарли Дамиан Сморк, а за его спиной стояли Брайн Хвастун и Руп, Всего было человек десять, если не больше. Среди них затесались и несколько старшеклассников, которых Чарли знал только в лицо. Лишь магнетизм Джошуа мог свести вместе такую разношерстную компанию, поскольку старшеклассники не те люди, что будут якшаться с каким-то второклашкой вроде Чарли. Сквозь толпу протолкался Аза Пик.

— Ну как, Чарли Бон? Что скажешь в свою защиту? — со злостью рявкнул он.

Но не успел Чарли что-нибудь ответить, как холодный ветер ударил его по ногам. Аза пошатнулся, когда порыв ветра чуть не сбил его с ног.

— Он ничего не будет говорить! Вали отсюда! — произнес за спиной Чарли знакомый голос.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЭМИ

Чарли увидел возле себя Танкреда и Лизандра. Что и говорить, они появились очень кстати.

— Не вмешивайся, Торссон. У тебя же нет животных в доме! — процедил Аза.

— Зато у меня есть, — вступил в разговор Лизандр.

— Мы хотим знать, что он сделал с нашими животными! — крепко держась за руку Хвастуна, завизжала Доркас.

— Скажи, скажи! — стараясь перекричать завывающий ветер, заорали Идит и Инез. — Говори! Говори!

Чарли закрыл уши, но физически чувствовал на себе взгляды близнецов. Лизандр и Танкред тоже ощущали на себе черные взгляды двойняшек. Все трое отступили на шаг, потом еще на шаг. Но избавиться от этих взглядов не смогли. Тогда Танкред попробовал применить свой фокус. Внезапный ливень обрушился на галдящую толпу, и все моментально промокли до нитки.

Ахнув от неожиданности, толпа бросилась врассыпную, оставив неколебимо стоять лишь первую линию атакующих. Близнецы, Аза, Джошуа и Доркас, с волос которых капала вода, а лица блестели от влаги, глядели на Чарли. Тот еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Вдруг Джошуа Тилпин набросился на Чарли. Тот, не ожидавший этого, свалился на землю.

Решив, что Чарли крупнее Джошуа, Танкред с Лизандром решили не вмешиваться в драку. Джошуа такой тощий, всякому понятно, что у него нет шансов на победу. Однако остальные были уверены, что дар Джошуа позволит ему выбить правду из Чарли Бона.

— Говори, говори, Чарли Бон! — загудели они.

— Я не знаю. — Чарли ткнул кулаком в хилое плечико Джошуа.

На сцене появились еще трое: Габриэль, у которого всегда чесались кулаки, Фиделио, изрекший: «Что здесь происходит?» — и Билли, беспокойно переминавшийся с ноги на ногу.

К удивлению Чарли, Джошуа оказался похож примерно на тонну кирпичей. Совершенно непонятно, как такое мелкое существо может так много весить. Чарли молотил соперника по спине, дергал за руки, колотил по похожим на прутики ногам, но при этом казалось, что Джошуа вытягивает из него все силы. Когда же Джошуа оказался на груди Чарли, тому показалось, будто его придавило каменной стеной и жизнь вот-вот покинет его. Он с трудом дышал, руки царапали воздух, но буквально

последним усилием он сумел все-таки ткнуть кулаком в лицо Джошуа.

— А-ай! — взвыл тот и, схватившись за нос, скатился с противника.

Чарли с трудом поднялся на ноги. Но его тут же так чувствительно хлопнули по спине в знак одобрения, что он чуть опять не рухнул.

— Молодец, Чарли! — завопил Лизандр.

— Хватит с этой маленькой дряни, — добавил Танкред.

Джошуа с несчастным видом сидел на земле и тихо всхлипывал.

Доркас помогла ему подняться.

Утирая окровавленный нос, он взглянул на Чарли.

— Ну подожди, Чарли Бон, еще встретимся! — угрожающе прогнусавил он.

Но вид у него при этом был такой жалкий, что Фиделио разразился смехом.

— Это еще что такое! — Никто и не заметил, как появилась мисс Кристалл. — И ты, Фиделио, и все вы, как не стыдно смеяться над раненым? Что здесь происходит?

Все закричали разом, одни заступались за Чарли, другие кричали, что те всё врут. Мисс Кристалл подняла руку:

— Аза, ты же староста, почему не остановил драку?

Аза на мгновение растерялся, но быстро нашелся:

— Я пытался, но эти, — он махнул рукой в сторону Доркас и близнецов, — хотели узнать, что те, — он махнул рукой в сторону Чарли и его друзей, — сделали с их животными. Все считают Чарли Бона виноватым в пропаже животных.

Мисс Кристалл повернулась и холодно взглянула на Чарли:

— Это правда?

Чарли потрясло выражение ее обычно приветливого лица. Она смотрела холодно, даже недобро, прищурив светло-голубые глаза и сжав губы в узкую, жесткую линию.

— Я ничего не делал, чтобы животные ушли или пропали! — воскликнул он.

Мисс Кристалл еще какое-то время всматривалась в него, а потом ушла, не проронив ни слова. Любопытно, что Джошуа кинулся за ней.

— Я ранен! Вы должны что-нибудь сделать! — схватив ее за руку, закричал он.

Мисс Кристалл остановилась и о чем-то с ним тихо поговорила. Чарли все не расслышал, но, кажется, она сказала что-то вроде: «Возьми себя в руки, Джош. Помни, кто мы такие».

Рука Джошуа упала, он закусил губу и потупился.

Рожок возвестил об окончании перемены, и все ринулись к дверям. Чарли увидел, как мисс Кристалл погладила Джошуа по плечу. Потом подняла голову и взглядом встретилась с Чарли. И сразу на лице ее отразилось недвусмысленное отвращение.

— Этот раунд за тобой, Чарли! Молодец! — похвалил Фиделио, когда они входили в класс.

Но что-то говорило Чарли, что таких раундов будет еще много, и совсем необязательно каждый раз будет побеждать он.

* * *

В это время мама Чарли помогала миссис Дореми наводить порядок в захламленной кухне, которую, несмотря на грязь и хаос, хозяйка считала самым уютным местом в доме. Миссис Дореми стала для Эми самой близкой и, возможно, единственной подругой, поэтому Эми частенько заглядывала к ней.

Эми взяла гитару, которая кое-как балансировала на пирамиде из десятка разномастных кружек, забытых на столе, и поставила ее рядом с прислоненным к кухонному шкафу контрабасом. Затем, поскользнувшись на липком от варенья ноже, наклонилась и подняла с полу еще три ножа, две грязные ложки и огрызок яблока.

— Бедная Хлоя, и достается же вам: убирать и чистить за восьмерыми! Только закончишь убирать, а кому-нибудь подавай чай — и начинай все сначала. — Эми бросила ножи и ложки в раковину, уже доверху забитую грязной посудой.

— Исключите Фиделио, — ответила миссис Дореми и смела с трех стульев кукурузные хлопья. — Не забывайте, он у Блуров. Да и Феликс часто уезжает со своим оркестром. Так что остается всего шестеро.

Она сняла со стола флейту и три сборника музыкальных пьес и затолкала их в стиральную машину.

— А там безопасно? — обеспокоилась Эми.

— Как за каменной стеной, — ответила Хлоя. — Там внутри Пудинг, а флейта даст мне знать, если я затею стирку.

Из стиральной машины выскочила большая серая кошка.

— Ну вот! — весело воскликнула Хлоя. — Теперь давайте выпьем кофе.

Эми вытерла со стула капли жира и села. Наливая в чайник воду, Хлоя тихонько запела. Она почти все время напевала, как и ее муж, учитель музыки в местной школе.

* * *

У них все дети были очень музыкальны, но Фиделио особенно. Он был, можно сказать, звездой, музыкальным гением. Хлоя всегда знала, что ее четвертый ребенок далеко пойдет.

На подоконнике стояли ряды глиняных горшочков с растениями. Увы, вербены, так нужной Эми, среди них не было.

— У кого можно было бы достать вербену? — спросила Эми, прихлебывая кофе.

— Понятия не имею, — ответила Хлоя. — Я только позавчера остатки положила в салат. Мне очень жаль, Эми. Но что вы собираетесь делать дальше? Нельзя же до бесконечности держать ее в ванне.

Эми отчаянно вздохнула:

— Ой, Хлоя, не знаю, что и делать.

— Вам нужно обратиться в администрацию «Империи». Если кто-то приложил к креветкам руку, то за это отвечает магазин.

— Они говорят, что не трогали их.

— Тогда в полицию, — не отставала Хлоя.

— Не могу. Дело в том… видите ли, здесь колдовство. Так сказал и доктор Танака. А полиция колдовством не занимается. — Эми осушила свою чашку. — Мне, пожалуй, пора, Хлоя. Не хочется надолго оставлять Мейзи. Она может оттаять и испугаться.

— Особенно если учесть, что там все время шныряет ваша свекровь, — хмуро согласилась Хлоя.

Эми, не глядя по сторонам, побежала домой. Но на Хай-стрит что-то заставило ее обернуться. На другой стороне улицы она увидела помпезное здание с колоннами по обе стороны от входа. Упомянутые колонны были выточены из зеленого камня серпентина, именуемого также змеевиком. Все девяносто девять окон шикарного магазина светились яркими огнями, и это лучше всего свидетельствовало в пользу того, что о сокровищах, хранящихся за этими окнами, не стоит даже и мечтать.

Тем не менее, Эми перешла дорогу и приблизилась к скрывавшемуся за колоннами входу. И под ногами, и над головой — кругом были позолота и зеленоватый мрамор. С обеих сторон дубовой двери стояло по швейцару в зеленой ливрее. Каждый из них рукой в белой перчатке легонько взялся за бронзовую ручку ближайшей к нему створки.

— Войдете, мадам? — тоном человека, которому давно все надоело, спросил один из швейцаров.

— Да, — решительно ответила Эми.

Он услужливо открыл перед ней дверь. В «Империю» она заходила всего дважды. Первый раз довольно давно, с мужем, Лайеллом. Тогда он истратил весь свой месячный оклад на

колечко с маленьким бриллиантом, которое Эми до сих пор носила на левой руке. При воспоминании об этом у нее увлажнились глаза, и она сердито смахнула непрошеные слезинки.

Ее окружили затянутые бархатом витрины с разложенными там изысканными украшениями, шелковыми шарфами и галстуками, с непомерно богато упакованными кремами, духами и прочей парфюмерией. Вручную расписанные открытки и ценники с суммами, о каких она и помыслить не дерзала, лукаво выглядывали из-за шкатулочек из натуральной кожи, разноцветных бутылочек, блестящих баночек и бархатных мешочков.

Низко подвешенные над каждой витриной светильники освещали только прилавки, оставляя продавцов в тени. Изредка над прилавком мелькали бледные ухоженные руки. Эми подумала, что продавцов сюда, наверное, подбирают специально — по рукам.

Она решилась подойти к тем рукам, которые занимались драгоценностями. Тем более что на ее пальце надето кольцо, когда-то уютно гнездившееся именно на этом прилавке. Наклонившись, она вгляделась во мрак и увидела лицо блондинки, глядевшей необыкновенно сурово.

— Меня зовут миссис Бон, и я хотела бы поговорить с управляющим.

— О чем? — спросила блондинка.

— Мы случайно отравились вашей пищей.

— Продукты в подвальном этаже. — Лицо блондинки нисколько не изменилось.

— Я знаю, но хотела бы повидать управляющего, — настаивала Эми.

Блондинка вздохнула, подняла телефонную трубку, тоже обернутую бархатом, и нажала какую-то кнопку.

— У меня тут леди, которая хочет видеть управляющего, — презрительным тоном произнесла она.

Эми не видела тех двенадцати камер, что следили за ней со всех сторон из мрака под высоким потолком. Она не слышала, как шуршали их шарниры, когда они резво повернулись и все разом сфокусировались на ее особе. Но она сразу оказалась в жестком луче яркого света, упавшем на нее откуда-то с высоты.

— Ох, что я наделала! — воскликнула Эми. Продавщица не ответила. Она продолжала что-то говорить в трубку.

Эми не знала, что с верхнего этажа за ней наблюдают по двенадцати мониторам. И уж конечно, не сознавала, что даже в поношенном зимнем пальто, без какого-либо макияжа и

приличной прически она все равно еще хороша собой.

— Хозяин готов принять вас. — Блондинка шлепнула трубку на рычаг.

— Хозяин… Я и не знала, что он здесь. Я просто хотела поговорить с управляющим. — Эми охватили сомнения.

— Верхний этаж, — прервала ее блондинка и указала на лифт вдалеке.

— Благодарю вас.

Эми уже жалела, что зашла в «Империю». Кто здесь и что может сделать? Они же не могут разрушить колдовские чары. Если только колдун не прячется на верхнем этаже.

Она подошла к лифту и нажала кнопку вызова. Створки двери скользнули в разные стороны, и она попала в небольшую комнату с зеркальными стенами, мраморным полом и потолком, украшенным золотыми птичками. Птички казались совершенно живыми… если бы не золотая краска.

Эми вышла на верхнем этаже. Ее ноги сразу по щиколотку утонули в черном меху, она и не знала, что бывает такой мех! Прямо перед ней открылась дверь, и из нее вышел самый прекрасный мужчина, какого она когда-либо видела. Она пригладила волосы, одернула пальто и бросила взгляд на свои довольно грязные туфли.

Человек слегка поклонился:

— Миссис Бон?

У него были каштановые волосы (скорее всего, в детстве он был рыжим), загорелое лицо и темно-зеленые глаза.

— Да. Миссис Бон, — немного стесняясь, подтвердила Эми.

Человек опять поклонился и жестом пригласил ее войти.

Эми проплыла по черному меху и оказалась в большом помещении. На этот раз пол покрывал белый мех.

— О-о… — глядя себе под ноги, начала она, — какой…

— Харт Нобль, — представился человек, взял руку Эми и склонился над ней. — Этот ковер из шкур белого медведя.

Эми ахнула:

— А я думала…

— Садитесь, пожалуйста. — Он осторожно снял с нее пальто.

Эми присела на краешек дивана, покрытого… неужели ослиной шкурой?

— Так что вас беспокоит? — Харт сел рядом с ней. На нем была белая шелковая рубашка и котиковый жилет.

Пока Эми рассказывала ему о замороженной Мейзи и подозрительных креветках, Харт держал ее за руку и не спускал с нее взгляда. Ей казалось, будто она погружается в глубины зеленого омута. Когда Эми закончила, Харт встал, подошел к

столу в глубине комнаты, отделанному слоновой костью, достал два бокала и наполнил их шампанским.

Эми сделала глоток и огляделась. Комната была вся в зеркалах, а вся мебель, вплоть до последней детали, выполнена из клыков, бивней, шкур и меха животных. Наверное, если как следует прислушаться, можно было бы услышать крики боли и ужаса. Но Эми уже была околдована.

Был налит и второй бокал шампанского. Когда Эми оглянулась на свое отражение, то не узнала себя. Перед ней была прекрасная женщина с блестящими волосами и искрящимися глазами, даже старая розовая кофта выглядела совсем новой.

Харт принес тарелку с какими-то кусочками в пряной глазури. Эми попробовала и чуть не застонала — так это было вкусно. Когда Харт сообщил ей, что это мясо орла, она и глазом не моргнула.

Он уговорил ее рассказать о своей жизни. Эми принялась рассказывать и при этом вспоминала такое, о чем, как ей представлялось, она давно и прочно забыла. Она и не заметила, как за окном начало темнеть, и спохватилась только тогда, когда обнаружила, что наступили глубокие сумерки.

— Боже мой, наверное, уже поздно. — Эми довольно неуверенно поднялась на ноги.

Харт помог ей надеть пальто и проводил до лифта.

— Адью, — попрощался он и элегантно послал воздушный поцелуй.

Эми вышла на улицу в некотором ошеломлении. Под ногами тротуар искрился инеем.

— Как красиво! Я возношусь к звездам! — воскликнула она.

— К звездам? — переспросила проходившая мимо старая леди. — Там смертельно холодно, вот что я вам скажу. Вас околдовали!

Вернувшись домой, Эми сразу поднялась в свою комнату и сняла с пальца кольцо с бриллиантиком.

* * *

От внезапной острой боли Чарли вздрогнул.

— Чего ты? Подавился? — сострил Фиделио.

После чая они сидели в буфете. Все уже разошлись, кроме Билли, в этот самый момент украдкой передававшего кухарке Босха.

— Думаю, мама назвала бы это расстройством пищеварения, — потирая живот, ответил Чарли.

Хотя и не был в этом уверен. И не понял, когда и почему боль исчезла, но чувствовал себя так, словно только что потерял что-то очень дорогое.

Кухарка подсела к ребятам.

— Что происходит, Чарли? Говорят, кое-кто из животных вернулся. Я бы сказала, очень примечательные животные. Например, Спринтер-Боб, попугай Лизандра, уточка Эммы, хомячки Габриэля, ну и так далее. Почему не нашлись остальные? — спросила она.

— Душка же здесь, — уклонился от ответа Чарли.

— Конечно. Только он чем-то очень напуган.

— Не думаю, что Чарли вам что-нибудь расскажет. Даже я ничего не знаю, — заявил Фиделио.

Кухарка покачала головой:

— Не побывал ли ты где-нибудь и не дал ли какой-нибудь глупой клятвы, а, Чарли?

— Не совсем так, — ответил Чарли.

— Ну что же, будь осторожнее, дорогой. Это опасная и хлопотная игра. Тебя ждут неприятности. Получше придумай, что будешь отвечать на вопросы Блуров, не то они постараются выжать из тебя все самым беспардонным способом. — Кухарка отправилась в кухню, придерживая рукой безразмерный карман фартука. — Ладно-ладно, потерпи, сейчас ты получишь свой ужин, — заглядывая в глубины кармана, приговаривала она на ходу.

Неприятности начались сразу после ужина. Вместо того чтобы отпустить закончивших есть детей, доктор Блур похлопал в ладоши, призывая всех к тишине. Затем директор, заложив руки за спину и опустив голову, начал расхаживать по помосту, на котором стояли обеденные столы преподавателей.

Три сотни детей, сидевших за тремя длинными столами, наблюдали за крупным мужчиной в черной мантии, с красным лицом, аккуратными усами и очень коротко остриженной серо-стальной шевелюрой. Наконец он прекратил хождение и остановил свой взгляд на столе театрального отделения, стоявшем прямо перед помостом.

— Есть ли среди вас хоть один, кто не знает о несчастье, которое постигло наш город? — Он приложил руку к уху. — А? Не слышу, что вы сказали?

— Нет, сэр! — дружно закричали фиолетовые плащи.

— А вы что скажете? — обратился он к отделению живописи, отойдя к центру помоста.

— Нет, сэр! — оглушительным хором ответили дети в зеленых плащах.

Доктор Блур сделал несколько шагов направо. Теперь он стоял перед Чарли, который сегодня опоздал и которому поэтому досталось несчастливое место прямо у помоста. Напротив него сидел Фиделио.

— А как вы? — И без того красное лицо Блура побагровело. — Вы что-нибудь слышали о городских проблемах? — Он впился взглядом в Чарли.

Чарли понял, что вопрос обращен именно к нему.

— Вы говорите о животных, сэр? — в свою очередь спросил он.

— Конечно я говорю о животных, глупый мальчишка! — Доктор Блур чуть не подскочил от злости.

— В таком случае, да, сэр.

— Да, сэр, — повторили остальные дети за музыкальным столом.

И тогда директор сказал нечто удивительное:

— Когда пропадают любимые животные, это, конечно, несчастье. Особенно это расстраивает старших, для которых домашние животные не просто любимцы, но и друзья, иногда единственные. Однако порой такое случается, и с этим ничего нельзя поделать.

Доктор Блур опять начал бродить по помосту.

Чарли был сбит с толку. Неужели директор знает, почему ушли животные? Но тогда их исчезновение не должно удивлять его.

Доктор Блур вдруг повернулся, пошел назад и остановился напротив Чарли:

— Но непростительно, когда кто-то находит нескольких животных, принадлежащих его друзьям, и не говорит, где их нашел. Так где ты нашел животных, Чарли Бон? Члены местного совета хотят это знать. Где ты нашел собаку, утку, попугая, кроликов и грызунов? И питона, который принадлежит моему отцу? — Директор выставил подбородок в сторону Чарли.

— Я просто нашел их, сэр… — озираясь по сторонам, ответил Чарли.

— Встать, мальчик!

Чарли встал.

— Я повторяю свой вопрос. Где ты нашел животных?

— Если хотите, сэр, я могу принести вашего питона! — процедил Чарли сквозь зубы.

— Нам не нужен питон. Тем более он уже совсем дохлый. И не уходи от ответа! — загремел доктор Блур и даже топнул ногой.

— Я и не ухожу, сэр! Может быть, животные сами вернутся? Ведь вернулись же те, которых я нашел. — Чарли старался не

смотреть на разгневанное лицо директора.

Доктор Блур почти навис над мальчиком:

— Так вот, если они не вернутся… Я говорю, если они не вернутся, то на верхнем этаже есть комната, в которой держат мальчиков до тех пор, пока они не начинают говорить правду.

— Да, сэр, — сдавленным голосом отозвался Чарли.

— Разойтись! — гаркнул директор.

Три сотни детей сразу повскакали и начали торопливо собирать тарелки.

— Что ты будешь делать? — уже на выходе из столовой поинтересовался Фиделио.

— Не знаю. Сначала нужно приготовить уроки. Если, конечно, смогу думать. Сегодня это будет трудновато. Так не хочется заниматься! — ответил Чарли.

На самом деле все оказалось не так плохо, как боялся Чарли. Возможно, Джошуа с Доркас и получили некоторое удовольствие от директорской брани, но неполное: ведь они надеялись, что Чарли получит по заслугам сполна.

А Чарли пришел в Королевскую комнату с твердым намерением как следует поработать над заданием по истории. Но мысли его блуждали далеко от домашнего задания. Как вернуть обратно животных? Как разморозить Мейзи? Он вздрогнул при воспоминании о бабушке, лежащей в ванне. И вслед за этим его опять посетило жуткое ощущение, что он потерял что-то очень дорогое.

Справившись все-таки с уроками, он потащился в спальню, но тут кто-то дернул его за локоть. Обернувшись, он увидел, что за ним следом из учебной комнаты выскочил Габриэль.

— Спасибо тебе за хомячков, Чарли, — тихо произнес Габриэль. — Я не буду спрашивать, где ты их нашел.

— Вот и хорошо. Я оставил их в «Зоокафе». В выходные можешь их забрать.

Чарли даже полегчало, когда он увидел счастливое лицо приятеля.

— Отлично. А ты можешь вернуть и остальных?

Чарли тяжко вздохнул:

— А как, Гейб? Подумай сам: из города улетели почти все птицы, ушли все крысы, мыши, лягушки, жабы, собаки… кого ни назови, все ушли. Как я могу их вернуть, если не… не…

— Если не сказать, где они, — догадался Габриэль. — Да-а, понимаю.

Чарли, в общем-то, не беспокоило, что половина мальчиков в его спальне с ним не разговаривают. Ему и так было о чем подумать. Уже давно погасили свет, а он все лежал без сна.

Наконец, когда решил, что все уснули, он осторожно встал, на цыпочках подошел к окну и немного раздвинул шторы. Ровно настолько, чтобы в комнату проник узкий лунный луч. Свет лег тонкой полоской прямо за его кроватью.

Чарли сел на постели и стал ждать. Найдет ли его Нерен? Пришлет ли сообщение? Ему очень, очень надо с ней поговорить. Он уже потерял всякую надежду, когда крошечные черные тени начали беспорядочно кувыркаться на подоконнике. Наконец они выстроились в порядок, и тогда он смог прочесть послание.

Как дела, Чарли?

— У меня неприятности. Я должен вернуть в город всех животных. И как можно скорее, иначе меня запрут, — зашептал Чарли.

Маленькие тени быстро-быстро перестроились, и изумленный Чарли прочитал:

Они уже в пути. Завтра все животные вернутся в город.

— А как? — спросил Чарли.

Их приведут волшебные коты, Огнецы. Ты же их знаешь, Чарли. Они сели у нас во дворе и запели так громко и такими прекрасными голосами, что все животные собрались и пошли за ними за ворота. Вот это было зрелище! Птицы летят по воздуху, а по тропе бегут, толкаются, скачут разные звери…

Вдруг тишину нарушил пронзительный вопль.

— До свидания, — шепнул Чарли.

И буквы стали исчезать.

— Что это?! — вопил Руп. — Ужас!

Теперь уже проснулась вся спальня.

— Стена покрылась какой-то дрянью… то ли насекомые, то ли еще что-то. И Чарли Бон с ними разговаривал! — захлебывался Руп.

— Ух ты! Вот это да! — неслось со всех сторон.

— Так. Заткнитесь и всем спать! А у тебя, Малыш Руп, просто ночные кошмары! — скомандовал Габриэль.

— А вот и нет!

Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая темная фигура. Лукреция Юбим.

— Что здесь происходит? — включив свет, строго спросила

она.

Руп указал на Чарли:

— На стене была какая-то дрянь, а Чарли с ней разговаривал.

Надзирательница прищурилась:

— Что еще за дрянь?

— Никакой дряни, — попробовал отвертеться Чарли.

— И я видел, — заявил Брайн Хвастун. — Дрянь исчезла, когда Чарли что-то прошептал.

— Это были мухи. Не знаю, откуда они взялись, — оправдывался Чарли.

Тетка Лукреция рассердилась:

— Не лги! Сейчас зима. Все мухи сдохли. Ну и что на это можно возразить?

Она подошла к кровати Чарли и сверху вниз внимательно оглядела его:

— Опять ты, да? Всем мешаешь спать, всех разбудил! Ты заслужил наказание, Чарли Бон! Половину выходных проведешь в школе!

— Но я не могу! У меня бабушка заболела, — запротестовал Чарли.

— Твоя бабушка отлично себя чувствует, — заявила надзирательница и собралась уходить.

— Нет, не ваша сестра. Не бабушка Бон, а Мейзи. Другая бабушка.

— Ах, она? — безразлично откликнулась надзирательница. — И что с ней случилось?

— Она заморож… Она замерзла, — с запинкой ответил Чарли.

— Замерзла? Ну, вряд ли это вопрос жизни и смерти. Марш спать. — Она выключила свет и закрыла за собой дверь.

Чарли забрался под одеяло и вдруг почувствовал, как у него подпрыгнуло сердце. Где-то ухнул филин, потом другой.

«Они возвращаются. Возвращаются», — успел подумать он и уснул.

ОБЕД НА СТО ПЕРСОН

Если бы Чарли выглянул в окно, его ожидало бы потрясающее зрелище. Все небо закрыли птицы. Их криков почти не было слышно, потому что все заглушал шелест крыльев. Птицы постепенно разбивались на отдельные стаи. Они опускались и рассаживались по крышам, деревьям, изгородям, пряча головы под крылья и засыпая. И вскоре все они уже спали, остались бодрствовать только совы и филины.

А горожане, те из них, кто спал чутко, просыпались, подходили к окнам и были вознаграждены незабываемым зрелищем. По городу двигались внушительные и молчаливые колонны животных. Их вели три кота с такими яркими шубками, что все вокруг окрашивалось в самые фантастические цвета. Животные по пути отыскивали свои дома. Кто царапался в окно, кто прятался в конуре, кто заходил в конюшню, а случайные зрители, наблюдавшие за происходящим, с облегчением вздыхали.

Новость распространилась очень быстро. Даже дети из академии Блура на первой же перемене услышали о Великом Возвращении. Смех раздавался и в столовых, и в классных комнатах. На всех детских лицах сияли улыбки. Чарли оживился, хотя некоторые, самые подозрительные из его одноклассников продолжали посматривать на него весьма косо.

Но не успела решиться одна проблема, как, здрасте вам, обнаружилась другая! Его могут оставить на выходные в академии, а ему страшно хочется узнать, не оттаяла ли Мейзи. И еще ему необходимо быть дома, чтобы наблюдать за мамой.

В обед Чарли отправился на поиски Билли. Тот сидел в столовой и лакомился новым кухаркиным изобретением — картофельными ежиками.

— Это не настоящие ежики, — серьезно пояснил Билли. — Просто у них кончики хрустящие.

— Я слышала, животные вернулись? — накладывая порцию Чарли, тихо спросила кухарка.

Чарли кивнул:

— Их привели Огнецы. Только меня на эти выходные оставляют в школе, так что…

— Что?! — У кухарки даже черпак опустился, так она удивилась. — Этого нельзя допустить!

Чарли хотел спросить почему, но в это время у него за спиной раздался голос Габриэля:

— Умираю от голода! Подвинься, Чарли.

Чарли забрал свою тарелку с «ежиками» и подсел к Билли. Вскоре к ним присоединились Габриэль и Фиделио.

— Знаете, что будет в эти выходные? — спросил у них Билли.

— Меня оставляют в школе, — буркнул Чарли.

— Нет, я не об этом. — Билли выпрямился, стал важным и гордым. — В пятницу Обед на сто персон, а в субботу Большой бал. Я слышал, как Блур напоминал об этом надзирательнице. Он даже рассердился, Чарли, когда узнал, что она тебя наказала, потому что не хочет, чтобы в здании оставался кто-нибудь из детей. Но та ответила, что принципиально не отменит наказания. Тут доктор Блур разозлился и приказал ей сделать все, чтобы ты не путался под ногами. Я думаю, он имел в виду и меня тоже, потому что если тебя оставят, то я останусь тоже. Хорошо, Чарли?

— Билли, я никогда не слышал, чтобы ты говорил так много сразу и все по делу, — заметил Габриэль. — А что это за Обед на сто персон и Большой бал?

— Ну-у, я немного узнал у Манфреда… — начал Билли.

— У Манфреда? — потрясенно переспросили остальные.

— Он так важничал. Думаю, ему просто не терпелось кому-нибудь это рассказать. Вот он и рассказал мне, что каждые десять лет у них сбор. Директора академий собираются и говорят о своих учениках, предметах и других делах.

— Из каких это других академий? — спросил Чарли.

— Ну, где тоже учатся одаренные дети.

— А есть и другие? — удивился Чарли.

— Конечно. Должны быть, — задумчиво произнес Габриэль. — Если подумать, то должны быть сотни таких, как мы. По всему миру. Прикинь: у Алого короля было десять детей. И если у всех у них тоже были дети девятьсот лет назад, то…

— Ого! — Чарли даже рот открыл. — Ну и дурак же я! Конечно, не могут же они все ходить в академию Блура. А если они живут в Китае или в Африке?!

— Или даже в Ирландии или Шотландии, — добавил Фиделио.

— Удивляюсь, как это я никогда об этом не задумывался, — покачал головой Чарли.

Тут все дружно занялись «ежиками». Но каждый продолжал думать о других академиях, других детях, других директорах.

— Я хочу попасть на этот обед. Мне много чего надо выяснить.

— Мне тоже, — подключился Билли.

Чарли проглотил последний кусочек и улыбнулся. Не такие уж плохие намечаются выходные. Может быть, мама нашла вербену и, когда он явится домой, Мейзи будет в порядке.

А в это время у академического народа сложилось убеждение, что самые важные события в мире будут происходить именно здесь. По мере приближения пятницы потолок в главном холле засверкал тысячами фонариков. Шпаги, арбалеты, копья, кривые турецкие ятаганы и другое внушительное на вид оружие извлекались из сундуков, шкафов и чуланов. Отполированное до угрожающего блеска оружие развешивалось по обшитым дубовыми панелями стенам, вызывая восторг и затаенный ужас. Армия уборщиц драила полы до ослепительной чистоты, и детям разрешалось ходить только по самому краешку — за этим строго следили.

В главной столовой освещение было умеренное, но всеобщее внимание привлекли несколько железных держателей для факелов, закрепленных на стенах. Неужели и факелы в них вставят? И разведут огонь в камине?

Даже у самых приветливых официанток школьной столовой испортился характер. Их изматывали дополнительные хлопоты. Каждую минуту кто-нибудь из них проносился по коридору с подносом, полным столового серебра, которое уже тысячу лет не извлекалось на белый свет.

Из подвалов и кладовых доставались фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы, золотые блюда. Все сносилось в кухню и там намывалось и начищалось до невозможного блеска.

По всем прежде темноватым коридорам, соединявшим столовые с холлом, теперь разливался сказочно яркий свет. А еще Чарли заметил, что некоторые портреты украшены золотыми лентами. Но не все, а, очевидно, только те, которые имели отношение к наиболее почетным гостям.

Чарли с Билли сидели в спальне и наблюдали, как остальные мальчики укладывают сумки. Чарли чувствовал странное и удивительное воодушевление, но старался не подавать виду и выглядел даже мрачным. Но когда Брайн Хвастун и Руп, небрежно закинув сумки на плечо, направились к дверям, он не выдержал и усмехнулся буквально одним уголком губ.

— Ты чего это ухмыляешься? — обрушился на него Хвастун.

— У Рупа такая тяжелая сумка, он, того и гляди, рухнет. Сколько конфет ты туда затолкал, а, Руп?

Кое-кто захихикал.

— Заткнись! — рявкнул Руп.

— Желаю тебе плохих выходных, Чарли Бон, — взяв Рупа на буксир, попрощался Хвастун и вышел из комнаты.

Последними ушли Габриэль и Фиделио. Они пожелали Чарли удачи и пообещали встретиться с ним в воскресенье.

— Я принесу хомячков и тебе, — пообещал Габриэль и

помахал на прощание рукой.

Вскоре после того, как школу покинули последние ученики, в спальню зашла Лукреция Юбим и сообщила мальчикам, что сегодня они будут ужинать раньше положенного.

— К шести вы должны вернуться сюда. Свет будет выключен в семь. И чтобы до завтрака ни один из вас из спальни и носа не высовывал.

— Свет в семь часов? — не удержался Чарли. — Почему?

— А что ж ты думал! В наказание. А теперь приведите себя в порядок. Ужин в половине шестого в малой столовой. — И со злорадной улыбкой Лукреция удалилась.

Они отправились на поиски кухарки и нашли ее очень озабоченной. Вокруг нее лихорадочно суетились помощницы, да и сама она металась между холодильной камерой и огромными печами.

— Так, этих сто, этих тоже сто… Черепаховый суп, пирожки с голубями, тушеное мясо… Этому без мяса, этой без крема… — бормотала она на ходу. — Привет, мальчики, — даже не взглянув на ребят, бросила она. — Боюсь, для вас есть только печеная фасоль и тосты.

Кухарка выложила из кастрюли фасоль на две тарелки с тостами и добавила две чашки с заварным кремом.

— А когда начинается обед? — поинтересовался Чарли.

— В половине седьмого, а я не успеваю!

К ней подлетела кучка обезумевших помощниц, и она махнула мальчикам рукой:

— Извините, голубчики, мне надо бежать.

Чарли потащил поднос в столовую и бухнул его на стол, расположенный подальше от раздачи. Стоял такой шум, что мальчики с трудом слышали друг друга. Они со всей возможной скоростью проглотили ужин и вымелись из столовой.

В спальне они переоделись в пижамы и прокрались на верхнюю площадку лестницы.

Улегшись на животы, они из-за балясин разглядывали огромный холл. Сейчас его было не узнать. Большинство гостей были в вечерних нарядах, но присутствовали и несколько человек в тюрбанах, несколько — в расшитых золотом халатах и в цветастых накидках. Ребята углядели еще несколько длинных белых рубах, а один гость и вовсе был с головы до пят закутан в красный шелк и подпоясан ремнем, на котором висел кинжал в богато украшенных ножнах. Группа женщин в сари беседовала с женщинами в кимоно. А в другой группе люди в ярких одеждах, видно, не очень понимали друг друга, потому что все время нетерпеливо склонялись друг к другу.

Мистер Иезекииль, в черном бархатном пиджаке и красной ермолке, крутился на своей коляске в самой толчее, а из спинки его кресла со свистом и треском вылетали петарды и шутихи. Иногда гости, попавшиеся на его пути, отскакивали и дули на обожженные руки.

Официантки, в коротких черных платьицах, белых шапочках и передничках, сновали в толпе, разнося закуски, а официанты, в красных с золотом камзолах, ловко балансируя подносами, подавали шампанское.

У подножия лестницы арфистка в свободном розовом платье перебирала струны огромной золоченой арфы, звуки которой иногда перекрывали гул толпы.

— Здесь остались только самые злые и противные, — вплотную придвинув голову к голове Чарли, прошептал Билли.

— О чем ты? — тоже шепотом спросил Чарли.

— Алый король. Его хорошие дети навсегда ушли из замка. И даже уехали из страны. Так что некоторые из тех, внизу, наверное, из-за границы и произошли от хороших детей.

Такое в голову Чарли не приходило, поэтому он еще внимательнее стал присматриваться к гостям. Интересно, показалось ему или на самом деле у большинства принарядившихся работников академии очень настороженные выражения лиц? И конечно, они выглядят куда более угрюмо, чем гости. Те же вели себя дружелюбно и непринужденно, то и дело улыбаясь и смеясь.

Чарли взглянул на часы. Без пяти семь. Он толкнул Билли в бок:

— Через пять минут в спальню явится надзирательница. Как только она уйдет, мы слезем вниз и где-нибудь спрячемся на то время, пока все будут сидеть за столом.

Они осторожно убрались с площадки и кинулись в спальню. Едва мальчики успели заскочить в постели, как дверь открылась и на пороге появилась надзирательница. Она весьма непривычно выглядела в длинном изумрудно-зеленом платье. Зеленые серьги свисали почти до плеч, а гладко зачесанные серые волосы стягивал на затылке зеленый же бант.

— Выключаю свет, — холодно предупредила она. — И кстати, на тот случай, если вам вздумается побродить, советую запомнить: наказание за это будет гораздо более серьезным, чем это.

— Да, надзирательница, — смиренно отозвался Чарли.

Он подумал, что довольно нечестно включать в наказание еще и Билли, но решил промолчать.

Тетка Лукреция выключила свет, но вдруг задержалась в

открытых дверях:

— Не хочешь ли сказать, как хорошо выглядит твоя тетя, а?

— Нет, тетя, — ответил Чарли. — То есть я хотел сказать да…

Дверь с шумом захлопнулась.

Он прислушался к удаляющимся шагам:

— Она больше не вернется. Не похоже, чтобы вернулась.

— Держу пари, она хочет поймать какого-нибудь богатенького директора, — хихикнул Билли.

Мальчики подождали еще немного, потом выскочили из спальни, прокрались на боковую лестницу и спустились по ней. Они оказались в коридоре, ведущем мимо буфетов в подвальный этаж, где располагалась главная столовая. Стараясь держаться в тени, они почти уже добрались до цели, но тут из зеленого буфета задом выплыла одна из официанток. Она катила тележку, уставленную мелкими тарелками.

Мальчики вжались в стену, но она все равно их заметила.

— Привет, мальчики. Что вы здесь делаете? — разглядывая их пижамы, спросила она.

— Мы хотим пить, — заторопился Чарли. — Нас мучит ужасная жажда, но не пить же там, наверху, сырую воду из ржавых труб…

— Вот бедняги. Ну, заходите и попейте сами. — Она кивнула на дверь зеленого буфета.

— Большое спасибо. — Чарли улыбнулся как можно приветливее.

Но в зеленый буфет лучше не заходить. Там хозяйничает миссис Уидон, особа злая и вспыльчивая, да и кухарка неважная. Позовет еще мужа, чтобы отвел их обратно в спальню.

Официантка покатила мимо них тележку.

— Подумаешь, не те тарелки! Чего так суетиться? — ворчала она себе под нос.

И скрылась в синем буфете. Как только девушка повернулась к ним спиной, мальчики кинулись дальше.

— А где спрячемся? — спросил Билли, когда они добрались до дверей главной столовой.

— Под столом.

— Там нас могут заметить.

Чарли даже думать об этом не хотел. Он приоткрыл дверь и заглянул в помещение. Им повезло — все столы оказались накрыты скатертями, свисавшими почти до самого пола. Возле каждого места на красном бархатном кружке лежала серебристая карточка с вытисненным на ней именем. А вокруг каждой бархатной салфеточки располагалось видимо-невидимо ножей, вилок, ложек, рюмок и бокалов.

На полированном столовом серебре зловеще играли отблески от медных светильников на стене. И даже у дверей ощущалось тепло от пляшущего в камине пламени.

— Пошли! Быстро! — выбрав момент, когда официант повернулся к ним спиной, скомандовал Чарли.

Пригнувшись как можно ниже, мальчики прокрались к центральному столу и нырнули под него. Тут Чарли в нос ударил омерзительный залах, и он, к своему ужасу, обнаружил, что Душка тоже выбрал именно это место в качестве укрытия.

Но перебираться под другой стол было уже поздно. Дверь открылась, и два официанта торопливо ввезли тележки с горячими блюдами.

А под столом Душка, тихо поскуливая, тыкал Билли носом.

— Скажи ему, чтобы вел себя тихо, а то его выгонят, — прошептал Чарли.

Билли что-то тихо проворчал по-собачьи, и пес, помахивая облезлым хвостом, уселся рядом с ним.

— Что это там? — вдруг спросил один из официантов.

Билли почти беззвучно что-то сказал на ухо Душке, и хвост перестал мотаться из стороны в сторону.

— Наверное, крыса, — ответил второй.

Первый официант засмеялся:

— Надеюсь, она никого не хватит за ногу. Я уже сыт по горло: работаем с шести утра, а заплатят всего ничего.

— Та еще компания! — согласился его сотоварищ.

Переставляя блюда с тележек на столы, официанты производили столько шума, что Чарли и Билли сумели без помех переползти поближе к помосту. Отсюда Чарли рассчитывал услышать все, о чем будут говорить за директорским столом.

Вкатились еще два сервировочных столика, а вскоре после этого мальчики услышали приближающийся гомон. И вот начали входить гости. Зашаркали, затопали две сотни ног, по всему залу задвигались стулья — гости рассаживались.

Скорчившись в темноте, Чарли и Билли прислушивались к тому, как над ними что-то грызут, чем-то хрустят, чавкают и булькают. Чарли угодил между двумя парами длинных ног в черных брюках. Он решил подвинуться и толкнул Билли в спину, а тот, к несчастью, задел ножку в серебряной туфельке.

— Нельзя ли поосторожнее? — прозвучал женский голос.

— Пардон, не понял, — отозвался мужской.

— Вы меня толкнули.

— Ошибаетесь. Это не я.

Толкая перед собой Душку, мальчики как можно быстрее отползли подальше от серебряной туфли. Как раз вовремя.

Скатерть приподнялась, и под стол заглянула хозяйка серебряных туфель. Мальчики затаили дыхание. И только когда, досадливо хмыкнув, она опустила скатерть, им удалось перевести дух.

Обед шел своим чередом. Душка уснул, Билли тоже стал позевывать. Внезапно наступила тишина. Доктор Блур начал речь.

Сначала он приветствовал всех гостей поименно: Лот, Оранж, Моран, Деривер, Сомфаммер, Фестет, Айпакук, Альтабета и так далее. Длиннющий список. У Чарли тоже начали слипаться глаза. А потом вдруг они широко открылись, потому что доктор Блур назвал имя — Лайелл Бон. Чарли сразу выпрямился и чуть не ударился головой о крышку стола.

— Те из вас, кто приезжал сюда десять лет назад, помнят моего деда, Иезекииля Блура, человека очень подвижного и обладающего живым умом, несмотря на свои девяносто лет. Сегодня, к сожалению, он прикован к инвалидному креслу. Лайелл Бон приходится нам дальним родственником, и потому его преступление потрясает вдвойне. — Доктор Блур сделал паузу и прочистил глотку.

— Не можете ли вы сообщить, в чем состояло его преступление? Пожалуйста, — произнес голос рядом с Чарли.

— Он сбил меня с ног, — выкрикнул Иезекииль. — Пытался убить. Толкнул. Ударил головой о камень. Бац! И я больше не могу двигаться. Подлец!

Испуганный вздох пронесся по комнате.

— Но за что? — спросил другой голос, на этот раз женский. — Почему он так ужасно поступил?

Но на эти вопросы доктор Блур не ответил.

— Все вы управляете своими учреждениями по-своему. Но все вы всегда будете действовать в интересах нашего обширного семейства. Как и вы, мы набираем в свою школу потомков детей Алого короля. Мы даем им хорошее образование, предоставляем лучших учителей и самое современное школьное оснащение. Мы поддерживаем их, обучаем, воспитываем — одним словом, готовим к тем трудностям, с которыми они могут встретиться, когда выйдут отсюда… Иногда бывает необходимо в интересах самого же ребенка, как вы понимаете, забрать его у родителей.

— Иными словами, вы похищаете их? — спросил чей-то негодующий голос.

— Он сказал «забрать»! — взвизгнул Иезекииль. — Это совсем не значит «похитить». Для наибольшего успеха необходимо контролировать детей, и если нам кажется, что родители намерены этому воспротивиться, то да, мы оказываемся вынуждены любым способом забрать ребенка.

Над столом пронесся одобрительный гул, но Чарли

расслышал и несколько возражений.

Тем временем Иезекииль продолжил:

— Однако в случае с одним определенным ребенком, девочкой, которая могла летать, отец ее, доктор Толли, был готов передать ее нам. Так вот, Лайелл Бон попытался этому воспрепятствовать. Он ударил меня так, что я упал на землю. Но его возражения успеха не имели, и он понес наказание.

— И наказание соответствует преступлению? — спросил чей-то грубый голос.

— О да, доктор Лот! Благодаря моему внуку Манфреду. Манфред, встань!

В стороне скрипнул стул, оказывается, в дальнем конце стола сидел Манфред. Кто-то захлопал, остальные присоединились к аплодисментам.

— Манфред, наверное, самый великий гипнотизер всех времен и народов, — гордо заявил Иезекииль. — Ему было всего девять лет, когда он одним взглядом загипнотизировал Лайелла Бона. Этот человек доныне совершенно беспомощен. Он даже не помнит, кто он такой.

Наступила глубокая тишина. Иезекииль рассмеялся. Он смеялся так долго и громко, что это становилось уже неприличным. Чарли этот смех показался невыносимым. Он с таким трудом сдерживал гнев, что даже обхватил себя руками, чтобы не выскочить из-под стола.

А доктор Блур тем временем продолжил:

— Манфред же взял под опеку и девочку. Ей тогда было два года. И так продолжалось восемь лет, пока ей не исполнилось десять. Но тут все спутал сын Лайелла Бона, который пробудил ее.

Послышалось невнятное бормотание. Похоже, гости удивились. До Чарли доносились отдельные восклицания: «Кто?», «Как он это сделал?», «Да что вы?», «Не может быть!»

— Дамы и господа, — призвал Блур, — не надо волноваться. Девочка все еще здесь, так же как и сын Лайелла, Чарли. Эти двое не разлей вода. Чарли обладает бесценным даром проникать в картины. С мальчиком возникает немало трудностей — возможно, это отцовское наследие, — но он отличный проводник. А вот эти очаровательные дамы, что сидят справа от меня, — его бабушка Гризелда Бон и три ее сестры, Лютеция, Юстасия и Венеция, — не спускают с него глаз.

— И обязательно наступит день, — снова вклинился в речь директора Иезекииль, — когда он проведет меня в прошлое, и тогда я изменю ход истории! — И он опять закаркал, что у него означало смех.

— Браво! — воскликнул доктор Блур.

Остальные снова поддержали его. Хотя определенно не все.

Билли, давно уже спавший, пристроив голову на спину Душки, вдруг проснулся и тоненько чихнул. Прямо перед Чарли вздернулась скатерть и появилась бородатая голова в тюрбане.

Чарли смотрел в черные глаза и не знал, что делать. Человек тоже пристально глядел в глаза мальчика. Чарли ждал, что будет. Человек тоже ждал. Тогда Чарли сделал единственное пришедшее ему в голову: он приложил палец к губам.

Человек широко улыбнулся, и скатерть опустилась на место.

Но едва Чарли вздохнул полной грудью, как кто-то раздраженно произнес:

— Я чую мальчика!

— Мальчика? — отозвалось сразу несколько голосов.

— Обоняние — мой конек, — пояснил тот же высокий, но явно мужской голос.

Чарли с Билли переглянулись. Всё! Их обнаружили! Но тут у Чарли появилась идея, и он указал на Душку.

Билли что-то пробормотал на ухо псу, и тот с трудом поднялся. После легкого толчка пес вышел из-под скатерти на всеобщее обозрение. И как только он вышел, по всей столовой распространился такой смрад, какого Чарли в жизни не нюхал. Вонь была такой сильной и мерзкой, что Чарли чуть не вывернуло наизнанку. Вот что значит преданность — пес изо всех сил исполнил просьбу Билли как следует пустить ветры.

Сразу поднялись вопли: «Ужас!», «Фу-у!», «Что за запах!», «Ай да собака!», «Ну и образина!»…

— У вас исключительный нос, профессор Моран. Это ж надо, не отличить собаку от ребенка! — весело произнес женский голос.

Все рассмеялись.

— Не оскорбляйте моего пса. Он ни в чем не виноват, — проскрипел старый Иезекииль.

— Я думаю, нужно позволить ему выйти, доктор Блур, — предложил кто-то. — Мне кажется, он хочет… мм… погулять.

— Хорошая идея, — согласился доктор Блур. — Пусть кто-нибудь будет так добр…

— И быстро обратно, — добавил женский голос.

Отодвинулся стул, кто-то побежал и открыл дверь. Душка благодарно тявкнул и затопал прочь. Все опять рассмеялись.

К счастью, старый пес унес удушающую вонь с собой. Но репутация профессорского носа была изрядно подпорчена, и бедный Моран о запахах больше не заикался.

— Прошу прощения за эту маленькую неловкость, но сейчас я

хотел бы вернуться к событиям исключительной важности, о которых мы вам намекали, когда приглашали приехать сюда, — громко откашлявшись, произнес доктор Блур, когда смех стих.

— Мы внимательно слушаем, — подал голос доктор Лот.

— Благодарю вас. — Доктор Блур дождался полной тишины и, с трудом преодолевая волнение, продолжил речь: — Вначале я вкратце расскажу вам историю того, о ком я сам еще несколько недель назад даже не слышал. О графе Харкене Бедлоке.

Всеобщее молчание. Очевидно, про графа Харкена Бедлока никто не слышал. Чарли навострил уши. Неужели он сейчас услышит что-то исключительно важное?

— Когда граф Харкен приехал в Испанию, ему было восемнадцать. Он начал ухаживать за прекрасной Береникой, дочерью рыцаря из Толедо. Юный граф был, как раньше говорили, обаяшкой, и вскоре Береника подпала под его чары. Они собирались пожениться, но затем…

— Береника вышла за Алого короля, — прервали директора.

— Действительно, так все и было, — согласился доктор Блур. — Между мужчинами состоялась дуэль, и граф Харкен проиграл. При всей своей магии, всех своих чарах, не ему было состязаться с Алым королем, и потому он потерял красавицу Беренику. — Оратор замолчал.

Аудитория, как и положено, напряженно ждала продолжения истории.

— Как вам известно, королева Береника умерла после рождения десятого ребенка, Аморет. Король, по обычаю своего народа, удалился в леса, чтобы оплакивать жену. Дети остались под присмотром слуг… Но тут снова появился граф Харкен. Да, друзья, он пришел, чтобы поддержать детей своей былой возлюбленной Береники. Он учил их всему, что знал сам, защищал от недобрых незнакомцев, а в итоге женился на старшей дочери короля, Лилит.

— Доктор Блур, а каким образом все это стало известно вам? — спросил кто-то.

Повисла драматическая пауза.

— А таким образом, что я слышал об этом от него самого!

У Чарли даже волосы зашевелились, когда он представил себе, какую театральную позу принял доктор Блур, произнося эту фразу.

Все дружно ахнули, но скорее от недоверия.

Между тем доктор Блур продолжал:

— Я понимаю, трудно поверить, что человек, живший девять веков назад, может опять быть с нами. Но это правда, уверяю вас!

— Он был тенью на портрете Алого короля, но кто-то вызвал

его оттуда! — прокричал Иезекииль, перекрывая хор вопросов и возражений.

Чарли так крепко схватил Билли за руку, что тот даже едва слышно охнул от боли. Несмотря на сумрак, царивший под столом, Чарли разглядел, что у Билли такие же круглые глаза, как, наверное, у него самого.

— Тень, — одними губами произнес он, и Билли кивнул.

Откровение Иезекииля вызвало оглушительный шум.

— Кто его вызвал?

— Где он теперь?

Эти два вопроса слышались чаще прочих. Доктор Блур попросил тишины.

— Где граф? В безопасности. Он замечательно приспособился к нынешнему веку: всего за десять минут освоил наш язык и, как только справился с этим, тут же разобрался в нашей политике, финансах и моде. Одним словом, во всех наших привычках, — ответил доктор Блур, когда волнение улеглось.

— Ну, значит, он колдун, — встрял Иезекииль.

— По сути дела — да. К сожалению, ему пришлось проявить некоторую излишнюю жестокость, когда он подыскивал себе дом и средства для существования, но в делах такого рода излишней жестокости, увы, порой не миновать. В связи с этим я должен просить вас, чтобы все сказанное здесь не выходило за стены этого дома. Мы всегда храним секреты, не так ли? И обязаны хранить их, чтобы мир не ополчился на нас! — Доктор Блур немного посмеялся, чувствуя неловкость.

Поднялся гул. Все были согласны. А потом всех заглушил доктор Лот.

— Так кто же все-таки это был? Кто вызвал тень? И каким образом? — требовательно спрашивал он.

— Ах, — помолчав, произнес доктор Блур, — граф и сам толком не знает. Он заявил, что это было сделано с помощью зеркала Аморет. Во время страшной метели мы обнаружили зеркало в главном холле. Но особа, которая это совершила, скрылась.

— Мы думаем, тень вызвала Венеция, — посмеиваясь, вмешался Иезекииль.

— Вот уж нет! — угрюмо буркнула Венеция.

— Как вы понимаете… — опять начал доктор Блур.

— Это я, — раздался голос. — Это сделала я!

— Вы?! — потрясенно переспросил директор.

— Да, я. Зеркало Аморет нашла я!

Услышав знакомый голос, Чарли замер.

В нем затрепетал каждый нерв. Меньше всего он ожидал

услышать здесь именно этот голос.

ЖУТКАЯ ПРАВДА

В зале все смолкло. Слышны были только шаги. Шаги женщины на высоких каблуках.

Чарли был потрясен, его даже замутило. У Билли от испуга побледнело лицо, это было заметно даже в темноте под столом. Если уж такое может быть, значит, может быть вообще все что угодно.

Шаги приблизились к возвышению, на котором стоял директорский стол, и доктор Блур наконец обрел голос:

— Мисс Кристалл, поднимитесь, пожалуйста, и расскажите нам, как это произошло.

Слышно было, как по ступенькам процокали четыре легких каблучка.

— Подайте ей кто-нибудь стул, — распорядился Иезекииль.

— Я постою, — отказалась мисс Кристалл.

— Расскажите нам, дорогая, как вы вызвали графа? — попросил доктор Блур. — Нам очень хочется знать подробности.

Собрание, вначале огорошенное и молчаливое, громко зашумело.

— Конечно.

Голос у мисс Кристалл был мягкий и мелодичный. Как всегда. Только доброжелательность исчезла, зато появились нервно-ломкие нотки, а слова падали холодные и тяжелые.

— Четырнадцать лет назад я была самой счастливой девушкой на свете. Я была влюблена и думала, что любимый человек отвечает мне взаимностью. Но он отверг меня и женился на другой. Сердце мое было разбито. Я думала, что умру, но в итоге вышла замуж за человека по имени Мэтью Тилпин. У нас родился сын, Джошуа.

При этих словах Чарли довольно громко вскрикнул. Билли зажал ему рот рукой.

— Вскоре после рождения Джошуа его отец бросил нас. Он объяснил свой поступок страхом перед нашим ребенком. Видите ли, к Джошуа притягивались все вещи: пыль, пух, клочки бумаги, а если ему давали палец, как иногда играют с младенцами, то он вцеплялся в него так крепко, что отнять руку было очень трудно. Мэтью боялся остаться с нами, иначе, по его мнению, в один прекрасный день собственный сын заставил бы его совершить что-нибудь ужасное. Он и так уже чувствовал, как малыш подчиняет себе его волю.

Моя мать часто говорила, что мы происходим от Алого короля. Да и у меня самой в детстве были некоторые успехи в

магии. Но в сердечных делах это не помогает, и поэтому я совсем забросила колдовство. А потом, на прошлое Рождество, умер мой дед. После него остался набитый бумагами сундук. Некоторые из них хранились в семье много веков. Большую часть бумаг было уже невозможно прочитать. Многое оказалось пустой и бесполезной писаниной. Но я обнаружила, что мы ведем свой род от Лилит, старшей дочери Алого короля, и ее мужа, графа Харкена Бедлока.

Все сто гостей дружно ахнули. Мисс Кристалл говорила, почти не переводя дыхания, хотя чувствовалось, что слова даются ей с трудом.

— Среди бумаг нашлась карта. Она сохранилась довольно хорошо, только была очень маленькая. Вы не представляете, насколько маленькая. Наверное, поэтому за девять веков решительно никто не обратил на нее внимания. Понятия не имею, кто ее изготовил. Возможно, ее для себя нарисовал сам граф. Надо будет у него спросить, — улыбнулась мисс Кристалл и продолжила: — Из карты я выяснила, где надо искать зеркало Аморет, которое необходимо, чтобы вызвать графа в наш мир. Я просто должна была держать зеркало перед портретом Алого короля так, чтобы отраженный свет падал на тень за королевской спиной. — Она помолчала. — Так я и сделала. И все получилось! Граф вернулся! — На последних словах голос мисс Кристалл зазвенел от восторга и волнения.

— Стакан воды! — приказал доктор Блур.

— Вот, садитесь. — Кто-то толкнул по полу стул.

Гости начали перешептываться. Если бы Чарли и Билли хотели перебраться в какое-нибудь другое место, то сейчас как раз выдался подходящий момент. Но у Чарли не было никаких сил.

А мисс Кристалл еще не закончила свою речь.

— Я хочу сказать вам еще кое-что. Мой сын, Джошуа, очень могуществен. Как и в Чарли Боне, в нем течет кровь двух волшебников. Чарли необходимо контролировать, и делать это может только Джошуа. Что же касается отца Чарли, то граф утверждает, что он никогда не пробудится. — Она нервно хохотнула. — Да-да, граф утверждает, что Лайелл Бон исчезнет навсегда, навсегда, навсегда…

— Мисс Кристалл, я хотел бы задать вам вопрос, — произнес после небольшой паузы голос прямо над головой Чарли. Чарли почему-то решил, что голос принадлежит тому человеку в тюрбане, который заглядывал под стол. — Не назовете ли вы имя человека, который отверг вас?

— А как вы думаете? Это был Лайелл Бон, — холодно

ответила она.

Чарли так вздрогнул, что Билли схватил его за руку.

— Давай уйдем, — прошептал Чарли.

В зале поднялся гвалт, и никто не заметил, как мальчики проползли к концу стола. Тут заскрипели стулья, народ поднимался и двигался. В это время вкатились сервировочные столики, и мальчики услышали звяканье фарфора.

— Кофе, — объявил доктор Блур. — Кофе с турецкими сладостями. Пожалуйста, присядьте еще на несколько минут!

— Как же нам отсюда выбраться? — шепнул Билли.

Чарли неуверенно пожал плечами. Двери не ближе чем в двух метрах от их стола. Даже если они поползут, их обязательно кто-нибудь заметит. Что придумать? Сидя возле последней пары ног, он надеялся только на то, что какой-нибудь официант подкатит столик вплотную к столу. Жестами и мимикой он попытался объяснить Билли, как забраться на нижнюю полку столика. Билли вроде понял и кивнул.

И действительно, последние двое официантов подкатили столики прямо к торцу стола. Бросив последний взгляд на испуганное лицо Билли, Чарли ободряюще улыбнулся ему и полез под красную салфетку, накрывавшую столик. Нижняя полка уже опустела. Официант занимался сервировкой кофе. Скорчившись на нижней полке столика, Чарли вдруг обнаружил, что красная салфетка закрывает его не полностью. Поняв, что столик покатился к другому концу стола, Чарли на всякий случай скрестил пальцы и застыл в полной неподвижности. Как только они благополучно выкатились в распахнутые двери, официант остановился и начал ругаться.

— Что за… — Он заглянул под салфетку и обнаружил Чарли. — Чтоб мне провалиться! Парень, что ты здесь делаешь?

Официант оказался довольно молодым человеком с прыщеватым лицом.

— Меня наказали, оставили на выходные, а мне скучно, — заявил Чарли в надежде, что молодой человек поймет и посочувствует ему.

Тот рассмеялся:

— Еще бы не скучать! А теперь ты не слезешь ли с тележки? Моя спина и так сегодня перетрудилась.

— Пожалуйста, высадите меня чуть подальше. Сразу за буфетами, — попросил Чарли.

— Смеешься? Я работаю с шести утра.

— Тогда хотя бы за зеленым буфетом, — взмолился Чарли. — Я не хочу, чтобы меня поймала миссис Уидон.

— Понимаю. Ладно, держись крепче.

Когда они проезжали мимо миссис Уидон, Чарли даже стиснул зубы. Он видел только нижнюю половину ее широкого тела в клубах пара около огромной раковины. Потом они оказались в другой части кухни, позади театральной столовой. Официант через столовую вывез Чарли в коридор.

— Теперь сматывайся, а то не только тебе, но и мне влетит, — распорядился официант.

Чарли выкатился из тележки и рассыпался в благодарностях.

— У меня еще друг… — начал он, но официант уже исчез.

Надеясь, что Билли тоже попадет в добрые руки, Чарли взлетел по лестнице, прокрался по темному коридору и благополучно добрался до спальни.

Он ждал и ждал, а Билли все не появлялся. Часы на соборе пробили десять. Со двора доносились голоса разъезжающихся гостей. Что могло случиться с Билли? Томясь неизвестностью, Чарли обгрыз почти все ногти. Если Билли попался, не рассказал бы он, что с ним был и Чарли.

Когда часы пробили одиннадцать, Чарли сделал из своей одежды куклу и запихнул ее под одеяло на кровати Билли. Очень вовремя, потому что через несколько минут в дверь заглянула надзирательница. Чарли зажмурился и замер. Она удалилась.

Спать Чарли не мог. Он подошел к окну и выглянул во двор. В западном крыле не светилось ни одно окошко. Все здание погрузилось во тьму. Чарли уже решил отправиться на поиски Билли, когда на пороге возникла маленькая фигурка.

— Билли! Где ты был?

— Меня заперли в кладовой, — устало признался Билли.

— Как это?

— Да официант затолкал свой столик в чулан, или что это там было, и запер дверь.

В непроглядной темноте Билли шел по спальне, и вдруг его лицо озарилось снизу каким-то мигающим светом. Чарли разглядел в его руке маленькую тонкую свечку вроде тех, что втыкают в праздничный торт. Свечка, похоже, загорелась сама.

— Как же ты выбрался?

Дойдя до своей кровати, Билли задул свечу и забрался под одеяло, выкинув из-под него сделанную Чарли куклу.

— Хороший трюк, — зевнув, ответил Билли.

— Билли, я не засну. Ну, пожалуйста, расскажи, как ты выбрался из кладовой. И почему свеча загорается сама?

Билли опять зевнул.

— Ну, я нашел там клочок бумаги, подождал, пока станет совсем тихо, потом подсунул его под дверь. Потом впихнул в скважину карандаш и вытолкнул ключ. Он упал прямо на бумагу,

и я вытащил его на свою сторону. Было очень темно и очень-очень страшно. А я всегда ношу эти свечи с собой. Мне их дал мистер Карквилл перед смертью. До сегодняшнего вечера я не знал, как ими пользоваться. Но вот взял одну и… — И Билли со стоном зевнул.

— И? — нажал Чарли.

— Я пытался найти спички, но там было так темно и так страшно, и…

— И? — забыв, что его может услышать надзирательница, вскричал Чарли.

— И я заплакал и сказал: «Ох, как я хочу, чтобы было видно». И тут свечка сама зажглась, — нехотя признался Билли.

— Ну-у! Вот здорово! У тебя эти свечи уже тыщу лет, а ты и не знал, как они действуют! Бедный мистер Кристофер Карквилл! — Чарли, наконец, откинулся на спину.

— У меня теперь пять свечей, потому что твой дядя дал мне еще одну из тех, что послал ему мистер Карквилл. Я их берегу, не хочется быстро все истратить.

Билли засопел и повернулся на другой бок.

Чарли тоже почувствовал усталость, но, прежде чем уснуть, все-таки поинтересовался у Билли, пойдет ли тот завтра к нему в гости.

— Нет, спасибо, — отказался Билли. — Думаю, останусь здесь. Я никогда не видел Большого бала.

Чарли тоже не видел Большого бала, но ничто не заставило бы его провести лишнюю ночь в академии Блура.

На следующее утро завтрак мальчиков прервал высокий мужчина с лысой головой и рыжими усами.

— Ага, и здесь нет, — просунув голову в дверь, сказал он.

— Кого вы ищете, сэр? — дожевывая кукурузные хлопья, спросил Чарли.

— Не разговаривай с набитым ртом! — рыкнул мужчина.

Из кухни появилась повариха.

— Вы кажетесь вполне разумной женщиной. Где здесь актовый зал? — осведомился у нее незнакомец.

Грудь женщины возмущенно заходила ходуном.

— Не сомневаюсь, что я много разумнее вас. Вам следовало повернуть направо, а не налево.

Голова мистера Рыжеуса убралась, громко хлопнула дверь.

— Вот уж руководители! — ворчала кухарка. — Никаких манер! Считают себя богами. Просто не могут не покрасоваться. Уж я-то повидала всяких оборотней, умельцев таять в воздухе и фокус-покусников. У одного еда тает как дым, другой превращает ее в шоколад или во что душенька его пожелает, а кое-кто даже

портит фарфор, потому что предпочитает, видите ли, золото и серебро. Ну что ж, сегодня вечером им придется держать себя в узде. Мэр может и не одобрить таких штучек.

Мальчики и не подозревали, что, пока они сидели под столом, за этим столом происходили такие чудеса. Жаль, что они их пропустили. Но пропустили далеко не всё.

— Знаете, а мисс Кристалл… — Чарли понизил голос.

— Знаю, Чарли. Слышала. Только я сейчас разговаривать не могу! Они с минуты на минуту будут здесь. Все сто. Сначала отправятся в театр, а потом по всему дому будут собрания: кто соберется в классах, кто в гимнастическом зале. А куда денут вас, я и не знаю.

Это очень скоро выяснилось. Они возвращались в спальню, когда натолкнулись на Манфреда Блура.

— Что вы тут делаете? — загремел Манфред.

— Мы не знаем, куда нам деваться, — ответил Билли.

— На улицу! — Манфред указал на главную лестницу.

— На улицу? — удивился Чарли. — Надолго?

— Пока я не приду за вами.

Спорить не приходилось. Мальчики не очень охотно направились обратно к главной лестнице, но сначала с верхней площадки полюбовались толпой директоров и директрис. Некоторые все еще бахвалились своими способностями. Чарли заметил обезьянку и медведя, проследил, как страус превратился в женщину, одетую в желтое платье, а мужчина в черном костюме растаял в воздухе. А с потолочной балки свисала ящерица.

Мальчики осторожно спустились по лестнице в холл. Им пришлось буквально продираться сквозь болтающую и смеющуюся толпу. Чарли отметил про себя, что на гостей не распространяется правило тишины. Никто не обратил внимания на двух мальчишек, пробиравшихся в раздевалку, пока они не столкнулись нос к носу с человеком в голубом тюрбане.

— Ага, опять мы встретились, — широко улыбнулся Голубой тюрбан.

Крупная женщина оттолкнула Чарли в сторону, и, прежде чем он что-нибудь успел ответить, человек в голубом тюрбане пропал в толпе.

— Кто это такой? — поинтересовался Билли, когда они благополучно скрылись в синей раздевалке.

— Он видел меня, когда мы сидели под столом. И никому не сказал.

Чарли надел ботинки и натянул пальто.

— Значит, они не все плохие. А он не очень-то похож на директора, тебе не кажется?

Сидя на скамье, Билли возился со шнурками.

— Он иностранец, — объяснил Чарли. — Хотя все директора одинаковые, откуда бы ни приехали.

Как только мальчики оказались на улице, Чарли сразу направился к руинам. Под ногами хрустела подмерзшая трава. По земле стелился холодный туман. Даже трудно было разглядеть красноватую арку старого замка.

Билли еле-еле плелся за приятелем. Хорошо, если бы в руинах оказалось потеплее. О намерениях Чарли он и не догадывался.

— Что здесь случилось? — Билли ступил на разбитые плиты.

— Она искала зеркало. И вот здесь нашла. — Чарли показал на яму в земле. — Мисс Кристалл. А мы-то думали, что она самая хорошая, самая добрая учительница в школе.

— А она самая плохая, — подхватил Билли.

— Ведьма, — добавил Чарли. — Мне нужно предупредить остальных. Но она не должна узнать, что нам все известно.

— Да, надо быть начеку, — согласился Билли.

Один из проходов привел их на широкую, заросшую травой лужайку, окруженную деревьями и остатками старинной стены. Мальчики уселись на камни. Чарли потирал озябшие руки. Он думал о Бартоломью Блуре. Тот говорил, что Алый король где-то в замке, но таится.

— Где же он? — задумчиво сказал Чарли.

— Кто?

— Алый король. Он нам очень нужен, Билли.

Холодный ветер дунул им в лица, голые ветви застучали над головами. Хрустнула одна ветка, потом другая. Чарли обернулся, ожидая увидеть притаившегося в кустах Азу в образе волка или какого-нибудь другого чудовища. Но все было спокойно. А потом Чарли увидел белую лошадь, тихо стоявшую под одним из деревьев.

— Королева, — еле слышно произнес Чарли.

Мальчики соскочили со стены, и лошадь, негромко топая, пошла к ним.

— Это вы? — поглаживая шелковистую белую холку, приговаривал Чарли.

Билли негромко заржал, потом зафыркал, и тогда королева склонила голову ниже, чтобы лучше слышать то, что Чарли казалось странным, тихим чиханьем. Она ответила Билли негромким приветливым ржанием.

Чарли, приплясывая от нетерпения, потребовал, чтобы ему все объяснили.

— Я спросил ее, здесь ли король, — перевел Билли. — И она

сказала, что он здесь, но в самой-самой глубине замка. Я спросил, как нам его найти. А она сказала, что он сам объявится, когда придет время.

— И все? — Чарли был разочарован. — А когда придет время?

Белая лошадь потрогала губами его ухо, и он положил руку на длинную белую гриву. Внезапно она резко вздернула голову к небу.

Донесся какой-то непохожий на гром, зловещий грохот. Одновременно с грохотом небо потемнело. Создалось впечатление, будто над землей растянули тяжелый полог.

В этом мрачном освещении глаза королевы побелели от страха. Она поднялась на дыбы, а затем галопом поскакала прочь. Скоро топот ее копыт перекрыл оглушительный рев.

Чарли и Билли со всех ног бросились наутек. Они неслись, спотыкаясь и падая, спеша укрыться под крышей школы.

— Что это шумит? — задыхаясь, выпалил Билли. — Землетрясение?

— Может, конец света? — прокричал Чарли.

Они добежали до академии и натолкнулись на запертую дверь.

Чарли принялся изо всех сил стучать по дубовым панелям и колотил до тех пор, пока не выглянул Манфред.

— Ну что, испугались маленькой грозы? — презрительно осведомился он.

— Это не гроза. Это… это… Пожалуйста, пусти нас.

— Вечно ты всем мешаешь, Чарли Бон. Ладно, идите в спальню. — Манфред освободил дорогу, и мальчики влетели в холл.

Там было уже пусто, гости разошлись по классам.

— Это был не гром, сэр, — попытался оправдаться Билли.

— Интересно, что же это было? — Казалось, Манфред знает ответ, но не желает ничего объяснять.

— А когда начнется Большой бал, сэр? — спросил Билли. Попав в здание, он расхрабрился.

— Гости приедут в половине восьмого, и тебе лучше не путаться у них под ногами, Билли Гриф. Сегодня в наши двери войдет человек пятьсот.

— Пятьсот? — ахнул Билли.

— Такое событие бывает раз в десять лет! — горделиво провозгласил Манфред. — Будет мэр и весь городской совет. Кроме того, три судьи, герцог с герцогиней, все крупные бизнесмены города, епископ, несколько председателей, директоров и президентов… Да не американских президентов! —

увидев, как у Чарли отпала челюсть, уточнил Манфред. — Я имел в виду президентов компаний.

— Вот это да-а! — Чарли был ошеломлен, Манфред самодовольно ухмыльнулся:

— Хотите посмотреть, как оформлен зал?

Оба мальчика удивились. Что с Манфредом? С чего это он сегодня такой добрый? Или ему очень хочется произвести на них впечатление?

— Да, спасибо, — заторопился Билли, пока Манфред не передумал.

— Тогда за мной.

Манфред открыл небольшую дверцу, ведущую в музыкальную башню. Когда дверь распахнулась, Чарли изумился, увидев коридор, обычно темный. Теперь в нем по полу были разложены толстые ковры, а на потолке сияли и переливались звезды.

Он никогда не обращал внимания на двери, ведущие в бальный зал, а сейчас, обретя после чистки былое великолепие, арочные двери благородно блестели отделкой. Манфред легко толкнул их, и они открылись в помещение, от великолепия которого у Чарли просто захватило дух.

— Ну как?

Кажется, и у самого Манфреда перехватило дыхание. Он повернул выключатель, и с взрывом света ожили четыре хрустальные люстры, подвешенные под потолком. Их украшали гипсовые фигурки разных чудовищ: гоблинов, гномов, троллей, клыкастых летучих мышей, чертей с раздвоенными хвостами, демонов и драконов.

Чарли не находил слов, а Билли нашел, что это «потрясно». Блеск натертого пола соперничал с блеском рояля, стоявшего в углу. В другом углу было установлено несколько пюпитров для музыкантов. Чарли представил себе толпу танцующих в длинных платьях, сверкающих в свете люстр.

— Здорово, правда?

Чарли и Билли согласились. Манфред выключил свет и потянул мальчишек вон. Выходя из зала, они услышали сзади легкие шаги. Все оглянулись и увидели учителя музыки мистера Пилигрима, появившегося в дальнем конце коридора. Чарли с удивлением смотрел на него, ведь он думал, что мистер Пилигрим ушел из школы.

— Здравствуйте, мистер Пилигрим, — приветствовал его Чарли.

— Здравствуйте. Кто… — Учитель явно был в замешательстве.

— Я предлагаю вам вернуться в музыкальную комнату,

мистер Пилигрим, — с нажимом произнес Манфред.

— Я думал…

— Кухарка принесет вам поесть.

— Я не голоден. — Мистер Пилигрим нервно отбросил прядь волос, упавшую на бледное лицо.

— Ну, как хотите. Пошли, ребята.

Манфред погнал свое стадо на выход. Когда они вышли в холл, он закрыл на ключ старинную дверь.

— Ты запер мистера Пилигрима, — сказал Чарли.

— Да, запер. Ему лучше не встречаться с гостями. Снимайте пальто и отправляйтесь в спальню! — ответил Манфред и, вытянув тощую шею, пристально взглянул на Чарли.

Но Чарли уже не боялся гипнотического взгляда Манфреда. Он посмотрел прямо в черные глаза. Манфред первым отвел взгляд. А Чарли подумал, что Манфред потерял свою силу. Но было тут явно и что-то еще. Но вот что?

Манфред же сунул руки в карманы и решительным шагом двинулся прочь.

Вернувшись в спальню, Чарли с Билли сидели на кроватях и ждали. В животах уже посасывало, а до второго завтрака оставался еще целый час. Чарли понял, что больше терпеть не может, и решил пойти поискать кухарку. Но как раз в этот момент они получили от нее весточку.

За дверью несколько раз громко тявкнули. Явился Душка.

— Душка говорит, что нам в столовой приготовлена еда, — вскакивая с кровати, сообщил Билли. Он открыл дверь и погладил собаку по лохматой голове. — Спасибо, Душка.

В столовой они обнаружили целую кучу бутербродов. Было слышно, как на кухне командует кухарка. Там опять был переполох: требовалось приготовить больше сотни плотных вторых завтраков на всевозможные вкусы и накрыть столы в большой столовой.

Покончив с бутербродами, они все же заглянули и на кухню. Вдруг перепадет еще и шоколадного печенья?

— Вот, в буфете, возьмите сами, — сказала кухарка с красным лицом и в заляпанном большими желтыми и коричневыми пятнами фартуке. — Да, Чарли, ты должен собрать сумку и в половине первого быть возле парадного входа. Тебя заберет дядя.

— Дядя Патон? Но ведь он не… Он никогда…

— Однако заберет, — отдуваясь, перебила кухарка. — Остальные заняты. А теперь уходите.

Захватив свои шоколадки, мальчики отправились в спальню. Чарли взглянул на часы. Двадцать минут первого. У него на

сборы осталось десять минут.

— Ты правда не хочешь поехать ко мне? — на бегу спросил он Билли.

— Я хочу посмотреть на дам в бальных платьях, — ответил Билли.

Но не посмел признаться, что ему хочется представить себе, будто одна из этих нарядных дам его мама.

Когда Чарли скатился с лестницы, мистер Уидон уже поджидал его у дверей. До выхода оставалась одна минута.

— Почти не заставил ждать, а, Чарли Бон?

У мистера Уидона всегда был такой издевательский тон, что Чарли очень хотелось ему нагрубить. Но он побаивался дюжего привратника и потому не решился на это, тем более что мистеру Уидону ничего не стоило запереть его в чулане, а то и сделать что-нибудь похуже.

— Спасибо, — выдавил из себя Чарли, когда рослый швейцар отодвинул засов и отпер ключом дверь.

Когда мистер Уидон приоткрыл одну из створок, Чарли проскользнул в образовавшуюся щель и перебежал двор. Он так несся, что чуть не упал. И с радостью увидел на противоположной стороне площади машину дяди Патона.

Дядя Патон, полностью поглощенный разложенной на коленях газетой, даже не услышал радостных воплей племянника.

Чарли рванул дверцу машины и плюхнулся на переднее сиденье:

— Дядя Патон! Вот и я.

— Вот и ты, — глянув на него сквозь темные очки, кисло улыбнулся дядя Патон.

— У нас все в порядке? Я имею в виду Мейзи. Она… она…

— Боюсь, никаких перемен, — вздохнул дядя Патон.

— Извините, что вам из-за меня пришлось выйти на дневной свет. У вас какая-нибудь авария?

— Пока нет.

Патон включил зажигание. Он явно был чем-то расстроен.

— А сами вы, дядя Патон? С вами все в порядке?

— Я? Да-а, я в порядке. Только… ну, я беспокоюсь за твою маму, Чарли.

— А что? — встревожился Чарли.

— Она собирается на Большой бал.

— Мама? Каким образом? Ее же никогда не приглашали. Да ее туда и не пустят. А с кем она пойдет, моя мама? Не может быть! — не поверил Чарли.

— И тем не менее.

Патон надавил на педаль, и их вынесло с площади.

Дядя Патон выбирал путь, позволяющий ему избегать какого бы то ни было уличного освещения. Необходимость этого подтвердил град осколков светофора, на который дядя случайно бросил взгляд.

Терпение — великая вещь, но Чарли буквально забросал дядю вопросами. Дядя ничего толком ответить не мог, хотя предполагал, что приглашение пришло из «Империи», магазина, прославшего злополучных креветок.

— Может, они хотят загладить случай с Мейзи? — предположил Чарли.

Дядя Патон покачал головой:

— История с Мейзи не случайность. Они хотят полностью устранить меня от дел, вывести из строя. Да и поведение твоей мамы в последние дни наводит меня на мысль, что это приглашение не просто компенсация. Она вся прямо светится.

— Светится? — Чарли никогда еще не слышал, чтобы так говорили о маме.

— Сейчас поймешь, что я имею в виду. — Дядя Патон затормозил около номера девять. — Она сегодня не на работе.

Дядя еще не успел достать ключи, а Чарли уже взлетел по ступеням.

— Мама! Мамочка! — вбежав в прихожую, заорал он.

Из кухни моментально выскочила бабушка Бон:

— Тихо! Ты уже большой, чтобы так звать свою мать.

— Хочу, чтобы она знала, что я вернулся. — И Чарли, пока бабушка не остановила, понесся наверх, перепрыгивая через ступеньки.

Он нашел мамочку в маленькой комнате под самой крышей. Первое, что бросилось ему в глаза, когда он открыл дверь, было бальное платье. Темно-синее, с тонкими бретелями и узкой талией, оно поблескивало из глубины раскрытого шкафа.

— Тебе нравится, Чарли? — спросила сидящая у туалетного столика Эми Бон.

И волосы у нее стали другими: блестящими и гладкими, со светлыми прядями — прямо как на фотографии с обложки глянцевого журнала.

— Мам, зачем тебе идти на этот бал?

— Ну не дуйся, Чарли. — Незнакомое, действительно светившееся лицо Эми Бон улыбнулось ему в зеркале. — Хочу немного развлечься, выйти в свет и снова поблистать.

Она сияла и была, оказывается, совсем не старой.

Чарли не верил своим глазам:

— А с кем ты идешь?

— С мистером Ноблем. Это новый хозяин «Империи». Очень приятный человек. Он тебе понравится, Чарли.

— Понравится? Мне? С чего бы это?

— Он хорошо ко мне относится. Разве тебе это не важно, Чарли? Я чувствую себя совсем по-другому. И он говорит такие красивые слова!

Чарли подошел к шкафу и потрогал гладкую материю. Ему показалось, он ощущает колдовство.

— Это платье шила не тетя Венеция?

— Ой, Чарли, конечно нет! Я видела, как продавщица упаковывала его.

— Небось, стоит целое состояние, — пробормотал Чарли.

— Это подарок, — немного смущенно призналась Эми.

Чарли подумал: «Похоже, мама угодила в капкан».

— Ты не должна оставлять Мейзи! Замороженную. Ты же говорила, что никогда не бросишь ее! — выпалил он.

— Не глупи, Чарли! Даже если она… оттает, то дома всегда дядя Патон. А если не можешь сказать ничего хорошего, то лучше уходи.

У Чарли опустились руки. Он понял: битва проиграна. Каким же оружием бороться с человеком, при помощи красивых слов укравшим у него маму? Он поплелся из комнаты и тихо закрыл за собой дверь.

По дороге он заглянул к Мейзи. Она так и лежала в ванне.

Кто-то накрыл ее глаза повязкой, и теперь она больше напоминала разбойницу, чем замороженную бабушку. Если бы не розовый свитер.

Чарли пошел в кухню.

— Ты, наверное, голоден? — спросила бабушка Бон.

— Нет, спасибо, я поел.

— Я и не предлагаю, а только спрашиваю, — не отрываясь от газеты, уточнила бабушка.

— Корзину приносили? — спросил Чарли.

— Конечно. Патон к ней и не прикоснулся, бедняжка. А там были такие вкусности! — причмокнула бабушка Бон.

— И ничего не осталось?

— Ни крошки.

Чарли вздохнул, поднялся наверх и постучал в дядюшкину дверь.

— Входи, милый, входи, — отозвался дядя Патон.

Чарли вошел и присел на краешек ужасно неаккуратной дядиной постели. Дядя распихивал какие-то бумаги по ящикам

стола.

— Вы правы, дядя Патон. Мама не просто светится. Мне кажется, она околдована, — уныло признал он.

— Вот и мне это показалось. — Дядя крутнулся на вращающемся кресле и воззрился на Чарли. — Но послушай меня, мой дорогой. Не так уж все плохо. У меня есть для тебя новости.

— Хорошие? — с надеждой спросил Чарли.

— Во всяком случае, интересные. Когда наши милые дамы отбудут на бал, к нам присоединится мисс Инглдью. Эмма, очевидно, останется у Оливии. У Джулии есть для тебя какой-то загадочный пакет, и мы оба умираем от любопытства: что в нем такое?

— Пакет? Для меня? — удивился Чарли. Но больше дядя ничего рассказать не мог, поэтому Чарли пошел в свою комнату и начал разбирать школьную сумку.

Со шторы слетела белая моль и села ему на плечо. Он понял: так она его приветствует.

Время тянулось очень медленно. Чарли не хотелось идти к Бенджамину: узнав, что его родители шпионят в школе, в его доме он чувствовал себя неуютно. Пусть уж Бенджамин сам приходит к нему.

В семь часов хлопнула дверь, и бабушка Бон зашелестела вниз по лестнице. Потом хлопнула входная дверь, и Чарли выглянул в окно. Внизу стояли бабушка Бон и две его тетки, Венеция и Юстасия. Они о чем-то тихо говорили, близко сдвинув головы. На всех трех были поношенные длинные плащи, но плащ Венеции выглядел особенно противно, потому что блестел полосами, словно по нему ползали слизняки.

Потом три сестрицы уселись в машину Юстасии, и через минуту, раздраженно ухая, автомобиль покатил по Филберт-стрит. А еще через несколько минут возле дверей Чарли зашелестел шелк. Дверь открылась, и вошла женщина. Чарли даже не сразу ее узнал. Могла ли эта женщина в синем и в самом деле быть его матерью?

— Ну, как я выгляжу? — спросила она. Чарли провел взглядом сверху донизу по ее обнаженным рукам. На левом запястье блестел широкий серебряный браслет, а бриллиантового колечка не было. Чарли вздрогнул. Он никогда не видел маму без этого кольца. Никогда.

— А где кольцо? — Он смотрел ей прямо в лицо.

— Кольцо? А, я его сняла. Не хочу слишком уж блестеть. — И она лукаво рассмеялась.

— Но, мама…

— Доброй ночи, Чарли.

Эми вдруг наклонилась и поцеловала его в щеку. От нее совершенно незнакомо пахло. Он сначала будто оцепенел, а потом бросился вниз по лестнице вслед за матерью. Кто-то уже звонил в дверь, и Эми Бон выскочила из дому, даже не оглянувшись. Человек в черной униформе закрыл за ней дверь.

Чарли дернул дверь:

— Мама!

Но она уже садилась на заднее сиденье длинного золотистого лимузина. Сквозь тонированные стекла ничего было не разглядеть. Человек в черном, конечно, шофер, злобно взглянул на Чарли и действительно сел на водительское место. Золотой лимузин бесшумно скользнул прочь, как длинная безмолвная змея.

— Не стой на холоде, дорогой. — Оказывается, дядя Патон вышел следом за ним.

— Дядя Патон, вы видели маму?

— К сожалению, нет. Упустил. Хорошо выглядит?

Дядя Патон затащил Чарли в дом и закрыл дверь.

— Да-а, но она сняла кольцо, — медленно произнес Чарли.

— Мм… Интересно, что бы это значило? Ну, пойдем, помоги мне накрыть стол для Джулии. Она с минуты на минуту будет здесь.

Они пошли в кухню, где дядя Патон уже расставил свечи на каждом свободном клочке столешницы. Чарли раскладывал ножи, вилки, ложки, а дядя занимался стеклом. Из духовки вкусно пахло, и к тому моменту, когда появилась мисс Инглдью, Чарли уже чувствовал такой голод, что был вынужден съесть целых три булочки, столь любимых бабушкой Бон.

Коричневый бумажный пакет, принесенный мисс Инглдью, действительно выглядел необыкновенно интересно. Он был перевязан веревкой и запечатан таким количеством сургучных печатей, что Чарли не знал, как к ним и подступиться. Над адресом мисс Инглдью большими буквами было напечатано его имя.

— Пакет принесла женщина, — рассказала мисс Инглдью. — Судя по виду, китаянка. Взрослая.

Чарли чуть не выронил посылку:

— Мин!

— Мин? — удивился дядя. — Ты знаешь эту особу?

Чарли колебался. Выпалив имя, он почти нарушил обещание, которое дал Бартоломью. Но, с другой стороны, уж если кто и заслуживает полного доверия, так это дядя Патон и мисс Инглдью. Поэтому он сел, положил на колени пакет и рассказал им все о своем походе в глушь. И еще к своему рассказу добавил

то, что слышал, сидя под столом, на обеде у Блуров.

— Не нравится мне все это. И еще меня беспокоит, что ты находишься в руках этих ужасных людей, — задумчиво произнесла мисс Инглдью.

Дядя Патон совсем не казался таким уж озабоченным, скорее наоборот.

— Значит, вернулся отец доктора Блура? А я и не знал! — воскликнул он.

— Я обещал никому об этом не рассказывать, Бартоломью не хочет, чтобы кто-нибудь знал о нем, — предупредил Чарли, терзая пакет.

— Да я тебя и не виню. Он хлебнул немало горя с Иезекиилем, своим отцом. Они никогда не ладили друг с другом. А потом умерла Мэри. Бедный Берти, — покачал головой дядя Патон.

— Он знал моего отца, — сообщил Чарли.

— Конечно! Они вместе ходили в горы. За год до того, как… как Лайелл исчез.

Патон подал мальчику столовый нож.

Чарли так неловко разрезал веревку, что коричневый пакет соскользнул на пол. В нем оказалось несколько каких-то книжек. Чарли поднял их. Донельзя потрепанные, с загнутыми у некоторых страниц уголками, они были дополнительно перевязаны тонкими кожаными ремешками, чтобы совсем не развалились.

— Дневники! Видишь, на каждом блокноте обозначены годы. По пять лет в каждом, — объяснил дядя Патон.

— Дневники? Зачем он мне их прислал? — удивился Чарли.

Дядя Патон предложил сначала отведать его угощение, а потом уже заняться дневниками. Жаркое из утки, тушеный пастернак, таявший во рту ананасовый пудинг. Чувствовалось, дядя Патон приложил немало сил, чтобы произвести впечатление на гостью.

Когда со стола было убрано, Чарли разложил дневники. Сняв кожаный ремешок с первого блокнота и открыв первую страницу, он обнаружил письмо, адресованное ему.

> Дорогой Чарли, я подумал, что тебе следует знать, с чем ты имеешь дело. Ты говорил о тени, и я вспомнил его имя. В моих дневниках я отметил все места, где речь заходит о нем. Как ты увидишь, прежде чем оказаться в Китае, я много странствовал. И почти в каждой стране, куда я попадал, я слышал истории об Алом короле. Я их записывал, и когда-нибудь, когда у тебя будет время, ты

прочтешь их все. Но сейчас обрати внимание на отмеченные мною места, касающиеся тени. Он был известен под многими именами, но у нас, в Европе, его знали как графа Харкена Бедлока. Соединив вместе все достоверные сведения о тени, ты поймешь, что он, прежде всего, — охотник и убийца. Он похищает души и разбивает сердца. Любое существо, попадавшееся на его пути, непременно страдало от встречи с ним. Где-то в моих книжках есть запись заклинания, способного победить его. Я записывал каждую историю на языке автора. Верю, что они приведут тебя к Алому королю, но, очевидно, тебе потребуется помощь, чтобы разобраться в них.

Береги себя, мой друг, и ничего не бойся.

Бартоломью.

Мисс Инглдью сердито выхватила письмо из дрожащих детских рук:

— Не следовало писать такие вещи. Напугал ребенка до полусмерти!

— Но я должен знать, — возразил Чарли.

— Ладно, посмотрим! Давайте начнем с тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. — Дядя Патон поскреб затылок и пододвинул дневники к себе.

Сильный порыв ветра ударил в окно, и мисс Инглдью задернула шторы. Дядя Патон поставил на стол еще несколько свечей. Все сдвинули стулья, чтобы всем было удобно читать неразборчивые письмена видавших виды дневников.

Читали молча. Едва ли прозвучало хоть одно лишнее слово. Только когда приходило время, кто-нибудь говорил, что можно перевернуть страницу. Или не удерживался от восклицания по поводу какого-нибудь уж совсем невероятного зверства. К ночи похолодало, свечи догорели. Дядя Патон достал новые.

Всех захватили рассказы Бартоломью о рискованных приключениях, помогших ему раскрыть историю тени. Путешественник прошел всю Европу, Азию и Африку, но только в Италии ему удалось установить происхождение портрета Алого короля.

Луиджи Пользо, художник пятнадцатого века, унаследовал алый плащ короля, поскольку был потомком принцессы Гуанхамары. Однажды Луиджи поехал в Венецию, чтобы поучиться у великого мастера живописи Джакопо Беллини. И вот как-то ночью, оставшись в мастерской один, он замерз и набросил на плечи тот самый алый плащ. Но едва он это сделал, его вдруг

охватило непреодолимое желание нарисовать портрет человека, который часто являлся ему в снах. Лицо этого человека так отчетливо стояло у него перед глазами, словно он находился тут же, в мастерской. Поняв, что это, должно быть, и есть его предок, Алый король, Луиджи немедленно приступил к делу. Но по мере того, как работа продвигалась, художник начал ощущать чье-то враждебное присутствие, какую-то тень, рвавшуюся проникнуть в портрет. Как ни сопротивлялся Луиджи, но кисть его все время сворачивала на ту сторону полотна, где за спиной короля вырисовывалась тень, и бедный художник ничего не мог с этим поделать. Луиджи понял, что оказался во власти какого-то могущественного и злого колдуна, желавшего любыми средствами повредить памяти о короле.

Картина хранилась в Венеции до тех пор, пока в шестнадцатом веке потомки Луиджи не привезли ее в Англию. Как раз в это же время они поменяли свою фамилию и стали называться Муар.

— Габриэль! Портрет Алого короля принадлежит семье Габриэля! — вскрикнул Чарли.

— Уже не принадлежит. Тут говорится, что с помощью обмана портрет был выкуплен у Муаров и теперь висит в академии Блура, — ведя пальцем дальше по тексту, поправил его дядя Патон.

Чарли потер глаза. Не так легко читать при свечах, особенно когда очень хочешь спать.

— Значит, все это вранье? Та чепуха, которую я слышал, сидя под столом во время Обеда? Они говорили, что тень явилась, чтобы поддержать потомков Алого короля, а он хочет как раз навредить им. Он учит их убивать, мучить и преследовать животных. Бартоломью так и говорил, — удивился Чарли.

— Тем хуже для наших библиотек. Я не нашел ни единого упоминания об этом типе, — заметил дядя Патон.

— Как и я в своих книгах, — призналась мисс Инглдью. — Но придет время, когда люди начнут весьма неодобрительно относиться к таким особам, как этот граф. И может быть, когда-нибудь потомки тех пяти детей Алого короля, которые так покорно следовали за графом, решат наконец, что пора вычеркнуть его из своей истории.

— Только не мисс Кристалл, — сквозь зевоту пробормотал Чарли. — Она выбрала себе красивое имя, чтобы все думали о добром и прекрасном. А по-настоящему ее зовут Тилпин. Интересно, а какая фамилия у нее была раньше?

Он опять зевнул.

— Пора в постель! Мы прочитаем все, что отметил

Бартоломью, но сейчас спать. На сегодня хватит! — скомандовал дядя.

У Чарли глаза совсем закрывались. Дневники оставались у дяди Патона и мисс Инглдью. Пожелав обоим спокойной ночи, мальчик отправился в постель.

Проходя мимо ванной, он заметил, что у дверей порхает белая моль. Ой, до чего ж он бестолковый! Ведь моль — это его волшебная палочка! Она может помочь! И он вошел в ванную. Кажется ему это или нет, но, похоже, Мейзи еще глубже погрузилась в замороженное состояние. Он поднял повязку с ее лба и увидел закрытые глаза бабушки.

— Оставайся с нами, Мейзи! Держись. Изо всех сил. Мы поможем тебе, — прошептал он.

Моль широкими кругами порхала вокруг лампочки, и Чарли поспешно выключил свет. Теперь светились только бело-серебристые крылышки моли. Крохотное создание село на грудь Мейзи и медленно поползло к ее лицу. Добравшись до подбородка, моль взлетела и начала порхать над закрытыми глазами Мейзи. И вдруг они открылись.

— Мейзи! Мейзи! Вернись! Это я, Чарли! — заорал мальчик.

Ему показалось, что бабушка видит его, потому что ее губы едва заметно дрогнули.

Моль опять спустилась вниз и села на седые кудри. Щеки Мейзи порозовели, а в глазах как будто появился ужас. Потом веки опустились, и она осталась лежать, по виду еще сильнее замороженная, чем прежде. Тот, кто заморозил Мейзи, решил продемонстрировать свое превосходство над Чарли! Даже с его волшебной палочкой.

Чарли потащился в кровать, моль сидела у него на плече. И он знал, что, несмотря на усталость, спать ему уже не захочется.

* * *

Билли Гриф стоял на коленях на лестничной площадке над огромным холлом. Рядом с ним пристроился Душка. Парадные двери то и дело распахивались, и вместе с гостями в холл врывался мокрый снег. Билли никогда еще не видел столько красивых людей сразу. Особенно женщин, будто появившихся из сказки. От красоты их нарядов захватывало дух. Даже тетушки Чарли выглядели вполне сносно.

Внезапно разговоры стихли. Все головы повернулись к появившейся в дверях паре. Билл вцепился в балясину. Мама Чарли! Миссис Бон! Билли никогда ее такой не видел. В этом

струящемся синем платье она казалась сущим ангелом.

У Душки в горле вдруг что-то низко заклокотало. Потом он попятился, дрожа и подвывая.

— Ты чего, Душка? — тихо проворчал Билли.

Зеленый… человек… тень, — проскулил Душка.

— Зеленый человек? — Билли опять взглянул вниз, в холл.

Маму Чарли держал под руку мужчина в зеленом бархатном костюме, с густыми каштановыми волосами, кое-где отливающими золотом, и ястребиным носом.

Билли шарахнулся подальше.

— Тень?! — выдохнул он. — Нужно сказать Чарли.

Смываемся! Быстро! — рыкнул Душка.

— Да-да, давай!

Но не успел Билли подняться на ноги, как сзади раздался голос:

— Что это вы здесь делаете, а? — Из коридора появился Манфред.

— Я… я только посмотрел, сэр, — заикаясь от страха, ответил Билли.

— Похоже на шпионаж, — холодно возразил Манфред.

— Нет-нет, я не шпионил. Честное слово.

— Какая жалость, что ты больше не сможешь за мной шпионить. — Манфред поймал взгляд Билли и впился в него безжалостными черными очами.

Красные глаза альбиноса всегда выдерживали гипнотический взгляд Манфреда, но сегодня Билли почувствовал во взоре Манфреда какое-то изменение. Ему явно не хватало привычной силы.

— Не стой здесь ротозеем! — рявкнул Манфред. — Марш в постель! И отошли эту облезлую собаку вниз, на кухню.

Но Билли продолжал стоять столбом, пытаясь осознать, что произошло.

— Я что тебе говорю!

Манфред схватил мальчика за руку, и, когда его длинные пальцы плотно сомкнулись на запястье, сверкнула вспышка. Малыш вскрикнул от боли, ему показалось, что всю руку охватило огнем.

Некоторые из гостей подняли головы, но на площадке уже никого не было: Манфред затащил Билли в коридор.

— Марш в постель! — прошипел Манфред.

Директорский сынок отпустил руку мальчика, круто развернулся и исчез. Только еще некоторое время был слышен звук шагов на лестнице.

Всхлипывая от боли, Билли кинулся в спальню. Там он

подержал руку под холодной водой, но боль не уходила. На месте, где впивались пальцы Манфреда, остались четыре рубца и еще один там, куда пришелся большой палец. Гипнотическая сила Манфреда превратилась в кое-что похуже.

Билли забрался в постель и положил руку на грудь. Душка попробовал подпрыгнуть и лизнуть ее, но Билли его оттолкнул:

— Не надо, Душка, это не поможет. Прости.

Прости! Прости! Прости! — с подвыванием пролаял Душка.

От яркого света резало глаза, и у Билли разболелась голова. Он кое-как поднялся, выключил свет и выставил на подоконник все пять своих свечей. На конце каждой из них сразу появились крошечные язычки. А затем они разгорелись ясным, устойчивым пламенем.

Билли стал дышать ровнее, руку перестало дергать, в голове прояснилось. Через несколько мгновений ужасные красные пятна исчезли, словно их и не было.

Чарли услышал тихое урчание мотора за окном. Он скатился с кровати и подбежал к окну. Возле номера девять остановился золотой лимузин. Из него вышел мужчина в зеленом бархатном костюме, обошел автомобиль сзади и открыл дверцу. Из машины вышла мама. В уличном освещении ее синее платье блестело и переливалось. Они пошли к дому. Мужчина обнимал Эми Бон за плечи.

Чарли молился про себя, чтобы она не позволила этому чужаку себя поцеловать.

Когда они дошли до ступеней, мужчина наклонился и поцеловал ее прямо в губы. Чарли почувствовал себя так, словно из него одним ударом вышибли дух. Пока мама поднималась по ступенькам крыльца, человек внизу поднял голову, увидел в окне Чарли и усмехнулся.

И в это мгновение Чарли понял, что его маму поцеловал колдун.

ПОДМЕНЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

— Самый теплый прием всем нашим клиентам! — такая вывеска украшала вход в «Зоокафе». Под вывеской висел список угощений, предлагаемых в воскресенье. Очевидно, миссис Комшарр в честь возвратившихся животных приготовила нечто особенное. Вошедшего Чарли встретил здоровяк Нортон в розовой футболке со сверкающими слонами:

— Входи, Чарли, входи! Твои приятели и хомячки в придачу уже здесь. — Он указал на Габриэля, размахивавшего пучком черно-белого меха.

Кафе было украшено разноцветными лентами и китайскими фонариками, как будто уже наступило Рождество.

— Мы хотели устроить праздник по поводу возвращения животных, но я не уверен, что они оценят это по достоинству. Некоторые из них все еще нервничают. Вон взгляни на кота: до сих пор трясется. И птицы совсем не поют. Спроси меня, и я скажу: то, что заставило их удрать, еще носится в воздухе, — говорил Нортон.

— Я тоже так думаю, — согласился Чарли и стал пробираться между столиками туда, где сидели Оливия, Эмма и Фиделио.

Под подбородком Оливии торчала голова ее кролика. А уточка Нэнси устроилась под стулом Эммы.

— Нэнси все еще не в себе, — пожаловалась Эмма. — Но все равно так здорово, что она вернулась!

— А меня мама заставила перенести Уилфреда в прихожую. Вон взгляните на него. Это же комок нервов!

Глухая кошка Фиделио спала под столом в кошачьей переноске. Кажется, от глухоты и старости ей, в отличие от молодых животных, было наплевать на все, что творится вокруг.

Фиделио посоветовал Чарли попробовать «Зеленое упоение», пока оно не кончилось.

— Представляешь, шоколад в зеленой глазури и с начинкой! Потрясающе! — восторгался он.

Чарли встал в очередь к стойке. Перед ним оказался Лизандр с Гомером, и Чарли заметил, что серый попугай выглядит неважно.

— Следите за собаками! — склонив голову набок, все время повторял Гомер.

Интересно, это он не о моровских ротвейлерах? Чарли оглядел кафе, но ни Моров, ни их псов не заметил. Скорее всего, Гомер вспомнил что-нибудь из своего армейского прошлого.

Когда подошла очередь Чарли, выяснилось, что «Зеленое

упоение» уже кончилось.

— Извини, приятель, Лизандр взял две последние порции. Наверное, стоило бы ввести норму на продажу в одни руки, а? Возьми палочки с ореховой помадкой «Нутпом». Очень вкусно. Попробуй! — предложила миссис Комшарр.

— А разве они не для животных? — удивился Чарли.

— Ну, это юнифуд, годится всем, — хохотнула миссис Комшарр. — Берешь?

— Юни? Да-да, пожалуйста. И еще джем и имбирное колечко, — не очень уверенно согласился Чарли.

Не успел Чарли сесть, как влетел Танкред, но Нортон остановил его:

— Нет животных — нет входа!

Танкред показал на Габриэля:

— Понимаете, мой входной билет у него!

Нортон посуровел:

— Животные — это вам не билет, молодой человек!

Танкред топнул ногой, и по всему помещению пронесся сильный ветер, почти ураган. Тарелки, чашки, столовые приборы — все взлетело в воздух, не говоря уж о «Зеленом упоении», «Нутпомах», имбирных колечках и прочих вкусностях. Хорошо, что у мистера Комшарра вся посуда пластиковая, а не стеклянная или фарфоровая, так что ничего не побилось. Но учиненный беспорядок поверг всех присутствующих животных в панику. Поднялся дикий вой, рев, свист, визг.

Габриэль кинулся к Танкреду с белым хомячком:

— Мистер Нортон, мистер Нортон, вот его хомячок. Успокойся, Тан, все в порядке!

* * *

Если Танкред в плохом настроении, требуется немало сил и времени, чтобы его успокоить. Пока Танкред штормил, Чарли и все остальные хватались за свои тарелки и еду. Но вот Тан нашел свободное место, сел рядом с Лизандром и только тут сообразил, что есть-то ему нечего.

— На, — отдал ему свое второе «Зеленое упоение» Лизандр.

Чарли с завистью смотрел, как буйный мальчик впился зубами в деликатесное печенье, как посыпалась на стол глазурь и закапал мед. Впрочем, ладно, зато Танкред утихомирился. Остался только пролетавший над столами легкий ветерок, из-за которого, правда, все-таки приходилось следить за ореховыми палочками и тонкими бисквитами.

— Так вот, я слышал, Чарли, что тебя оставили после уроков? Видел ты этих сто гостей? — начал Лизандр, когда все успокоилось.

— Мм, видел ли? Можно сказать, видел. Вы не поверите, что я видел!

— А что? — прозвучал хор.

Чарли проглотил последний кусок имбирного колечка, запил его вишневым соком и только потом поведал друзьям о том, что услышал в академии, сидя под столом. Когда дошло до откровений мисс Кристалл, у всех волосы встали дыбом.

Фиделио выглядел совершенно ошарашенным.

— И что же мне делать? — тихо паникуя, спросил он. — Она же моя учительница по скрипке.

Повисла напряженная тишина. Никто не знал, что и сказать.

— Ну, против тебя она ничего не имеет. Я делал бы вид, что все нормально, — прервал наконец общее молчание Лизандр.

— Но это же невозможно! Я же теперь знаю, что она… Разве такое забудешь?! — Фиделио отчаянным взором обвел присутствующих.

— А что она там говорила насчет того, что граф теперь на свободе? Где он? И что собирается делать? — спросила Эмма и так стиснула свою уточку, что та изумленно крякнула.

— Могу сказать, где он. Он — новый владелец «Империи» и называется теперь мистером Ноблем, — сурово ответил Чарли.

— А ты откуда знаешь? — заинтересовался Танкред.

— Ну-у… — Чарли заколебался. Ему не хотелось говорить о матери, но он зашел слишком далеко, чтобы останавливаться. — Ну, потому что мама ходила с ним на Большой бал.

— Да ну? — Эмма прикрыла рот ладонью.

И другие сначала ахнули, а потом заговорили разом.

— И что ж ты будешь делать? — спросил Фиделио.

— Не знаю. Наверное, мне понадобится ваша помощь, а? — Чарли чувствовал себя абсолютно несчастным.

Друзья что-то с готовностью забормотали, и опять наступила тишина. На компанию опустилось мрачное безмолвие. И длилось оно до тех пор, пока Оливию не осенило, что пора сделать что-нибудь экстраординарное.

На столах не осталось уже ничего, кроме крошек, а в следующее мгновение там закишели огромные, толстые гусеницы в черно-желтых пятнах.

Танкред завизжал и отскочил от стола. Хомячки от ужаса подскочили на несколько футов, а Гомер рванул под потолок и уже оттуда наблюдал, как у него на глазах исчезают остатки еды.

— Кто это натворил? — взбеленился Танкред.

— Кто это сделал? — вторил ему взбешенный Лизандр.

— Да не все ли равно кто, главное — зачем? — неуверенно проговорил Габриэль.

Все, кто знал о способностях Оливии, чувствовали себя неловко.

— Это я, — объявила Оливия. — Вы все выглядели такими унылыми, и я подумала, что вас надо немного встряхнуть!

— Ты? И с каких это пор ты способна на подобные штуки? — спросил Лизандр.

Оливия бросила взгляд на Чарли:

— С прошлой четверти. Об этом знают Чарли, Фиделио и Эмма. А больше никто.

— И мы хотим, чтобы все так и оставалось. Пусть хоть об одном одаренном Блуры не знают, — добавил Чарли.

— Тогда вам следует быть осторожнее. Кто-нибудь в кафе запросто мог увидеть этих пятнистых тварей, — оглядываясь через плечо, посоветовал Лизандр.

— Здесь и без того достаточно всяких тварей. Никто и не подумает, что это обман зрения, — победно улыбнулась Оливия.

— Подумает, если увидит, как они исчезают! — резко возразил Лизандр.

А Чарли захотел еще что-нибудь съесть. Когда он уходил из дому, мама еще спала, а поскольку сытного завтрака, который обычно готовила Мейзи по воскресеньям, не было, то ему пришлось удовольствоваться черствой булочкой с сыром. Он уже собирался пойти взять еще помадки «Нутпом», но увидел, как к их столу направляется мистер Комшарр, ведя маленькую девочку с каштановыми кудрями и огромными ореховыми глазами. Малышка несла тарелку с высокой горкой розовых и голубых шариков.

— Я хочу познакомить вас с Уной, — сказал мистер Комшарр. — Она принесла вам угощение. Зефирные шарики.

Малышка приветливо всем улыбнулась.

— Привет, Уна.

Все улыбнулись ей в ответ.

— Это дочка моего брата-близнеца, — низко наклонившись над столом, доверительно сообщил мистер Комшарр. — Нам с Онорией с детьми не повезло, так что, когда Уна здесь, нам кажется, что она наша дочка. Кроме того, она тоже из одаренных, — понизив голос, добавил он.

Не успел он договорить, как малышка исчезла. Только тарелка с зефиром повисла в воздухе.

— Только не сейчас, дорогая! — строго сказал мистер Комшарр.

Уна опять появилась, все так же держа тарелку, и осторожно поставила угощение на стол.

— Хватайте! — пригласила она.

Каждый взял по шарику.

— Вот и хорошо! — радостно закричала девочка. — Набивайте желудки!

— Очень бойкая девочка, а все мать виновата! Избаловала ребенка. Уне всего пять, но, как и вы, она особенная. Так что вспомните о ней, когда придет время, — смущенно проговорил мистер Комшарр.

— Какое время, мистер Комшарр? — поинтересовался Чарли.

— Кто знает, что ждет вас? — улыбнулся мистер Комшарр. Но его усатое лицо тут же помрачнело. Он взял Уну за руку и повел в кухню.

— Надеюсь, нас не ждут какие-нибудь графские штучки, — с трудом выговорил Габриэль, уже успевший набить рот зефиром.

— Обязательно ждут, почему нет? Если не сейчас, то в будущем, — не согласилась Эмма.

— Эм, не надо так мрачно. Еще посмотрим, кто кого. Мы же сильные. Используем свои способности. — Оливия вытерла рот и встала.

— Кажется, им нужен стол. — Лизандр указал на пожилую пару с четырьмя котами.

В руках они держали подносы, а на каждом плече посетителей сидело по белому коту.

Вопрос с последней зефиринкой решил Гомер, подцепив ее клювом. Вся компания забрала своих любимцев и двинулась к дверям. Чарли вышел первым и, к своему удивлению, лоб в лоб столкнулся с Бенджамином и Бобом-Спринтером.

Пес с таким радостным лаем начал скакать вокруг Чарли, что было понятно, как Спринтер по нему соскучился.

— Ты не сказал, когда будешь здесь, — попенял Бенджамин. — А вы уже расходитесь?

Чарли посторонился, чтобы пропустить остальных, и извинился перед Беном.

— Или собираетесь погулять?

— Мм… не знаю, — чувствуя себя неловко, ответил Чарли.

Вообще-то он обещал дяде встретиться с ним в книжной лавке, но Бенджамина брать с собой не хотел.

Габриэль помахал на прощание рукой и побежал догонять Лизандра с Танкредом, уже скрывшихся в Лягушачьем переулке. Они трое жили за городом, на Вершинах, и обычно их подвозила мама Габриэля. Фиделио с девочками ждал Чарли.

— Почему ты стал такой? — чуть не всхлипывая, спросил

Бенджамин.

Чарли стало совсем совестно.

— Никакой я не такой. Просто очень занят, — ответил он как можно мягче.

— Никто больше не хочет со мной дружить, — потупился Бенджамин.

Эмма бросила на Чарли сердитый взгляд и обняла Бена за худенькие плечи:

— Мы будем дружить. Мы собрались в книжный магазин. Если хочешь, иди с нами.

— В книжный? — удивленно переспросил Бенджамин. — Нет, спасибо, наверное, не пойду. Спринтеру надо гулять. Увидимся на следующей неделе. — И он опять укоризненно взглянул на Чарли.

— Заметано! В пятницу вечером. Как только вернусь из школы, — сразу согласился Чарли.

— Ага. — Бенджамин потащился прочь, а Спринтер-Боб изо всех сил старался расшевелить понурого хозяина прыжками и лаем.

— За что ты обижаешь Бена? — спросила Эмма.

— Понимаешь, Эм, у него родители — сыщики. Слишком много можно потерять, а ведь чьи-то жизни зависят от того, как мы умеем хранить секреты! — виновато пожал плечами Чарли.

— О-ой! Какие мы сегодня серьезные! На-ка понеси моего кролика. И пошли мешать Эмминой тете, — насмешливо вздернула брови Оливия.

Передав своего питомца Чарли, она устремилась вперед, пока другие тащили кто корзину с уточкой, кто переноску с кошкой, кто кролика. Фиделио с Чарли обменялись взглядами. Могла бы хоть сегодня Оливия одеться поскромнее. Чересчур много внимания привлекали ее длинное пальто из искусственного меха, красные ботинки и черная шляпа с серебряными кисточками. Мальчикам стало много легче, когда с Хай-стрит они свернули на тихую улочку, ведущую к книжному магазину. Не пройдя и половины пути, Фиделио вдруг остановился:

— Чарли, я забыл тебе сказать, что украли «Двенадцать колоколов»!

— Что-о?! — Чарли чуть не выронил кролика.

— Рыцаря, который разбудил меня?! — воскликнула Эмма и осторожно опустила корзину на булыжную мостовую.

— Вспомни, Чарли, ты дал мне на хранение коробку. В ней лежал механический рыцарь, который поднимался, когда звонили колокола, — напомнил Фиделио.

Чарли все хорошо помнил. Разве можно такое забыть? «Двенадцать колоколов» доктора Толли! Отец Эммы, Толли,

сделал этого рыцаря незадолго до смерти. Рыцарь должен был освободить Эмму от гипноза, и это получилось. Чарли надеялся, что когда-нибудь удастся освободить и папу. Но теперь этот шанс упущен.

— С трудом верится. Как это украдены? — строго спросил Чарли.

— Извини, Чарли. В нашем доме бывает так много народу. Дети приходят на уроки, а кто и так просто… Никто ничего не заметил, — пожал плечами Фиделио.

Оливия уже добралась до магазина.

— Эй, вы, ну идите же! — стоя под дверьми, кричала она. — Что вы застряли?

Все подобрали своих животных и потащились дальше.

Мисс Инглдью в воскресенье закрывала дверь магазина, и Эмме пришлось звонить.

— Это что еще за рок-звезда? — открыв дверь, ахнул дядя Патон.

— Ах, не придуривайтесь, мистер Юбим, — не сумев скрыть удовольствия, ухмыльнулась Оливия.

— Я придуриваюсь? — шутливо вздернул бровь Патон.

Дети вошли, сбросили на прилавок пальто и куртки, а рядом пристроили животных. К счастью, и уточка, и кролик, и кошка спали.

Из задней комнаты их окликнула мисс Инглдью. Они вошли и увидели, что она сидит за столом, а перед нею лежит один из блокнотов Бартоломью Блура. Остальные дневники стопочкой сложены рядом.

— Надеюсь, Чарли, ты не против? Мы не могли удержаться и прочли всё, — призналась она.

— А что это? — впившись взглядом в открытый дневник, полюбопытствовал Фиделио.

— Да так, дневники. Ну, не просто дневники. Мне их прислал один знакомый, который собирал истории об Алом короле, — нехотя объяснил Чарли.

— Вот это да! — Оливия немедленно схватила верхний блокнот из стопки и плюхнулась на диван. Но, пролистав несколько страниц, поморщилась. — Ничего не понять! И он такой грязный…

Дядя Патон забрал у нее дневник:

— Оливия, дорогая, ты же понимаешь, настоящие путешественники не занимаются саморекламой. Эти блокноты побывали там, куда ты никогда не попадешь. Содержанию же их цены нет, и, возможно, когда-нибудь именно они спасут тебе жизнь.

Оливия взглянула в посуровевшее лицо дяди Патона и покраснела. Она очень уважала дядю Чарли, и, по сути дела, он был одним из немногих, чью критику она принимала близко к сердцу.

— Простите, — буркнула она.

— Ничего. — Дядя Патон положил блокнот на место. — А теперь, поскольку я уверен, что Чарли рассказал вам о событиях вчерашнего вечера, вам следует узнать и то, что узнали мы с мисс Инглдью, прочитав эти дневники. Садитесь. Все садитесь, чтобы не толпиться.

Эмма и Фиделио переложили несколько папок и устроились рядышком с Оливией. Чарли просто сел на пол, а дядя Патон опустился в кресло.

— Много здесь говорится об одном зеркале. — Дядя Патон обвел аудиторию взглядом, но никто не произнес ни слова. — Чарли слышал, как его назвали зеркалом Аморет. Оно было изготовлено девять веков назад для ребенка, которого королева Береника родила за девять дней до своей смерти. Зеркало сделал сам Алый король. Он отдал его второму своему сыну, Амадису, чтобы тот хранил его и отдал Аморет, когда та подрастет. У зеркала очень много важных волшебных свойств. Тому, кто им владеет, оно, например, дает возможность перемещаться…

— То есть вы считаете…

— Да-да, Чарли, именно о таких перемещениях, как твои, я и говорю. Посмотри в это зеркало, и тот, кого ты хочешь увидеть, появится в нем. А если хочешь встретиться с тем человеком, посмотри еще раз, и зеркало перенесет тебя к нему, где бы он ни был.

— Обалдеть! Хотел бы я иметь такое зеркальце. Да я мог бы встретиться с самим Моцартом! — Фиделио был в восторге.

— Боюсь, тебе это вряд ли удалось бы. Оно откликается только на просьбы потомков Алого короля, — остудила его пыл мисс Инглдью.

— Но откликнулось же оно графу, — не согласился Фиделио.

— Он тоже из одаренных. Мы думаем, граф его украл. Отчасти для того, чтобы им не воспользовались другие. Хотя когда он его закапывал, то надеялся, что кто-нибудь из его потомков найдет зеркало и поможет ему выбраться из королевского портрета, — спокойно пояснил дядя Патон.

— Патон, мне только что пришло в голову, что если это зеркало у графа, то он может перемещаться туда и обратно. Независимо от того, картина это или фотография. О господи, надеюсь, что это не так! — Мисс Инглдью, вцепившись в подлокотники кресла, даже наклонилась вперед.

Только она сказала это, как раздался звонок в дверь. От неожиданности все повскакали с мест.

Дядя Патон пошел открывать и вскоре вернулся в сопровождении очаровательной дамы, одетой точно так же, как Оливия, только шляпа у нее была красная, а сапожки серебристые.

— Мама! Ты так рано! — закричала Оливия.

— Уже темно, — ответила миссис Карусел. — Как-то неестественно темно. Мне жаль, если я помешала вашему собранию, но вы народ умный и понимаете, что пора уже расходиться.

— Вы совершенно правы, миссис Карусел! — поддержал ее дядя Патон.

— Мне тоже не нравится вид за окном. Очень неприятная погода. Может быть, вы подвезете и этого молодого человека? — похлопотал дядя Патон за Фиделио.

Фиделио уже готовился протестовать, но Оливия с мамой едва не вынесли его из комнаты. Разобрав животных, остальные тоже покинули магазин. Фиделио еще успел бросить на Чарли ошеломленно-виноватый взгляд, и дверь закрылась.

— Нам тоже пора. Пошли, Чарли, — неохотно сказал Патон.

Пока дядя Патон прощался с мисс Инглдью, Эмма с Чарли вышли в торговый зал. У появившегося вскоре дяди Патона было розовое лицо и след помады на щеке.

— Мы решили, что здесь для дневников будет лучше, чем в номере девять, — произнес дядя Патон, надевая черное пальто.

Чарли согласился с ним. Они уже почти добрались до дому, когда дядя Патон сообщил ему потрясающую новость. Нашлась фотография отца Чарли.

— Я не говорил об этом, потому что не хотел обманывать тебя пустыми надеждами. Понимаешь, снимок не очень хорошего качества. Я вспомнил о нем, когда ты рассказал мне о Бартоломью. Во время того восхождения было сделано несколько фотографий. Я вспомнил, что одна из них должна быть у меня в кожаной коробке, которую держу под кроватью, — объяснил дядя Патон.

— Она еще у вас? — Чарли уже не мог идти шагом.

— Да нет, я отдал ее твоей матери. Предупредил, чтобы она не говорила бабушке Бон, ведь та уничтожила все фотографии Лайелла.

Чарли припустил рысью.

— Не так быстро! Никуда она не денется, — поспешая за мальчиком, попросил дядя Патон.

— Не могу я ждать, дядя Патон. Совершенно не могу!

Когда они вошли в дом, Эми Бон в одиночестве сидела в кухне. Чарли сразу подскочил к ней:

— Мам, покажи мне фотографию! Прямо сейчас! Дядя Патон сказал, что нашел папину фотографию.

— Господи, Чарли, вечно ты спешишь, я только что вошла. — Мама стащила с шеи шелковый шарфик.

— Где она? — взмолился Чарли.

Мама взяла со стола сумочку:

— Где-то здесь. — Она порылась и достала маленькую квадратную фотографию. — Вот!

Чарли взял снимок. С фотографии ему улыбался человек в высокогорном снаряжении.

Но это был Бартоломью Блур. В самом уголке, спиной к камере, стоял еще один человек.

— Мам, но это же не… не может быть… — От огорчения он даже охрип.

Подошел дядя Патон и заглянул через плечо, потом взял снимок из рук Чарли:

— Эми, что случилось? Это не та фотография, что я тебе давал.

— А чем плоха эта? — спросила Эми.

— Но это не твой муж. — Патон ткнул пальцем в Бартоломью.

Эми взглянула на снимок:

— Правда? Ах, дорогой, знаешь, я совсем забыла лицо Лайелла. Я просто не могу… представить себе его лицо. — Она нахмурилась.

Чарли был убит:

— Мама! Ты должна вспомнить. Должна!

— А зачем, Чарли? Я думаю, было бы лучше, если бы о Лайелле забыли все. — И мама улыбнулась.

— Нет! Как ты не понимаешь? Если мы перестанем о нем помнить, он не сможет вернуться. Никогда! Совсем! — заорал Чарли.

ТЕНЬ АТАКУЕТ

— Это только начало, — сказал дядя Патон.

— Начало? — переспросил Чарли. Они сидели за кухонным столом. В центре стола стояла свеча, рядом с ней лежала фотография. Человек на ней при помощи колдовства был повернут так, чтобы не было видно лица.

— Кто знает, что еще граф замышляет против нас? — Дядя Патон был задумчив и печален.

Чарли-то казалось, что самое плохое граф уже сделал.

— Дядя Патон, вы не считаете, что если человека забыли, то… как бы и сами немного умерли?

— Чарли! Твой отец не забыт и никогда не будет забыт. У него очень много друзей. — Слова племянника удивили и даже, кажется, рассердили дядю.

— А мама? Она же забыла!

— Она не забыла, Чарли. Не забыла, она просто околдована. Мы должны расколдовать ее. Вот только, признаюсь тебе, на данный момент у меня нет ни единой мысли, как это сделать! — Дядя Патон вскочил и забегал по кухне.

— Я должен заполучить зеркало Аморет! — решительно заявил Чарли.

Дядя прекратил беготню и воззрился на племянника:

— Почти невыполнимая задача. Но, пожалуй, с этого и следует начать.

— Тогда я пойду поразмыслю над этим. Спокойной ночи, дядя Патон. — Чарли забрал фотографию.

— Спокойной ночи, Чарли. Только смотри, чтобы мысли не помешали тебе уснуть. Утром в школу. — Дядя Патон задул свечу и тоже пошел наверх.

Оказавшись в своей комнате, Чарли отдернул шторы и сел на кровать. Темные облака то и дело закрывали луну, но света хватало, чтобы по лучу можно было послать сообщение. Чарли не пришлось долго ждать. Очевидно, Нерен тоже думала о нем.

Тонкие, похожие на паучков тени поползли по подоконнику. Потом вскарабкались на кровать Чарли и оттуда уже на стену. На стене они некоторое время метались и извивались, а затем начали складываться в послание:

> Чарли, Мин кажется, что за ней следили, когда она ходила в город. Если ее видели в книжном магазине, то владелице… может… грозить… опасность. Дневники рассказывают правду. Тень… будет… не похожа на тень.

~ Я постараюсь предупредить ее, — прошептал Чарли. Но сейчас у него было к девочке другое дело. — Нерен, мама начинает забывать папу. Она даже хочет его забыть. Что делать?

На стене задрожали новые слова:

Найди его.

— Тень проникла в фотографию и развернула папу спиной к объективу. — Чарли все рассказал стене. — Теперь не видно его лица.

Слова на стене запрыгали, как будто с большим трудом продирались через препятствие.

Найди… король… Я должна… идти… папа… говорит, опасно… сообщение… перехватили...

Какое-то время новые слова не появлялись. Чарли шепотом умолял исчезающие буквы еще сохранить форму, и чтобы Нерен дала ему знать, что слышит его. Но прежде чем темное облако окончательно закрыло луну, более или менее отчетливо проявилось только одно слово:

Идти…

Чарли откинулся на подушку, расстроенный и напуганный. Неужели тень способна даже читать послания Нерен?

Чарли положил снимок на тумбочку возле кровати и залез в постель. И увидел, как на фотографию села белая моль. Бело-серебристые крылышки осторожно накрыли голову человека на снимке, словно хотели его оживить.

Уже погружаясь в сон, Чарли смутно припомнил, что должен что-то сделать. Что-то очень важное. Но он слишком устал и так и не вспомнил что.

* * *

Джулия Инглдью заработалась допоздна, потому что к понедельнику нужно было распаковать очень много новых книг. Требовалось еще разобраться со счетами и наклеить ценники. Только в десять часов вечера она закончила работу и отправилась спать. Оконные стекла дребезжали почему-то громче обычного, но она не задумалась над этим. Дом был старый, балки и оконные рамы сильно рассохлись.

Когда Джулия легла, кто-то застучал в дверь магазина. Накинув на плечи халат, она сбежала вниз. В свете уличного фонаря она разглядела на улице две смутные фигуры.

Ухватившись за край прилавка, Джулия замерла.

Отдай мне книги! — донесся до нее голос.

Это был шепот, но он проникал в самую душу. Глубоко, непонятно и страшно.

— Какие такие книги? — еле смогла выговорить она, хотя, конечно, догадывалась, о чем идет речь.

Вот они, дневники Бартоломью, лежат на прилавке. Джулия хотела забрать их наверх, но за работой забыла. Быстро собрав дневники, она попятилась от окна.

Книги лгут. Отдай мне эту ложь!

Теперь голос просто ревел в ее голове. Еще крепче схватив дневники, она кинулась в гостиную, а оттуда вверх по лестнице. А жуткий голос преследовал ее:

Отдай их мне! Отдай их, отдай! Лгут, лгут, лгут!

— Нет, они говорят правду, и тебе их не получить, — бормотала она на ходу.

Потом раздался такой страшный треск, будто дверь сбили с петель.

— Тетушка, что случилось? — Возле дверей в комнату Джулии топталась напуганная Эмма.

— Им нужны дневники Бартоломью! — Джулия втолкнула Эмму в комнату. — Оставайся там, дорогая.

Она сунула Эмме в руки дневники и побежала за телефоном. Возвращаясь к Эмме, она набрала 999, но голос на другом конце ничем ее не утешил.

Сегодня полицию вызывали со всех концов города. Таких ночей еще не бывало. Произошло пять отключений электроэнергии, девять ограблений и одиннадцать пожаров в общественных местах. Люди слышали шаги в пустых комнатах. Подвальные этажи затапливало, а от огня пострадали кабинеты городского управления.

— Так что я даже не представляю, когда мы сможем приехать к вам! Я предлагаю…

На этом связь оборвалась. Джулия села на кровать рядом с Эммой и набрала еще один номер.

— Привет, Джулия.

— Патон, к нам кто-то ломится! Я думаю, что это… это…

— Боже мой!

Она услышала, как он, прижимая к уху мобильный телефон, сбегает вниз по лестнице, а затем хлопает входная дверь. Теперь шаги грохотали по улице.

— Держись, дорогая, держись! Я бегу!

— Ох, Патон, быстрее, пожалуйста. Кажется, я чувствую запах дыма.

У Патона Юбима были, наверное, самые длинные ноги в городе. Но в эту ночь они удлинились еще дюймов на шесть. Любой, кто его видел, поклялся бы, что он стал ростом выше семи футов. И сейчас его нисколько не заботили лампы уличного освещения. Нисколько! Поэтому они взрывались одна за другой и разлетались тысячами осколков, когда он пробегал под ними.

Полицейские, вызванные на очередной грабеж, проезжали мимо Патона, как раз когда разбилась вдребезги десятая.

— Ты видел? — спросил констебль Сингх, водитель. — Этот тип сшибает лампы.

— Видел, — подтвердил констебль Вуд. — Сверни поскорее налево, как бы этот маньяк еще чего не испортил.

Патон вылетел на Соборную площадь и сразу увидел языки пламени, охватившие дверь книжного магазина. Перед самим магазином развернулась жестокая битва. Судя по всему, неравная. Патон подбежал к дерущимся и узнал Манфреда Блура. Уличный фонарь взорвался как раз в тот момент, когда Манфред поднял голову. Юноша вскрикнул и, схватившись за лицо, помчался прочь.

Со вторым было сложнее. Он стоял на коленях, вцепившись руками в горло своей жертвы. Длинный плащ с капюшоном накрывал и его самого, и человека на земле. Поскольку лампа разлетелась, то во мраке можно было разглядеть только копну седых волос.

Подскочив к человеку в капюшоне, Патон схватил его за плечи, которые показались железными, но, как он ни старался, ему не удавалось оторвать нападающего. Жертва седовласого уже хрипела, а душитель продолжал держать ее за горло.

— Извините, Джулия. — Патон резко обернулся к магазину, витрина которого освещалась мягким светом.

Стекло треснуло и с резким звоном тысячами осколков осыпалось на тротуар.

— Клянусь, тебе это не удастся, колдун! — Патон ринулся в магазин и тут же выскочил назад с самой тяжелой книгой, какая попалась под руку.

Изо всей силы он ударил ею по голове человека в капюшоне.

Раздался приглушенный стон ярости, человек выпустил жертву и повалился на бок. Он начал вертеться на булыжнике мостовой, закутываясь в плащ, пока не остались видны только сверкавшие глаза.

Патон еще решал, стоит ли разобраться, кто это такой, когда услышал полицейскую сирену. В следующее мгновение машина с ревом вылетела на площадь, но, когда Патон обернулся к закутанной фигуре, оказалось, что та уже исчезла.

Из машины выскочили двое и с воплями «Не двигаться! Вы арестованы!» понеслись к Патону.

— Этот человек спас нам жизнь! Мерзавцы убежали! — распахнув дымящуюся дверь магазина, закричала Джулия Инглдью.

— А тогда кто же это? — спросил констебль Сингх и указал на человека, лежавшего на земле.

— Понятия не имею, — сознался Патон.

— А по-моему, вы его убили, — произнес констебль Вуд и схватил Патона за руку.

— Это не он! — опять закричала Джулия. — Он защищал его!

— Сдается мне, что вы очень ошибаетесь, мадам! — раздраженно вздохнул констебль Сингх. — Мы сами видели, как этот человек разбивал уличные фонари. — Он ткнул пальцем в Патона. — А кто разбил витрину, хотелось бы мне знать.

— Вот это действительно я, — повинился Патон.

— Вы? — нахмурился констебль Сингх. — Постойте-ка, но ведь это было пуленепробиваемое стекло. А тут сплошные осколки.

— Да, и все же я его разбил, — опять согласился Патон.

— Он спасал нас! Я все видела! Ох, Патон! — обнимая его, повторяла Джулия.

— Ну ладно. Ладно, — застенчиво улыбаясь, бормотал Патон.

— Так, а где же бандиты? — подозрительно спросил констебль Сингх.

— Я же вам говорю, они удрали, — объяснила Джулия.

— Теперь уж вы их не поймаете. Но зато вы можете помочь мне погасить дверь!

— Вот это правильно, тетушка! — воскликнула выскочившая на улицу Эмма и выплеснула на дверь ведро воды.

— Молодец, Эмма, ты спасла положение, — похвалил девочку Патон.

— Господи боже, Патон Юбим! — вдруг произнес голос с земли.

У констебля Сингха отвалилась челюсть, Патон опустил взгляд.

— Бартоломью? — воскликнул он, не веря своим глазам.

— Вы же так не любите подставляться, — ухмыльнулся Бартоломью, когда Патон помог ему подняться.

— Я изменился, — угрюмо буркнул Патон.

Оба констебля начали составлять протокол. Они записали номера телефонов и адреса. Только Бартоломью Блур наотрез отказался дать им о себе какую бы то ни было информацию. Полицейские посчитали, что на фоне всего творившегося в городе

нынешней ночью этот инцидент не так уж и важен. Отъезжая, констебль Сингх даже помахал им.

Четверо уцелевших в бою вошли в магазин. К радости Джулии, дубовая дверь почти не пострадала от огня. На ней, правда, остались подпалины, но петли и засовы остались целы.

— Я приготовлю чай, — предложила Эмма.

Но Бартоломью наотрез отказался задерживаться.

— Вот уж чего я не собирался, так это когда-нибудь появиться в городе. Но за моей женой следили. Повсюду шпионские тени. Я знаю, он ищет дневники, и понял, что подвергаю вас, мисс Инглдью, опасности, — объяснил он.

— Подождите… — начала Джулия.

— Я должен идти, — настаивал Бартоломью. — Где мои дневники?

— Сейчас принесу.

Мисс Инглдью отправилась наверх, а Эмма пошла ставить чайник.

— С чего это вы изменились, Патон? — спросил Бартоломью, когда мужчины остались наедине. — Вы же были совершеннейшим рохлей.

— Мальчик. Я должен ему помочь, — поморщившись, объяснил Патон.

— Ах, Чарли, — улыбнулся наконец Бартоломью. — Его отец был самым лучшим и храбрым человеком, какого я только знал. А вы, Патон, были ему неважным товарищем!

Мисс Инглдью вернулась с дневниками:

— Вот они. Я упаковала их в сумку.

— Хорошо. Патон, вы должны отдать их Чарли. И скажите ему, чтобы хранил их *в прошлом!* — сказал Бартоломью.

Патон взял сумку у мисс Инглдью и растерянно уставился на Бартоломью:

— Где-где? Я не расслышал.

— Он единственный, кто способен их уберечь, неужели не понятно? У него есть дар. Скажите ему, чтобы он хранил их там, куда никогда не сможет добраться тень. — Тон у Бартоломью стал холодным, командирским.

— То есть где?

— Почем я знаю! — грубо отрезал Бартоломью. — Это он сам должен решить. Чарли умный парень и знает, что мои записи хранят такие секреты, которые помогут ему освободить отца. А я с вами прощаюсь. — И он пошел к дверям.

— Постойте, — взмолился Патон. — Мы можем поговорить? Очень хотелось бы. Когда-то вы спасли мне жизнь.

— А вы только что спасли мне! Но это ничего не меняет.

Доброй ночи, мисс Инглдью, — коротко кивнул ей Бартоломью и вышел.

— Какой странный человек, — заметила мисс Инглдью. — Такой… неприветливый. Патон, выпейте чашку чаю, а потом пойдете.

— Нет, нужно прощаться. Я и так совершил ошибку. В субботу вечером, после вашего ухода, я оставил дневники на кухонном столе. Моя сестра, вернувшись домой, вполне могла их видеть. Вот дурак! — покачал головой Патон.

— Вы же не знали, что в них.

Патон уже открывал тяжелую дверь:

— Спокойной ночи, дорогая! Берегите себя.

На другом конце площади начали отбивать полночь огромные соборные часы. Патон закрыл за собой дверь и немного постоял, всматриваясь в залитую лунным светом площадь, место, откуда исчез его лучший друг.

— Да, Лайелл, я действительно был тебе плохим другом, — пробормотал он и решительно зашагал по мощенному булыжником переулку, не обращая внимания на мороз, норовивший превратить его слезы в льдинки. Он не задумывался об опасности, грозившей ему из-за имевшихся при нем дневников.

* * *

Чарли проснулся и увидел сидящую на его подушке моль. Он понял, что ей что-то нужно. Мальчик зевнул и выбрался на лестничную площадку. В доме было темно, но под кухонной дверью он увидел тонкую полоску света. Это мог быть только дядя Патон. Любой другой сделал бы освещение ярче и вдобавок оставил бы свет в прихожей.

Было ужасно холодно. Чарли запахнул пижамную рубашку и начал спускаться. Он обнаружил дядю Патона за кухонным столом перед разложенными дневниками. На лице у Патона было такое выражение, что Чарли встревожился:

— Дядя Патон?

Дядя поднял взгляд:

— А, Чарли. Я только что вернулся из книжного магазина. Ну и ночка!

— Я слышал полицейские сирены, — сказал Чарли.

— Да, кто-то пытался вломиться к мисс Инглдью. Похоже, приходили за дневниками. Мы решили, что это была тень.

— Ого! Кто-нибудь пострадал? С Эммой все в порядке? А

вы…

— Чарли, там был Бартоломью. Он хочет, чтобы ты спрятал дневники *в прошлом,* — серьезно произнес Патон.

— *В прошлом?* — не понял Чарли.

— Извини, я прошу тебя сделать это немедленно. Конечно, ты устал и уже поздно, но Бартоломью очень настаивал, и я думаю, он прав. Ты умеешь проникать в картины, рисунки, фотографии. Не придумаешь ли, где можно сохранить фотографии в безопасности? Куда не смогла бы проникнуть тень?

Чарли поскреб затылок.

— Да, — медленно произнес он. — Я могу отдать их Скорпио.

— Чародею? Слишком опасное перемещение, Чарли. Но если удастся уломать старика, у него, безусловно, дневники будут в безопасности.

ОЛИВИЯ ВЫДАЕТ СЕБЯ

Чарли взял дневники и вместе с дядей пошел наверх. На лестнице сквозило. Свеча коптила, мерцала, грозя погаснуть. Дядя держал ее слишком высоко, поэтому Чарли поднимался осторожно, боясь пропустить ступеньку и оступиться.

Войдя в свою комнату, Чарли положил блокноты на край стола и вытащил из-под матраса небольшую картинку. Дядя все топтался у двери.

— Мне кажется, тебе нужно побольше света, Чарли.

При скудном свете свечи Чарли действительно с трудом различал изображение.

— Да, лучше зажечь свет у кровати, — согласился он.

— Ну, тогда я тебя оставлю, Чарли, — сказал дядя. — Но как ты вернешься обратно? Может быть, тебе понадобится моя помощь?

Чарли покачал головой.

— Я возьму с собой ее, — кивнул он на моль, сидевшую на его постели. — Она и поможет мне вернуться. Она уже это делала.

— Понимаю. Ну что ж… желаю удачи. — Патон еще немного потоптался и ушел.

Чарли включил свет и закрыл дверь. Он положил картинку на подушку и сел рядом. В руках он держал дневники Бартоломью, перевязанные кожаными ремешками.

Картинка была очень старой. Краски потемнели, лак потрескался, а преклонный возраст живописи добавлял ощущение опасности и без того зловещему изображению. Внизу черной краской было выведено «Чародей». А сам чародей в черной мантии стоял в центре кельи. За его спиной виднелся стол, заваленный результатами колдовской деятельности. Темные волосы и борода чародея кое-где подернулись сединой, глаза казались желтоватыми. На этих глазах Чарли и сосредоточился.

Он уже несколько раз навещал чародея Скорпио. Поначалу Чарли его побаивался, но потом страх прошел. Он уже привык к горящим глазам старика и глухой, отрывистой речи.

— Чарли Бон?

Хоть Чарли и ждал этого, голос все-таки застал его врасплох. По спине побежали мурашки. Белая моль взлетела и села ему на плечо, готовая при перемещении лететь впереди мальчика.

Как только предметы его собственной комнаты начали расплываться, Чарли ощутил запах тлеющих трав и сальной свечи. Голова у него закружилась, а ноги стали легче воздуха.

Покрепче прижав к себе дневники, он, не отрываясь, смотрел в желтые, горящие глаза Скорпио. Он уже слышал шорох чародейской мантии, лязг железа и шипение огня.

— Кого я вижу? Чарли Бон собственной персоной! — Скорпио почесал заросший подбородок. — Бывали времена, когда появлялась только твоя голова. Ты стал могущественнее?

— Могущественнее? — удивился Чарли и посмотрел на свои руки. — Ох!

— Ты принес мне что-то в дар? — Чародей рассматривал блокноты, стянутые кожаным ремешком.

— Не совсем, — ответил Чарли. — Я пришел просить вас об одолжении.

— А-а. — Чародей потер руки. — Я люблю одолжения. Потому что тогда и я могу просить об одолжении.

— Наверное, да. — Чарли немного забеспокоился.

— Давай сядем.

Накинув на стол красную скатерть (чтобы прикрыть от посторонних глаз то, что там находилось), Скорпио пододвинул два громоздких деревянных стула. На один указал Чарли, а на другой сел сам, откинув в стороны полы мантии.

— Ты хочешь рассказать мне об этих книгах?

Чарли протянул блокноты чародею:

— Это дневники, сэр. Совершенно особенные. Их написал человек по имени Бартоломью Блур, мой дальний родственник. Он объехал весь свет и всюду записывал истории, услышанные об Алом короле. Эти записи очень ценны, потому что в них хранятся секреты… такие секреты короля, о которых никто не знает.

— Если они такие ценные, то почему ты отдаешь их мне? — хихикнул Скорпио. — Так мне доверяешь?

— Я вынужден, — признался Чарли. — Есть человек… существо, которое люди называют тенью. Он изображен на портрете Алого короля и…

— Тень? — Скорпио так резко встал, что от взметнувшейся мантии на Чарли повеяло холодным ветром. — Ничего больше не говори. Я знаю его. Чародеи предпочитают о нем не упоминать. Как раз из-за него о нас идет дурная слава. Даже если его имя произносится шепотом, то и тогда волшебники сразу начинают сердито махать руками.

— Тогда я должен рассказать вам о нем немного больше, потому что как раз из-за него я принес дневники сюда, к вам.

— Ах вот как… — Скорпио повернулся и подвинул дневники к стопкам книг, лежащих на столе. — Ну что ж, расскажи. — Опять взмахнув полами мантии, чародей сел.

Похожий на логово кабинет чародея — самое подходящее

место для истории, какую собирался рассказывать Чарли. И он рассказал Скорпио все, начиная с той снежной ночи, когда животные ушли из города. Он рассказал о замороженной Мейзи, о мисс Кристалл и о зеркале Аморет. По мере того как он говорил, пять высоких свечей в железном канделябре становились все меньше и меньше. И в конце концов стало казаться, что келья освещается только блеском желтых колдовских глаз.

Когда Чарли закончил, Скорпио поднялся и подошел к столу. Он зажег толстую свечу в центре стола и при ее свете начал перелистывать один дневник за другим. Чарли наблюдал за ним и надеялся, что тот скажет хоть словечко, посоветует хоть что-нибудь. Но чародей не произнес ни слова, пока не просмотрел последнюю страницу.

Положив на стол последний блокнот, он повернулся к Чарли:

— Очень важные истории, мальчик. Откровения! Разоблачения! Я сохраню их, но заклинание, валлийское заклинание ты должен захватить с собой. Я сейчас переведу его. Тебе оно пригодится.

Интересно, не то ли это заклинание, о котором говорил Бартоломью? Чарли ждал. Чародей извлек из кожаной папки клочок пергамента и, макая гусиное перо в склянку с чернилами, начал что-то царапать. Он снова и снова заглядывал в разложенные перед ним дневники, почесывал голову, рассматривал написанное издали, удовлетворенно улыбался и опять возвращался к письму.

И вот последняя закорючка! Скорпио отложил перо и с торжествующей улыбкой взглянул на Чарли.

— Прекрасное заклинание, — заявил он. — Не мое, конечно, о нет. Очевидно, твой родственник получил его от какого-нибудь потомка Мейтонвея. Мейтонвей был другом Алого короля. — Он опять хихикнул. — Именно у него я украл твою волшебную палочку, Чарли Бон. Ну, не украл… Он тогда был уже очень стар и все равно оставил бы ее мне. — Он помолчал, потом вздернул голову. — Кстати о волшебной палочке. Где она?

— Она теперь превратилась в моль, — признался Чарли.

— Вот эта моль? Понятно.

Скорпио протянул руку и чуть было не поймал серебристого мотылька, порхавшего между ними.

— Не надо! — вскрикнул Чарли.

— Я просто пошутил, Чарли Бон. Я не причиню вреда твоей крошке. Возьми заклинание и уходи. Не стоит слишком долго задерживаться в дальних мирах. — Чародей подул на пергамент и передал его мальчику.

— Да, мне, пожалуй, пора. — Чарли забрал пергамент. —

Спасибо вам. Вы ведь сохраните их, правда?

— А ты сомневаешься? — Чародей склонил голову набок и криво улыбнулся.

— Нет-нет, что вы! — Чарли вытянул перед собой палец, и моль опустилась на самый его кончик. — Она помогает мне перемещаться, — объяснил он.

— А, — кивнул чародей.

Прежде чем удалиться, Чарли взглянул в оконце в дальнем конце мрачноватой комнаты. Виднелась опушка темного леса на берегу моря, поблескивающего в лунном свете. Однажды Чарли случайно попал в этот лес, и память об этом событии хранилась в закоулках его памяти. Эти воспоминания озадачивали и в то же время как-то успокаивали его.

— Сэр, а жил ли Алый король где-то здесь поблизости?

— Ну да, конечно. — Скорпио тоже повернулся к окошку. — А когда Алый король ушел, Мейтонвей, кудесник, взял меня к себе. Я тогда был совсем юн. Бездомный сирота — мой народ уничтожили солдаты английского короля. Мейтонвей был большой чародей, он многому меня научил, но мне до него далеко — в любом смысле этого слова. — Легкий налет печали и сожаления появился на лице Скорпио. — Ну ладно, мальчик, отправляйся, — махнул он рукой. — И пусть тебе сопутствует удача.

— До свидания, сэр. Спасибо вам. Можем отправляться, Пальтушка? — ласково спросил он у мотылька.

Лицо чародея было последнее, что видел Чарли, до того как мгла времен сгустилась между ними. Он начал перемещение домой. Удивленные, широко раскрытые желтые глаза Скорпио. Потому что Чарли прощался с ним по-валлийски. Незнакомые слова приходили к нему из ниоткуда, но почему-то он знал, что это слова моли.

Через мгновение он уже сидел на своей кровати, картинка лежала рядом, и моль сидела на руке. Чарли зевнул и скинул шлепанцы. Как никогда хотелось спать. Через несколько часов придется вставать, укладывать сумку и идти в школу. Но еще не сейчас. Он засунул картинку под матрас, лег и в то же мгновение уснул.

Проснулся он, почувствовав на себе чей-то взгляд. От дверей на него с тревогой смотрел дядя Патон.

— Я вовсе не собираюсь напоминать тебе о школе, но подумал, что по крайней мере могу поднять тебя вовремя, — заявил дядя Патон.

Чарли скатился с кровати, и при этом на пол упал клочок жесткой желтоватой бумаги. Дядя Патон подошел и поднял его:

— Что это?

— Не знаю, — протирая глаза, пробормотал сонный Чарли.

— Поэма? Нет… скорее похоже на магическую формулу. — Патон расправил бумагу и стал изучать крупные наклонные письмена. — Боже праведный, где ты это взял, Чарли?

— Ах, я и забыл. У Скорпио, — произнес Чарли и бросился в ванную.

— У Скорпио? — изумился дядюшка. — Чарли, эту бумагу нужно держать в моей комнате. Это совершенно удивительно. Замечательно. Это меняет все.

Чарли не обращал на дядю внимания. Он чистил зубы, а рядом, в ванне, лежала замороженная Мейзи. Лежала себе и лежала, а ведь она единственная во всем доме, кто мог бы спасти маму от графа Харкена!

Пока Чарли мыл лицо, дядюшка скрылся в своей комнате, и оттуда доносилось только невнятное бормотание на непонятном языке.

Чарли оделся, уложил вещи и спустился в кухню. Плита не горела, на столе было пусто. Он не помнил, чтобы когда-нибудь завтракал один. Где же мама? Ушла или еще спит? Чарли не хотелось уточнять. Дом был полон холодной, сонной пустоты. Он быстренько соорудил себе бутерброд и ушел.

Академия Блура еще не отошла от праздничных выходных. Везде было намусорено, грязи было даже больше, чем когда-либо до приезда «ста гостей». Повсюду шуршали сосновые иголки и порванная мишура, хрустели осколки пластика. Огрызки валялись по всему холлу. Из раздевалок вынесли горы испорченной одежды.

— Не надо было ее там оставлять, — только и отвечал Манфред и злился на предположение, будто кто-то из директоров мог разорвать шарф, ботинки или меховые перчатки.

Манфред выглядел очень странно: все лицо у него было в крошечных ранках. По мнению Эммы Толли, можно было не сомневаться, что накануне вечером вместе с тенью в дверь книжного магазина ломился Манфред.

Фиделио после общего сбора ждал урок скрипки. Но ему совсем не хотелось видеть мисс Кристалл.

— Не понимаю, как притворяться, будто я знать не знаю, кто она такая, — шептал он на ухо Чарли. — Я же не актер какой-нибудь, вроде Лив.

— Должен притворяться, — наставлял Чарли. — Если она хоть что-нибудь заподозрит, то сразу выпустит когти.

Чарли отправился на урок математики, оставив Фиделио содрогаться от ужаса перед встречей с мисс Кристалл.

В первую перемену от Фиделио не поступило никаких сигналов. Интересно, как прошел у него урок? На школьной площадке было холодно и туманно. Дети собирались в небольшие группы, притоптывали от холода и недовольно ворчали. Чарли присматривался к каждой группе, выискивая знакомую кудрявую голову. Но на площадке вообще никого из его друзей не оказалось.

Бредя к руинам, Чарли смутно почуял, что за ним следует целая толпа. Он резко свернул к лесу. Толпа приближалась. Чарли побежал. И тут его окружили. Деревья скрывал туман, и он не мог отличить тонкие стволы от фигур преследователей.

— Что вам надо? — закричал Чарли. — Чего вы за мной гонитесь?

Один из них подошел ближе. Это был Джошуа Тилпин.

— Твои друзья ни на что не годятся, Чарли Бон! — насмешливо ухмылялся Джошуа. — Можешь махнуть на них рукой.

— Ты о чем это? С чего бы мне размахивать руками? — сгрубил Чарли.

Джошуа выдавил кривую ухмылку:

— Мы решили проучить тебя. И как следует проучить, верно, парни?

— Да-а! — заорала толпа.

Наступил черед Доркас Мор выскользнуть из-за дерева и поиздеваться над Чарли:

— Ты — жалкий тип, Бон. Ты потерял отца, а теперь и мать. С тобой никто надолго не задерживается, правда? Если бы ты перешел к нам, мы бы тебе помогли. Мы ведь гораздо, гораздо сильнее, чем твои друзья-слабаки.

Чарли пятился и пятился от наступающих, пока не уперся спиной в древнюю стену. Он повернулся и оглядел ее. Ага, нашел. Он подтянулся, нашел точку опоры для ноги, подтянулся еще… Выше, выше. Он цеплялся пальцами за одну трещину, за другую, в то время как ноги отчаянно нащупывали следующую опору. И вот наконец он стоит в двенадцати футах над толпой.

А затем появились близняшки Бранко. Стоя рядышком, они стали пристально смотреть на камни. Смотрели и смотрели. Вдруг из кладки выпал огромный валун, и стена содрогнулась.

Они что, хотят обвалить стену? Интересно, удастся ли им эта затея? Ведь стена простояла девять веков.

А ведь, пожалуй, смогут. С верха стены свалились еще два булыжника. Двойняшки заговорили. Они так редко говорили, что такое событие само по себе было удивительным.

— Какой ужасный случай, — заговорила черноволосая

девочка с кукольным личиком. — Чарли Бон влез на старую стену, и она рухнула, обрушилась с грохотом. И Чарли вместе с ней…

— И вот он внизу, — низким, зловещим голосом подхватила ее сестрица.

Закачался и с глухим стуком обрушился на мерзлую землю еще один камень. На этот раз стена вздрогнула так сильно, что Чарли упал на колени и больно ударился коленкой. Стена вздрагивала и качалась, Чарли цеплялся за поросшие мхом камни. Интересно, каково это, быть заживо погребенным?

Но тут раздался какой-то странный звук. Чарли решил, что он доносится с другого конца стены. Звук становился все громче и громче и наконец превратился в грозное, нарастающее жужжание.

Все дети, стоявшие внизу, задрали головы. Некоторые начали отступать. Посмотрев туда же, куда смотрели они, Чарли увидел, что на них опускается черное облако. Жужжание уже превратилось в рев. Толпа с воплями рассеялась.

Последним убегал Джошуа Тилпин:

— Ага, Чарли Бон, теперь тебя закусают до смерти!

Пчелы? Целый рой среди зимы? Кто их наслал? Тень? Чарли закрыл глаза. Он решал, что лучше: быть погребенным заживо под камнями или быть закусанным до смерти.

Жужжание прекратилось, но Чарли не решался открыть глаза. Он ждал, что сейчас почувствует крохотные лапки на лице и руках. Ждал боли от первого укуса. Но ничего не происходило, никто не кусался. Он открыл один глаз. Никого. Ни на стене, ни в воздухе.

— Чарли!

Он открыл второй. И увидел, что снизу, от подножия стены, на него смотрят Эмма и Оливия. И обе улыбаются.

— Иллюзия! — прокричала Оливия и подпрыгнула. — Здорово, правда?

— Еще как! — Чарли начал осторожно спускаться на землю.

Никто из них не заметил появившуюся из тумана женщину. Она остановилась в нескольких метрах от них, а потом спряталась за деревом.

— Мы увидели, что они тебя преследуют, и побежали следом, — объяснила Эмма. — Но мы не знали, что они затевают. Их было так много. Тут, конечно, сработал магнетизм Джошуа.

— А потом я подумала о пчелах, — подхватила Оливия и отвесила шуточный поклон. — Я ужасно горжусь собой!

— Ты меня спасла! — Чарли обнял девочку. — Ух! Я так рад…

Вдруг за их спинами что-то хрустнуло. Они обернулись и

увидели поспешно исчезающую в тумане фигуру. Серый костюм и короткая стрижка. Ошибиться невозможно.

— Миссис Браун, — прошептал Чарли. — Наверное, она тебя слышала, Лив!

— И теперь знает про твой дар. Что же делать? — Эмма заломила руки.

— Мы ничего не можем сделать, — сказал Чарли. — Остается ждать. Посмотрим, что будет дальше.

Но миссис Браун почему-то не спешила. Оливию не вызывали в директорский кабинет, никто не таскал ее на допросы, не запирал в классной комнате. Иногда ожидание бывает мучительным. Лучше бы уж Блуры что-нибудь предприняли, чем ждать и гадать, что они сделают. Когда перед отбоем Чарли поднялся к спальням девочек, в коридор выскочила Оливия в своей черно-золотистой пижаме.

Из конца коридора она махнула ему рукой:

— Все в порядке. Уходи, а то как бы тебя не наказали из-за меня.

— Удачи, Лив.

Чарли вернулся на лестницу. Он держал ушки на макушке, чтобы сразу услышать любой странный или просто необычный для ночи звук. Но прежде чем уснуть, еще нужно перекинуться словечком с Билли, Фиделио и Габриэлем.

— Если что-нибудь случится, Душка даст нам знать, — прошептал Билли и закрыл глаза.

Но Чарли не слишком полагался на Душку. Начать с того, что пес глуховат. Но раз уж ему приходится играть роль сторожевого, оставалось только надеяться, что пес не подведет.

Патон Юбим поглощал холодный ужин. В каждом углу кухни стояло по горящей свече, и еще четыре расположились на столе. Патон полагал, что разбирать мелкий шрифт легче при хорошем освещении. Но, по правде говоря, он зажег свечи не столько для чтения, сколько затем, чтобы отогнать мрачные мысли. Показалось ему или нет, что по Филберт-стрит брели два очень странных человека? Мужчина и женщина. Они заглядывали в окна, ощупывали ворота и перила, украдкой косились на номера домов и что-то торопливо записывали в маленькие черные книжечки.

Патон решил, что это какие-то соглядатаи. Наверное, их нанял граф. Или заставил. Или загипнотизировал. И теперь они принадлежат ему. Что с нами со всеми делается?

Патон передернул плечами и опрокинул в себя бокал белого вина. Опять передернул плечами и откусил от бутерброда с лососиной.

В дверь постучали, но открывать Патон не торопился. Он решил, что это один из тех, кого он видел из окна. Ну что ж, его они так просто не возьмут.

Но в дверь продолжали стучать. Ему даже показалось, что нервно. Он все-таки поднялся и вышел в прихожую:

— Кто там?

— Ох, мистер Юбим, мне очень нужно, я обязательно должна поговорить с вами!

Знакомый голос. Патон открыл дверь, и миссис Браун буквально ввалилась в прихожую.

— Мне нужно с вами поговорить. Очень нужно, — взмолилась она. — Я не знаю, к кому обратиться. Я не понимаю, что делать.

— Пожалуйста, успокойтесь, миссис Браун. Хотите бутербродов с лососиной?

— Ой, нет-нет. Впрочем, если… кажется, хочу. Дело в том, что мой муж не захочет со мной говорить об этом.

— Простите за недостаток освещения. — Патон шел впереди нее в кухню. — Вы, очевидно, знаете о моей маленькой слабости.

— Ах, я бы не называла это слабостью, мистер Юбим, — сказала миссис Браун и села на предложенный стул.

— Патон. Называйте меня Патоном, — предложил он.

— Спасибо. А вы меня — Триш. — Миссис Браун выглядела очень напуганной.

— Триш. Прекрасно. — Патон налил ей бокал вина. — Ну, так в чем дело?

— Да-да. Не знаю, рассказывал ли вам Чарли, надеюсь, рассказал. Так или иначе, но я работаю на Иезекииля Блура. Мы оба работаем, мистер Браун и я. — Миссис Браун перевела дыхание. — Он пообещал нам хорошие деньги за то, чтобы мы кое-что выяснили о детях, обучающихся в академии.

— Шпионили за ними, миссис Браун? — В тоне Патона мелькнула обвинительная нотка.

— Мм… да. — И миссис Браун вдруг разразилась слезами.

Патон подал ей носовой платок, а потом пошел к разделочному столику, уложил кусок копченого лосося между двумя ломтиками хлеба, разрезал бутерброд пополам и на тарелке принес к столу.

— С-спасибо. — Продолжая всхлипывать, миссис Браун утерла нос его платком. — Это много.

— Ничего-ничего. Продолжайте.

— Что? Ах да. — Она даже смутилась. — Я кое-что узнала об одном ребенке. Об Оливии Карусел, если уж начистоту. Но я не могу… не могу выдать ее. Мой муж понял, что я что-то накопала, но я ему не говорю. Не хочу говорить. И совершенно не знаю, что

мне делать.

— Патрисия! — Патон не любил уменьшительных имен.

Миссис Браун встрепенулась:

— Да?

— Как вы можете даже сомневаться?! — сурово спросил Патон. — Вы ни в коем случае не должны даже словечком обмолвиться кому бы то ни было о том, что узнали. Подумайте только, что ваше предательство принесет Бенджамину. Чарли никогда больше не станет с ним разговаривать, никогда не навестит его, не войдет в ваш дом, никогда не будет ухаживать за его собакой. Даже если дойдет до развода, я запрещаю вам что-либо сообщать мужу. У него с принципами дело обстоит явно хуже, чем у вас.

— Не думаю, чтобы действительно дошло до развода, — робко возразила миссис Браун. — Просто нам нужны деньги. Понимаете, мы только что купили машину…

— Если вам нужны деньги, то ведь для таких квалифицированных детективов, как вы с мужем, полно работы, — возразил Патон. — В городе волна грабежей, не говоря уж о подозрительных пожарах, сомнительных авариях и нераскрытых убийствах. Скажите мужу, что работа у Блуров вам не подходит. Что вы абсолютно ничего не узнали, а если тотчас не отдохнете, то у вас будет нервный срыв.

Миссис Браун заулыбалась.

— Да, — вздохнула она. — Я так и сделаю. Спасибо вам, мистер Юбим. Мне уже гораздо лучше.

ЗЕРКАЛО АМОРЕТ

Хорошо, что никто особо и не рассчитывал на Душку как на сторожа. Потому что он преспокойно храпел себе в погребе у кухарки. Никто не вытащил Оливию среди ночи из постели, и Чарли спал необычно долго и спокойно. А вот его дядя переживал тяжелые времена. Очень тяжелые.

Вскоре после того, как его покинула миссис Браун, явились все четыре сестрицы Патона. Он сидел в своей комнате и услышал, как хлопнула входная дверь и тотчас в прихожей невнятно забубнили голоса. Он долго размышлял, стоит ли спуститься и встретиться лицом к лицу с сестрами. В итоге он решил: идти надо. Он должен заставить их выслушать себя. Хотя бы ради Чарли.

Войдя в кухню, Патон обнаружил, что сестры сидят за столом и едят какой-то непонятный суп. На первый взгляд, из осьминога. Они говорили все разом, и никто из них не заметил появления брата. Первым делом Патон выключил свет.

— Ой, не надо! Включи свет! — заверещали сестры.

— Если я включу свет, все ваши плошки с супом разобьются, — резонно возразил Патон.

— Тогда убирайся, — заявила бабушка Бон.

— Нет. — Патон подошел к полке и зажег две свечи.

— Я не вижу, что ем, — пожаловалась Венеция.

— Если хочешь знать мое мнение, то я скажу, что это и к лучшему! Уж очень неаппетитно оно выглядит, — ответил Патон и поставил свечи на кухонный стол.

Все четыре сестры раздраженно фыркнули.

— Я хочу поговорить с вами. — Патон сел на другом конце стола.

— О чем еще? — обеспокоилась бабушка Бон.

— О вашей невестке.

— А что? — Она продолжала хлебать суп.

— Ради всего святого, Гризелда, уж ты-то должна знать, что случилось! Появление этого графа-колдуна не застало вас врасплох. Вы, конечно, одобряете все, что он делает: переворачивает вверх тормашками город, смущает и совращает людей, уводит у Чарли мать…

— Он могущественный, этот граф Харкен, — заявила Венеция и поправила приколотую к черным волосам зеленую шелковую розу.

— Очень могущественный, — согласилась Юстасия и тронула зеленую с финифтью брошь на отвороте.

— Очень. — И Лукреция дернула одну из своих длиннющих серег.

Внимание Патона привлек браслет с зелеными камнями, блеснувший на руке бабушки Бон, когда та поднесла ложку ко рту.

— Вы просто ужасны! Все четыре, — заявил он и поднялся из-за стола.

— Взаимно, — буркнула себе под нос Венеция.

Патон схватил старшую сестру за плечо:

— Гризелда, где твой сын?

— Умер! — Она стряхнула его руку. — Оставь нас в покое.

— Ну уж нет! — заорал Патон. — Все знают, что Лайелл не умер. Но где он? Неужели ты не понимаешь, что твой великий колдун, твой граф заставляет Эми забыть мужа?

— Пока Эми его помнит, она принуждает Лайелла цепляться за этот свет. А вот если она забудет о нем, сначала на день, потом на неделю, потом на месяц, вот тогда он потеряется навсегда и никогда не вернется, — заявила проницательная Юстасия.

— Она сняла кольцо, — с удовольствием вставила Венеция.

— И это только первый шаг, — подхватила Юстасия. — Теперь только мальчишка может оставить его в живых.

— А он даже лица его не помнит, — злорадно улыбнулась Венеция.

— Для всех было бы лучше, если бы о Лайелле Боне забыли. — И Лукреция бросила взгляд на старшую сестру.

Бабушка Бон сидела с каменным лицом.

Патон в ужасе смотрел на них:

— Ушам своим не верю! Граф утащит Эми в прошлое, в будущее или еще бог весть куда. Да-да, мне известно о зеркале Аморет. Неужели вы действительно хотите, чтобы Чарли потерял обоих родителей?

— Мы разочаровались в Чарли, — ровным тоном произнесла бабушка Бон. — Когда-то мы думали, что он порадует нас, примкнув к нам, и с пользой применит свой дар. Но он слишком любит отца. Только теперь я это поняла. Оба они не хотят походить на нас. Им обоим не по душе величественные планы Иезекииля. Оба беспринципны и не подчиняются требованиям разума.

— А вы не думаете, что это чувство собственного достоинства? — тихо спросил Патон.

— Глупости! — ожесточенно отозвалась бабушка Бон. — Плыть против течения — это значит не иметь будущего. Ты и сам мог бы примкнуть к нам, если б захотел стать могущественнее.

— Зачем? Чтобы ломать человеческие жизни? Красть детей?

Вы это называете могуществом? — Патон резко повернулся и вышел. Его трясло от омерзения.

Интересно, когда все это кончится? Он мрачно взбирался по лестнице. В этот момент пальцы нащупали в кармане кусок пергамента. Он вспомнил, что этот обрывок может помочь, если найти короля.

* * *

В тот день ни миссис, ни мистер Браун в академии не появились. У Чарли забрезжила надежда, что родители Бенджамина передумали. Вполне возможно, им вовсе не нравится шпионить за детьми.

Вечером в Королевской комнате стояла необычная тишина. Все трудились, не поднимая головы. Никто ни на кого не смотрел. Все выглядело так, словно объявлено перемирие, хотя Чарли понимал, что это не надолго. Джошуа, Доркас и близнецы просто собираются с силами и ждут подходящего момента. Что касается Манфреда, то должен же кто-то заплатить за ужасные порезы на его лице.

Азы на обычном месте, рядом с Манфредом, не было. Он сидел чуть в стороне от остальных. С тех пор как появилась тень, Аза выглядел беспокойным, неловким, даже нервным, словно испуганное животное.

Когда уроки были приготовлены, Чарли перехватил направлявшихся в спальню Танкреда и Лизандра.

— Мы можем где-нибудь встретиться? Мне нужен ваш совет… то есть даже помощь, — шепотом произнес он.

— Завтра в классе живописи, перед ужином. — Лизандр бросил взгляд в конец коридора и тихо предупредил: — Идет Манфред!

Чарли сразу отступил назад:

— Пока, Зандр! Спокойной ночи, Тан!

И мальчики ушли.

А Чарли понимал, что так просто не отвертится. В следующее мгновение он почувствовал на плече тяжелую руку. Она была такой горячей, что он даже поморщился и взглянул в рябое, изрытое болячками лицо Манфреда.

— Ну-ну, посмотри хорошенько! — приказал Манфред. — Как тебе, а? Твой дядя еще ответит за это. — Манфред пальцем коснулся двух самых больших порезов.

Учитывая щекотливость ситуации, Чарли следовало бы выразить сочувствие, но вместо этого он все испортил.

— Сам виноват, — буркнул он.

— Са-ам? — Манфред ударил мальчика кулаком в плечо.

Чарли пошатнулся. Боль была ужасной, словно его ткнули горячей кочергой.

— Ой, что это?

— Я уже говорил, что ко мне надо обращаться «сэр»! — Манфред показал обе руки с растопыренными пальцами. — Это боль, Чарли Бон. В обеих моих руках полно твоей боли. Так что лучше не дразни меня!

Чарли не мог оторвать взгляда от удаляющейся высокой костлявой фигуры. Выходит, у Манфреда появился новый дар? Неужели он становится похожим на Борлата, старшего сына Алого короля? Ведь тот даже умел убивать своим огнем. Чарли решил обязательно поделиться с остальными этой новостью.

* * *

На следующий день Фиделио предложил чем-нибудь отвлечь Билли, чтобы они могли спокойно поговорить обо всем в классе живописи. Дело не в том, что малышу не доверяли, просто отсутствие слишком многих одаренных могло вызвать ненужные подозрения.

Чарли явился на место встречи последним. Он едва сумел выскользнуть из спальни во время спора Фиделио, Билли и Брайна по поводу преимущества крыс перед хомячками.

Он вошел и увидел, что ребята сидят на полу перед высоким окном, выходящим в сад. От посторонних глаз их скрывала одна из картин Эммы, подробно и точно изображавшая птицу. И очень красивую птицу, как заметил Чарли при свете фонаря «молния», принесенного Лизандром.

— Оливия рассказала нам о стене, — сообщил Лизандр, когда Чарли уселся рядом с ним.

— И о пчелах, — с усмешкой добавил Танкред.

— Они спасли мне жизнь! — признался Чарли.

— Теперь мы будем присматривать за тобой, Чарли! — ~ сказал Габриэль.

Лизандр прихватил с собой блокнот и предложил сейчас же составить график дежурств при Чарли, чтобы на переменах он никогда не оставался один.

— Начнем завтра. С первой же перемены. — Он открыл блокнот и наверху первой страницы написал «Четверг».

— Зандр, — нерешительно произнес Чарли, — меня не это беспокоит.

— А должно бы беспокоить! — заметил Танкред.

— Знаю, знаю. Конечно, я немного напугался, но на самом деле я волнуюсь за маму. Мне обязательно нужно достать зеркало Аморет. Если я его не достану, то я… я…

— Что — ты? — осторожно подтолкнула Эмма.

— Я боюсь, что тень заберет ее из нашего мира. Граф, как и я, может перемещаться. С помощью зеркала. Он уже околдовал маму. Она забыла лицо отца. Ее почти не бывает дома. В последнее время, даже когда мы оба дома, она смотрит сквозь меня, будто я — пустое место!

Друзья были так потрясены, что Чарли даже пожалел о сказанном.

— Я это сделаю! — сказала наконец Оливия.

— Что сделаешь? — спросил Лизандр.

— Достану это зеркало, — горячо заверила Оливия.

— Ты даже не знаешь, где оно, — усомнился Танкред.

— Где бы ни было. Скорее всего, оно там же, где он. Разве нет?

Вполне здравое рассуждение.

— Чарли говорил, что граф Харкен — новый владелец «Империи». А я знаю, что прежний владелец жил в сказочной квартире на крыше магазина. Так что, наверное, и граф живет там.

— И что ж ты будешь делать? Стащишь зеркало прямо у него из-под носа? — поинтересовался Танкред. — Но для начала надо попасть в этот пентхаус, который небось и днем и ночью охраняется парочкой крутых парней.

— Нечего смеяться, Танкред Торссон! — вспыхнула Оливия. — Уж конечно, я дождусь, когда граф уйдет, чтобы его и близко не было. Он же должен будет в какой-нибудь из выходных пригласить маму Чарли покататься на этом сумасшедшем лимузине!

— И ты собираешься проделать это на виду у всей «Империи»? — усомнился Чарли.

— Так ведь в магазин я пойду с мамой! — Серые глаза Оливии азартно заблестели. — Ей подобные приключения очень нравятся. У нее в последнее время на сцене такие паршивые роли! А тут мы здорово повеселимся! Правда-правда! Продавцы из кожи вон лезть будут, чтобы только угодить ей! А пока они кланяются да отталкивают друг друга, я и проскочу наверх!

Некоторое время стояла тишина: все обдумывали предложенный Оливией план.

— Думаю, это неплохая идея, — высказалась наконец Эмма.

Все согласились было с ней, но тут выступил Лизандр:

— Есть еще одна сложность. Если удастся стащить зеркало» куда ты его денешь?

— Заберу к себе домой. Мы с Чарли можем встретиться у меня.

— Я думаю, нам всем стоит быть где-то поблизости от магазина, — заметил Лизандр и вопросительно взглянул на Танкреда и Габриэля.

Габриэль энергично кивнул.

Все повскакали и затрясли затекшими ногами, но Лизандр никого не отпустил, пока не составил расписание дежурства при Чарли. Он расписал каждую минуту каждой перемены.

Чарли чувствовал себя немного неловко. Неужели он сам не может о себе позаботиться? Хотя, с другой стороны, приятно знать, что, выйдя из академии, он ни на минуту не останется один.

План Оливии был чреват опасностями. Того и гляди, в чем-нибудь ошибешься. Тем не менее, чем ближе к выходным, тем выше у Чарли поднималось настроение. Все должно получиться!

Никто не знал, как поступить с Билли. Ему, конечно, не хотелось на выходные опять оставаться в академии. Но если вспомнить о замороженной Мейзи в ванной комнате и маме, запутавшейся в колдовских сетях, сейчас дом Чарли был для малыша не лучшее место. И к тому же никто не мог придумать, чем таланты Билли могут способствовать в похищении. Он только будет путаться под ногами.

— Он может остаться у меня, — заявила Эмма. — Мне кажется, в «Империи» и от меня тоже не будет слишком много пользы.

Билли очень обрадовало известие о том, что он проведет выходные у мисс Инглдью. Там нет собак, из-за которых нервничал бы Босх. Зато есть уточка, с ней можно поговорить. А Эммина тетя просто великолепно готовит.

* * *

В одиннадцать тридцать Эми Бон вышла из своей комнаты. Чарли не услышал бы легких шагов, если бы не караулил ее специально. Как только она ступила на первую ступеньку, он вышел на лестничную площадку.

При виде мамы он буквально онемел. На ней было меховое пальто, а волосы гладкие и блестящие, словно шелк. В каждом ухе висело по огромной жемчужине, а ногти покрыты ярко-зеленым лаком. Сердце Чарли опять екнуло, когда он увидел, что

обручального кольца на ее пальце нет. На его месте сверкал огромный изумруд.

— Мам, куда ты? — сдавленным голосом спросил он.

— Просто пойду прогуляюсь, — ответила она, спустившись на вторую ступеньку; из-за высоких каблуков она двигалась неловко.

Чарли спускался за ней следом, но она молча вышла из дому и даже не оглянулась. Чарли вбежал в кухню и с мрачным видом стал наблюдать в окно, как золотистый лимузин отчаливает от крыльца. Некоторое время он в смятении топтался возле окна, а потом вспомнил об обещании позвонить Оливии, как только мама уйдет.

— Да? — отозвался звонкий голосок.

— Мама ушла, — сообщил Чарли. — С… с… — Он так и застыл с открытым ртом, потому что из гостиной выплыла бабушка Бон. — Я и не знал, что вы дома, бабушка Бон.

— Кому это ты звонишь?

— Алло! Алло! — надрывалась в трубке Оливия. У нее был очень громкий и отчетливый голос (вот что значит заниматься на театральном отделении!). — С кем она ушла?

— Это моя подруга Оливия. Я просто спрашиваю, не могу ли я прийти к ним позавтракать, потому что мама ушла, а дома, я думаю, не так уж много еды, — объяснил Чарли бабушке, прикрывая трубку рукой.

— Правильно думаешь.

Чарли почти вплотную придвинул трубку к губам:

— Гм… как я уже сказал тебе, мама уехала на потрясающей машине. — Он улыбнулся бабушке Бон. — Так я могу прийти к вам на завтрак? Бабушка Бон, она стоит рядом, разрешила.

— Приходи-приходи! — чуть ли не закричала Оливия. — Мы с мамой готовы.

— Тебе лучше надеть пальто, похоже, будет снег, — заметила бабушка Бон, удаляясь обратно в гостиную.

Дядя Патон был извещен о предстоящей авантюре. И хотя его беспокоило, что могут возникнуть непредвиденные опасности, все же, по его мнению, попытаться стоит.

Чарли сунул голову в комнату Патона.

— Мама ушла с… Ну, вы знаете с кем! Пока все системы работают нормально, — доложил он.

* * *

Миссис Карусел решила надеть обтягивающее красное кожаное пальто и черные сапожки на высоких каблуках. Красный

бархатный берет и большая золотистая сумка дополнили наряд. Выглядела она сногсшибательно. А вот Оливии не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. Сегодня она сыграет роль маленькой скромной девочки. Поэтому она надела джинсы и темно-синее шерстяное пальто. При этом Оливия не забыла вернуть волосам их природный каштановый цвет. Одним словом, получилась вполне благопристойная школьница.

— У тебя мобильник с собой? — спросила миссис Карусел, подходя к «Империи».

— В кармане, — ответила Оливия.

— Звони в случае малейшей опасности.

— Конечно.

— Ах, это так увлекательно! — сообщила миссис Карусел швейцарам и улыбнулась им так блистательно, что оба опрометью кинулись открывать перед ней двери.

Оливия с миссис Карусел окунулись в сладкие запахи, бархатный мрак и невероятную толчею.

— Распродажа! — воскликнула миссис Карусел. — Прекрасно, Лив! Давай начнем с шарфов, хорошо?

Оливия двинулась следом за матерью вдоль разноцветного ряда шарфов.

Миссис Карусел принялась изображать самое большое удовольствие. Она пересмотрела все губные помады — от нежнейшей розовой до самой бордовой.

— Я хочу, чтобы шарф сочетался с каждым оттенком, — пояснила она продавцу. — А шарф должен быть из натурального шелка, не очень широкий и не слишком длинный. И надеюсь, за полцены! — Она взмахнула наклеенными ресницами.

Воспользовавшись тем, что возле матери сгрудились, ворча от нетерпения, шикарно одетые покупательницы, Оливия выскользнула из толпы и пробралась к лифту. Она вскочила в него, когда двери уже закрывались. Там стояла пожилая пара в коричневых пальто и мягких фетровых шляпах. Оба улыбнулись девочке.

— Тва? — осведомился мужчина.

— Тва? — не поняла Оливия.

— Два, второй, — поправила мужчину пожилая дама. — Он всегда ошибается. У меня английский лучше.

— Нет, спасибо, не второй.

— Тли? Четыле? — спрашивал мужчина, водя пальцем по панели с кнопками.

— Игрушки, — сказала Оливия.

— Ах, иглушки, — вздохнул мужчина.

— Быстрее, Герман! Выходим. Бай-бай.

Пожилая пара кое-как выбралась из лифта.

Женщина помахала тонкой ручкой, а мужчина с несчастным видом все что-то бормотал про «иглушки».

Оставшись одна, Оливия нажала кнопку, на которой не было никакой цифры, и лифт поплыл на самый верх. Когда двери открылись, Оливия сначала просто выглянула. В нескольких ярдах от нее сидел огромный мужчина и читал газету. Ноги у него тонули в море черного меха, тянувшегося до самого конца коридора. На белой двери рядом с мужчиной висела бронзовая табличка с надписью «Нобль».

Оливия соображала быстро. Дверь лифта уже начала закрываться. Она нажала на кнопку снова. Когда дверь опять открылась, послышался громкий птичий щебет. Мужчина что-то проворчал, отбросил газету и устремился в конец коридора, где вокруг вмонтированного светильника порхала невесть откуда взявшаяся птичка.

Оливия, пригнувшись, выскочила из кабины и рысью понеслась к двери с табличкой. Дверь оказалась незапертой. Девочка проскользнула внутрь и осторожно прикрыла ее за собой.

По щиколотку погрузившись в белый мех, Оливия оглядывала удивительные апартаменты. Одним взглядом охватив и покрытый ослиной шкурой диван, и столики из слоновой кости, и птичьи чучела, она спохватилась, что у нее не так уж много времени, чтобы глазеть по сторонам.

Из гостиной вели куда-то две двери. Оливия толкнула ближнюю. Перед ней открылся большой стенной гардероб. Вся одежда в нем была либо из меха, либо зеленого цвета. Здесь было зеркало, но не старинное, а большое, во всю стену. Оливия отступила от шкафа. Вторая дверь вела в более многообещающее помещение. Там в центре, под плотным, расшитым вручную балдахином, стояла огромная кровать на четырех ножках. Вид у нее был старинный, прямо-таки многовековой.

Интересно, как можно спать на такой постели? Кровать выглядела настолько необычно, что, задайся Оливия целью создать иллюзию ложа, такое она даже не смогла бы себе представить. В комнате обнаружились еще большой черненый сундук и столик у окна, старинные предметы, попавшие сюда явно не без помощи колдовства.

В углу стояло огромное деревянное кресло с резной спинкой и широкими подлокотниками, побитыми молью и источенными древогрызами. Оно тоже было очень старым. Такие кресла Оливия видела только в музее.

Но где же граф прячет зеркальце? Хотя, возможно, он с него не спускает глаз. На столе пусто. Оливия подошла к кровати. Под

подушками ничего. И под крахмальными белыми простынями тоже. Она перешла к комоду. Начав сверху, она один за другим стала вытаскивать ящики.

Пусто, пусто, пусто. У Оливии упало сердце. Встав на колени, она попробовала выдвинуть нижний ящик. Он заскрипел, затрясся, когда она дернула его за ручку, но открылся совсем чуть-чуть. Она сунула руку и пошарила в ящике. И вдруг рука на что-то наткнулась, на что-то гладкое, плоское, у самой задней стенки. Осторожно, не спеша она кончиками пальцев подтянула это поближе и извлекла из ящика.

Вообще-то, стоит ли удивляться тому, что вы нашли то, что и ожидали найти? И в том месте, где предполагали? Но Оливия была прямо ошеломлена находкой. Ей пришлось еще посидеть на корточках, несколько раз глубоко вздохнуть и только потом взяться за изучение того, что лежало у нее на коленях.

Зеркальце. Старинное. Овал стекла, если это можно назвать стеклом, в изящной золотой оправе. Причудливый узор по золоту: листья, птички, крошечные пляшущие существа с желтыми глазками. Овальная ручка из серебра и золота. Взяв зеркало в руку, Оливия почувствовала, как все ее тело пронизало трепещущее тепло. Она медленно поднесла зеркало к лицу, но в глади его ничего не отразилось. «И что же, я вампир?» — невольно подумала Оливия. Она еще раз искоса заглянула в зеркало — с тем же результатом.

Вместо отражения там клубился легкий туман. Как ни старайся, в нем ничего не удавалось рассмотреть. Вспомнив об опасности, Оливия задвинула ящик обратно, а зеркальце сунула во внутренний карман пальто. Теперь предстояла инсценировка с охранником. Оливия решила: чтобы отвлечь его во второй раз, нужно придумать что-то более драматичное, чем птичка. И придумала поднимающиеся от черного ковра клубы дыма, не забыв прибавить к ним запах горелого меха, хотя представления не имела, каким он должен быть, это запах.

Пройдя на цыпочках по апартаментам, она приложила ухо к двери и спустя некоторое время услышала проклятия и торопливые шаги. Затаив дыхание, она немного приоткрыла дверь, выскользнула наружу и тихо затворила ее за собой. Иллюзия дыма получилась отменной. В дальнем конце коридора охранник топал ногами по черному ковру. Но едва дым пропадал в одном месте, как тут же появлялся в другом.

Оливия кинулась к лифту и нажала кнопку. Лифт оказался занят. Она нажала еще раз. Еще раз. И еще. А охранник как раз решил передохнуть, почесал в затылке и посмотрел в ее сторону. Оливия вжалась в дверь лифта так, что почти слилась с ним. В

этот момент с легким металлическим лязгом двери раздвинулись, Оливия вскочила в кабину и немедля нажала кнопку первого этажа.

— Эй! — вскрикнул охранник.

Но Оливия уже ехала вниз. На ее счастье, лифт спустился до самого низа, ни разу не остановившись. С небрежным, даже легкомысленным видом она поспешила к матери. Несмотря на толпу, найти мать благодаря ярко-красному пальто было нетрудно. Она все еще торчала возле отдела косметики. Когда Оливия добралась туда, то увидела прилавок, заставленный пудрой, кремами, помадами, тушью для ресниц, щетками, кисточками, какими-то баночками и бутылочками.

— Мама, пойдем, — дернула маму за рукав Оливия.

Миссис Карусел повернулась и увидела встревоженное лицо дочери:

— Хорошо. — Она скорбно улыбнулась продавцу. — Извините, это не совсем то, что мне надо. Большое спасибо.

Оливия потянула мать к выходу, а продавец растерянно озирал учиненный хаос.

— Удалось? — поинтересовалась миссис Карусел.

Оливия кивнула.

Они вышли на улицу и нос к носу столкнулись с мисс Кристалл, которая — виданное ли дело? — держала за руку Джошуа Тилпина.

— Мисс Кристалл, не так ли? — Миссис Карусел ослепительно улыбнулась. — На распродажу бриллиантов? А это кто? — Она улыбнулась Джошуа.

— Один из учеников, — небрежно ответила мисс Кристалл. — Его зовут Джошуа Тилпин. Меня попросили в школе купить ему новую рубашку.

— Не дороговатый ли магазин для маленького мальчика? — заметила миссис Карусел, кивнув на мраморные колонны «Империи».

Мисс Кристалл сделала вид, что не расслышала.

— Бедный парнишка, — вздохнула миссис Карусел. — Он так жалко выглядит.

— Не верь его виду, мама. — Оливия взяла мать за руку. — И давай скорее.

Чарли ждал на ступеньках возле их двери. Едва увидев встревоженное, но улыбающееся лицо Оливии, он сразу понял, что дело выгорело.

— Мы налетели на мисс Кристалл с Джошуа, — сразу выложила Оливия, как только они вошли в прихожую. — Они могут нас заподозрить. И мне кажется, меня видел охранник.

— Будем надеяться, нет. А можно посмотреть зеркало? — попросил Чарли.

— Да, давайте, а то мне прямо не терпится, — Миссис Карусел повесила пальто на вешалку и подтолкнула детей к гостиной.

Не успела Оливия достать зеркальце, как в дверь громко постучали. И тут же за высоким, от пола до потолка, двустворчатым, так называемым французским окном замаячили две фигуры.

Миссис Карусел вскрикнула.

— Спокойно, мама, — успокоила ее Оливия. — Это Танкред и Лизандр. Они пришли помочь.

— И очень вовремя, — добавил Чарли.

В дверь опять так забарабанили, что звук разнесся по всему дому.

КОЛДУН И ОДАРЕННЫЕ

Больше всего на свете Танкред с Лизандром любили сложные задачи, драки и всевозможные состязания. Им не надо было даже видеть незваных гостей, ломившихся в двери дома миссис Карусел, чтобы понять, кто это. Тем более что грохот сопровождался яростным лаем.

— Ротвейлеры, — сообщил Лизандр.

— Моры! — с явным предвкушением ухмыльнулся Танкред.

Подняв руки, он поглядел на небо, и в ту же секунду на землю обрушился такой ливень, словно в облаках распахнулись шлюзы.

Оливия открыла французское окно, и Лизандр заскочил в комнату. Дождь продолжал поливать. Танкред стоял под водопадом и через мгновение уже оказался едва не по колено в воде, а молнии метались по ухоженной лужайке Каруселов.

— Его ударит! — закричала миссис Карусел. — Кто-нибудь, уведите его оттуда!

— Его ударить не может. Он сам повелитель погоды, — успокоил ее Лизандр.

Оливия побежала в кухню, окно которой выходило на улицу. Из него она увидела топтавшихся на крыльце братьев Мор, с трудом справлявшихся со своими ротвейлерами. Насмерть перепуганные грозой, псы рвались с поводков.

Наконец братья с проклятиями покинули крыльцо. Впавшие в истерику псы стремительно удалялись от дома. На концах поводков болтались их хозяева.

Оливия бегом вернулась в гостиную.

— Убрались восвояси! — объявила она.

— О, хорошо! — воскликнула миссис Карусел, всегда быстро приходившая в себя, особенно если ничего плохого не случалось. — Теперь можете позвать светленького мальчика, и мы съедим по булочке.

— Боюсь, еще ничего не кончилось, миссис Карусел. Приход братьев — сущий пустяк по сравнению с тем, что может произойти, — возразил Лизандр.

— Если ты говоришь о колдуне, то и он не заставит меня отложить чаепитие! Давайте-ка сообразим завтрак, а? — с замечательным спокойствием объявила миссис Карусел.

— Если вы не возражаете, я есть не буду. Мне очень хочется посмотреть зеркало, — тихо сказал Чарли.

— На, пожалуйста! — Оливия выдернула из кармана зеркальце и хвастливо помахала им перед Чарли.

— О небо! Какая красота! — воскликнула миссис Карусел.

— Потрясающе! — Лизандр уставился в стеклянную гладь. — Но это же не зеркало! Я не вижу своего отражения!

— Ой, как хорошо, а то я уже решила, что я вампир! — обрадовалась Оливия.

— Можно? — протянул руку Чарли.

— А что ты с ним будешь делать? — Оливия отдала ему зеркало.

— Пока не знаю, не думал еще. Мне только хотелось забрать его у графа. Впрочем… Я хотел бы ненадолго остаться с ним наедине. — Чарли взглянул на туман, клубившийся за стеклом.

— Конечно, Чарли. — Оливия отвела его в свою комнату, усадила на кровать, пожелала удачи и ушла, плотно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд Чарли просто боялся заглянуть в зеркало. Он закрыл глаза и буквально услышал слова, сказанные дядей Патоном: «Загляни в зеркало, и появится тот, кого ты больше всего хочешь увидеть. Если хочешь найти его, то загляни еще раз, и зеркало приведет тебя к нему, где бы он ни был».

— Но я не могу вспомнить его лица, — вздохнул Чарли. — Помогите мне. Кто-нибудь.

Вдруг он почувствовал, что кто-то гладит его по руке. Оказалось, по рукаву карабкается бело-серебристый мотылек, его моль. Она перепорхнула на золотую рамку и легко коснулась зеркала серебристым крылышком. Туман стал рассеиваться.

— А как мне вспомнить? — тихо спросил Чарли.

Вспомни, что сумеешь, — ответили ему.

Чарли мысленно вернулся в то время, когда еще не жил на Филберт-стрит, и ему вспомнилась светлая кухня. Он очень маленький, потому что подол маминой юбки вьется возле самого его лица. Она напевает что-то под музыку, доносящуюся из комнаты. Чарли уходит из кухни, проходит прихожую, толкает дверь и направляется к стройным ножкам громадного рояля. Белые занавески вздымает легкий ветерок, залетающий в окно. За роялем спиной к Чарли сидит человек с длинными, до ворота, темными волосами. Пальцы его летают над клавишами, но, когда Чарли обходит вращающийся стул, человек перестает играть и наклоняется к нему.

— Привет, Чарли, — говорит он.

Потрясенный узнаванием, Чарли чуть не потерял сознание. Он видел этого человека! И не один раз. Он разговаривал с ним всего неделю назад и не знал, что это его отец!

Но в это время лицо отца начало таять и Чарли закричал:

— Отправь меня к отцу!

Зеркало повиновалось.

Теперь он оказался в другой комнате — в музыкальной комнате академии Блуров. Но рояль молчал, потому что пианист сидел, уронив голову на сложенные на клавишах руки.

— Папа! — крикнул Чарли и тронул человека за плечо. — Это я, Чарли!

Темные глаза уже не смеялись. Они были пустыми и усталыми.

— Ты все спишь? Ты должен вспомнить меня! Я никогда не переставал о тебе думать. Никогда. Пожалуйста, постарайся вспомнить. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Пожалуйста… — Чарли тряс отцовское плечо изо всей силы.

— Больше ничего не осталось. Уходи, — не поднимая головы, еле слышно произнес человек.

У Чарли вырвался крик. Такого крика он никогда не слышал. А потом лицо отца стало исчезать, а его самого потащило обратно. Его крутило в воздухе, переворачивало вверх тормашками, волокло на спине. Он снова взглянул в зеркало, там опять мерцал туман, и больше ничего. Лицо, которое он только что видел, исчезло окончательно.

Чарли шлепнулся на кровать. Перед ним стояла Оливия с зеркалом в руках.

— Чарли, ты так страшно кричал! — Она пристально смотрела ему в лицо. — Я подумала, тебя напугало зеркало, и забрала его у тебя.

Чарли поморгал.

— Ты видел отца?

— Да, Лив, и думаю, он почти умер.

Чарли был так слаб, что Оливия его едва расслышала.

— Умер? — переспросила она. — Ты сказал, умер?

— Почти.

В этот момент дом затрясся от оглушительного грохота.

— Он здесь! — Встревоженный Чарли кинулся к окну.

Танкред был там уже не один. На другой стороне сада стоял высокий незнакомец в сверкающей зеленой мантии. Его густые волосы отливали золотом, а нос напоминал ястребиный клюв.

— Он не похож на тень, зато очень похож на колдуна, — заметила Оливия.

Чарли не успел ответить, потому что в это мгновение Танкред выкинул перед собой руку и ослепительная дуга сорвалась с его ладони в сторону человека в зеленом. Колдун перехватил сверкающую ленту и в тот же миг послал ее обратно, тем самым отделив себя от повелителя погоды. Но Танкред уже успел сотворить пелену белого света, саваном окутавшую колдуна.

Чарли с Оливией беспомощно наблюдали, как граф выступил из пелены и послал узкую полосу огня над самой травой. Лента завилась вокруг Танкреда, и тот упал на колени, не в состоянии даже пошевелить рукой.

Колдун с улыбкой двинулся вперед.

— Нельзя ему это позволить! — закричал Чарли и рванулся от окна.

Но Оливия дернула его обратно.

— Смотри отсюда! — приказала она; — В этот момент в промежуток между колдуном и Танкредом метнулась какая-то фигура и прикрыла Танкреда.

— Это Габриэль! — не поверил собственным глазам Чарли.

Оливия прижалась носом к оконному стеклу:

— Что это на нем?

— Это же плащ Алого короля! Он принадлежал семье Полсо! — ахнул Чарли. — Колдун не сможет прикоснуться к нему.

Огненные ленты, извивавшиеся вокруг Танкреда, вдруг упали на землю и одна за другой погасли.

С яростным ревом чародей кинулся на Габриэля, но вдруг резко остановился, как будто налетел на стену. Не закрывая рта, он тянул руки к мальчику, но дотянуться не мог.

— Мы победили! — немного преждевременно обрадовалась Оливия.

Колдун перевел взгляд на нее и перенес атаку на дом. Зазвенело разбитое стекло, и Чарли с Оливией опрометью кинулись вниз по лестнице. Они ворвались в гостиную, где остолбеневшая миссис Карусел смотрела на разбитое окно. А из сада на нее глядели зеленые глаза колдуна.

— Извините, миссис Карусел, — сказал Лизандр и отдернул ее от окна. Не внимая протестам, он силой увел ее в кухню. — Вам лучше оставаться здесь. — С виноватой улыбкой он заставил ее сесть на пол. — И неплохо было бы запереть дверь.

— Да не хочу я запираться и оставаться в стороне! — возмущалась она.

Прошло не больше секунды, и из гостиной донесся еще более громкий звон.

— Вот видите? Пожалуйста, держите дверь закрытой. — Лизандр схватил за руку Оливию и тоже толкнул на пол, рядом с матерью.

— Эй, ты чего? — завопила возмущенная Оливия.

— Здесь ты будешь в безопасности, Лив, — заступился за Лизандра Чарли.

— А еще безопаснее тебе будет без зеркала! — Он выхватил у

нее зеркальце и услышал на лестнице хруст разбитого стекла под чьими-то подошвами.

Чарли уже спиной чувствовал взгляд колдуна. Рука, державшая зеркало, задрожала.

«Я не боюсь! Я не позволю ему прийти», — твердил он про себя.

Боишься. И я приду!

У Чарли было такое ощущение, что этот ужасный голос звучит прямо у него в голове.

«Нет, не боюсь!» И он повернулся лицом к колдуну.

В конце длинной, отделанной изразцами прихожей стояла темная фигура. Чарли вгляделся в сумрак. Это он? Или он опять превратился в тень?

— Отдай зеркало, и я никому не причиню вреда, — прозвучал уже другой голос, ласковый и убедительный. — Тебе оно совершенно не нужно, Чарли. Ты ведь можешь перемещаться, куда захочешь, и без него.

Чарли сделал шаг в сторону тени.

— Нет! — прошипел Лизандр. — Это обман!

Он бросился на середину прихожей и начал вертеться, быстро, еще быстрее, и в то же время что-то бормоча на непонятном языке. Когда он остановился, Чарли услышал барабанный бой, с каждым мгновением становящийся все громче.

— Духи моих предков, — возвестил Лизандр.

Чарли подумал, что, в общем-то, помощь ему не нужна. Он и сам сильный, сам сможет прогнать это ничтожество, зеленого колдуна.

Чарли еще пододвинулся к тени. А барабанный бой все нарастал и, наконец, загремел прямо в прихожей.

— Что это? — вроде бы удивился чародей. — Музыка? Вы что, танцевать здесь собрались, дураки?

Яркая вспышка доказала Чарли, что стоявшая перед ним тень совсем не так уж слаба. В свете этой вспышки каждая деталь колдовского наряда обрела четкость: темно-зеленая мантия, украшенная золотым узором и жемчужной каймой, ремень с железными заклепками, меч в украшенных драгоценными камнями ножнах.

— Отдай, пока не поздно! — потребовал колдун.

— Ни за что! — Чарли спрятал зеркало за спину.

Вдруг барабанный бой смолк, и в полной тишине появились темнокожие люди в белых накидках, вооруженные блестящими мечами, ножами и боевыми топорами.

— Ого!

Колдун выхватил меч и со свистом метнул его на кафельные

плитки пола. Пол задрожал, а между плитками начали прорастать острые как бритвы шипы. Лизандр с Чарли безуспешно пытались удержаться за стены, но пол ходил ходуном и вздымался так сильно, что мальчики упали на колени.

— Держись, Чарли, — прохрипел Лизандр.

Воины в белых накидках махнули своим оружием над самыми плитками. Пол перестал трястись, и ужасные шипы поникли, как увядшие цветы. Чарли с Лизандром поднялись на ноги и привалились к стене.

Следующий вопль колдуна был таким пронзительным, что Чарли зажал уши руками. Зеркальце выскользнуло у него из руки, но Лизандр успел подхватить его. А затем началась настоящая битва.

Колдун метал в приближавшихся духов то лед, то огонь. Он вызвал тучи змей и скорпионов, чудовищного великана, саблезубого тигра и даже двухголового дракона, но духи предков без труда справились с ними.

Оливия с мамой не смогли удержаться и чуть-чуть приоткрыли кухонную дверь. Картина битвы в собственной прихожей привела миссис Карусел в полное изумление. Интересно, обретет ли прихожая когда-нибудь вновь жилой вид?

Наконец колдун с гневными воплями начал отступать. К моменту своего исчезновения он превратился в слабую, дрожащую копию того, кем он был в начале сражения.

— Не обольщайся, Чарли, не думаю, что он смирился с поражением, — предупредил Лизандр.

Духи предков Лизандра начали исчезать. Лишь отдельные серебристые вспышки напоминали о том, что здесь только что сверкали мечи.

Когда Танкред и Габриэль прошли через разбитые французские окна, миссис Карусел решила, что все должны угоститься спагетти, поскольку горячих булочек для такого праздника маловато.

После завтрака мальчики помогли убрать осколки. Миссис Карусел сказала, что у нее есть знакомый стекольщик. Хотя, может быть, о незваном госте есть смысл заявить в полицию.

— Нет смысла, мама, — возразила Оливия. — Полицейские с ним не справятся. Колдуны не по их части.

Чарли решил забрать зеркало домой, хотя и не очень понимал, что с ним делать. Может быть, отдать Скорпио? Во всяком случае, без зеркала граф не сможет забрать маму из этого мира.

Радость победы окрылила Чарли, и он потерял бдительность. Вот уж кого он меньше всего ожидал увидеть, покидая дом

Каруселов, так это Джошуа Тилпина.

Какое-то мгновение Чарли удерживал зеркальце обеими руками, но затем колдовская сила вырвала его у него.

— Нет! — теряя самообладание, закричал Чарли.

Раздался громкий звон, и Джошуа наклонился, чтобы подобрать зеркало. Чарли бросился к нему, но появившаяся откуда-то мисс Кристалл преградила ему дорогу.

— Зеркало Аморет никогда не будет твоим, — вперив в мальчика голубые глаза, сказала она.

Танкред и Лизандр уже гнались за Джошуа.

— Они его догонят! — ожесточенно выкрикнул Чарли.

Мисс Кристал покачала головой.

— Сомневаюсь, — весело заявила она и легкой походкой неторопливо пошла прочь, как будто все это было просто игрой.

— Вы ведьма! — крикнул ей вслед Чарли.

Мисс Кристалл свернула за угол.

Друзья Чарли тоже исчезли из виду.

— Ох, и дурак же я! Дурак! Дурак! — Чарли даже топнул ногой по ступеньке.

— Откуда тебе было знать? — попробовала его утешить Оливия. — Да и вообще, кто же знал, что подвернется эта мелкая тварь?

— Я обязан быть все время начеку. — И Чарли стукнул себя кулаком по лбу. — Что же теперь делать?

— Танкред с Лизандром большие, — попыталась успокоить их миссис Карусел. — Они обязательно поймают эту пигалицу.

И они стали ждать. Только минут через двадцать Чарли увидел, что Габриэль и Танкред топают обратно. Они выглядели совершенно измученными. Чарли сразу понял, что зеркало они не добыли.

— Мы гнались за ним до самого парка и чуть-чуть не схватили, — оправдывался запыхавшийся Танкред. — Но в это время из-за деревьев вышел какой-то зеленый тип, выхватил у него зеркало и словно испарился.

— Граф постарается воспользоваться зеркалом как можно скорее, — с несчастным видом произнес Чарли. — Возможно, мама уже ждет его. Она ведь даже не понимает, что делает. Может быть, пока я дойду до дому, она уже пропадет.

— Держись, Чарли, — сказал Габриэль. — Зеркало треснуло, когда упало. Я слышал. Может, оно больше не действует?

— Я тоже слышала, — подхватила Оливия и взяла Чарли за руку. — Не отчаивайся, Чарли. Если зеркальце разбилось, значит, тень не сможет перемещаться.

— Может быть, — уныло согласился Чарли.

Они договорились попозже встретиться в «Зоокафе». Нужно придумать, что делать дальше. Когда мальчики уже уходили, Чарли обратил внимание, что Габриэль тащит большую сумку. В суматохе все забыли про плащ Алого короля.

Чарли резко остановился.

— Габриэль! Плащ, который был на тебе, это… это…

Остальные тоже остановились.

— Да, Гейб, ты же не успел ему рассказать, — напомнил Танкред.

— Мне дал его папа, — с неловкой улыбкой ответил Габриэль. — Он сказал, что эта штука может пригодиться. Плащ уже тыщу лет хранится в нашей семье.

— И что, Гейб, плащ тебе что-нибудь рассказал? — оживился Чарли.

— Ну, в общем-то, да. — Габриэль взглянул на часы. — Ой, мне надо бежать. Меня ждет мама.

Чарли тоже отправился домой.

В номере девять стояла жутковатая тишина. Чарли поднялся наверх и постучал в дядюшкину дверь.

— Входи, Чарли.

Патон поверх очков смотрел на племянника:

— Добыл?

Чарли налетел на продавленное кресло дяди Патона и прямо упал в него.

— Мы его добыли. А потом потеряли, — признался он.

— Что? Как? Объясни, пожалуйста. — Дядя Патон крутнул кресло от стола к Чарли.

Чарли в подробностях описал невероятные события, но, когда дошел до самого главного, голос у него задрожал. Он даже не удержался от слез.

— Так ты видел отца? — Патон вскочил. — И ты утверждаешь, что все это время он работал в академии учителем музыки под именем мистер Пилигрим? Кому же пришла в голову такая изуверская мысль держать его под самым нашим носом?

— Я подозреваю, Манфреду, — печально ответил Чарли. — Или Иезекиилю. Представляете, я разговаривал с собственным отцом и не знал, что это он! Представляю, как они потешались над нами!

Патон вдруг оживился:

— Не расстраивайся, Чарли. Мы вытащим его оттуда.

— Вы, кажется, не понимаете, дядя Патон. Отец даже не знает, кто он. Он совсем слабый, словно полумертвый. Что толку, если он выйдет оттуда и узнает, что мама пропала? — Чарли прерывисто вздохнул. — Сначала надо спасти маму.

— Идиот, вот кто я такой! — сунув руку в карман, вдруг заявил Патон. — Заклинание! Как же я забыл? — Он вытащил из кармана клочок пергамента.

— Заклинание?! — с сомнением переспросил Чарли.

— На, читай. — Дядя Патон сунул ему в руки бумагу.

Чарли смотрел на черные каракули Скорпио. Он прочел текст раз-другой, а потом, чтобы получше вникнуть в смысл, начал читать вслух.

> Если ищешь короля, загляни в лес, потому что он скрывается там.
>
> Его нынешние одежды — осенняя листва, его слезы — зрелые плоды,
>
> Красной кровью они стекают и вовек не иссякают.
>
> Пусть дети его детей, десять числом, моложе двадцати, встретятся в согласии
>
> И трижды обойдут, соединившись пальцами,
>
> Вокруг короля, вокруг, вокруг, пока его слезы не станут опять прозрачными.
>
> Слезы, которые омоют заблудшие души,
>
> Уберегут их и приведут домой.

— Звучит так, будто король — это дерево, — не отрывая глаз от пергамента, произнес Чарли.

— Без сомнения, — согласился дядя Патон.

— Скорпио нашел это заклинание в дневниках Бартоломью, но как оно попало туда?

— От кого-то из потомков человека, который помог королю стать тем, кем он сейчас является, — предположил Патон.

— Вы и в самом деле думаете, что заклинание поможет папе?

— Но это все, что у нас есть. И потом, взгляни на слова:

> Слезы, которые омоют заблудшие души, Уберегут их и приведут домой.

— Но нас только семеро. А здесь сказано, что должно быть десять.

— Я уже думал об этом, — сказал дядя Патон. — Для начала прибавь свою маленькую китайскую подружку.

— Нерен! — воскликнул Чарли. — Она уже тыщу лет не посылала мне сообщений! Я найду ее.

— А еще нужно найти короля, — заметил дядя.

СОВА В ОПАСНОСТИ

Чарли хотел немедленно пуститься на поиски Нерен, но дядя Патон остановил его, предложив сначала все спокойно обдумать. Колдун полагает, что победил. Мисс Кристалл, оказавшаяся ведьмой, разоблачила себя, так что теперь ей будет трудно открыто, не таясь, предпринять что-нибудь еще.

— Я считаю, тебе пока ничего не грозит. Противник думает, что ты побежден. И никто ничего не заподозрит, если ты не будешь слишком суетиться. Иди, и во что бы то ни стало, найди Нерен. Но не спеши. И если сумеешь, попытайся держать себя так, будто ты совсем пал духом. А когда найдешь Нерен, пригласи ее в «Зоокафе» завтра к четырем часам.

— Не сегодня? — удивился Чарли.

— Еще ничего не готово. Сначала необходимо найти короля. Помнишь, «Его нынешние одежды — осенняя листва»? Так что скорее всего это дерево с листьями красного или золотистого цвета. Когда все остальные деревья стоят голые, такое дерево, наверное, найти не очень трудно. Но легче всего искать его с высоты птичьего полета.

Чарли встрепенулся:

— Эмма! Она найдет дерево.

— Разумеется. Малышка Эмма, наша птичка.

— Значит, скорее всего король скрывается в лесу, — подвел итог Чарли.

— Деревья есть и в развалинах, и в стороне от леса.

Хмурый дядя Патон в глубокой задумчивости начал кружить вокруг своей, как всегда неубранной, постели.

Чарли подумал, как жаль, что из-за своего взрывоопасного таланта дядя Патон не может принимать более активное участие во всевозможных житейских делах, ведь он так любит брать на себя чужие заботы и командовать.

— Есть! — Дядя повернулся с торжествующим видом и постучал себя по лбу. — План.

Боюсь, мистеру Комшарру придется показать свою потайную дверь и другим ребятам, потому что только этим путем вы сможете незаметно добраться до руин. По потайному ходу под старой стеной.

— Мистер Комшарр никого туда не пустит, — засомневался Чарли. — Он боится, что плохие люди узнают о туннеле. А вдруг в кафе окажутся Моры?

— Придется уговорить нашего друга. Пообещаю держать это в тайне, — твердо заявил дядя Патон.

— А разве вы тоже пойдете, дядя Патон?

— Обязательно. И надеюсь, что другие родители пойдут тоже. Для поддержки, Чарли. Чем больше, тем лучше.

— У животных аллергия на мистера Торссона, они находят его слишком… беспокойным, — проникаясь духом предприятия, сообщил Чарли.

— Ну, значит, обойдемся без него. Интересно, удастся ли уговорить Юджи Веда? Вот он нам очень пригодился бы.

— Лизандр говорил, что судья сегодня дома.

— Я позвоню ему. И Муарам. Уверен, к такому делу они присоединятся. Тем более что у них целый зоопарк дома. — Дядя Патон потер руки.

— Мы можем позвать еще и Дореми! Знаю-знаю, Фидо не одаренный, но он всегда с удовольствием участвовал во всех наших делах, — подхватил Чарли.

— В самом деле, и Дореми. — Дядя Патон отбил пару тактов чечетки.

— И миссис Карусел. Мистер Карусел сейчас в Южной Америке, снимает очень важный фильм.

— Хм… а она не слишком шикарна, эта миссис Карусел? Не будет ли она привлекать излишнее внимание? — высказал сомнение Патон.

— Но она же актриса! Она может и нищенкой нарядиться! И еще Бартоломью Блур… — нерешительно добавил Чарли.

— Ну, это уж ты сам, Чарли, решай. У меня с ним связи нет. Ты, пожалуй, сейчас же отправляйся к Нерен и будь любезен быть здесь к пяти часам, иначе мне придется идти за тобой, несмотря ни на какие вспышки и взрывы.

Выходя из дому, Чарли ощущал такое воодушевление, что чуть не забыл о необходимости изображать удрученного и подавленного. И конечно, у него это не получилось, когда навстречу ему попались Бенджамин со Спринтером-Бобом. Чарли вскрикнул от радости.

— Ты куда? — спросил Бенджамин. — Можно и мне с тобой? Ну пожалуйста! Знаешь, мама с папой уже не работают у Блуров!

— Я догадался. Мне нужно кое-кого найти.

По дороге Чарли поймал себя на том, что болтает без умолку. А рядом с ним нервно подскакивал и иногда даже вскрикивал Бенджамин, глаза которого стали круглыми от рассказа Чарли.

К полудню небо потемнело. Сильные порывы ветра с ледяной крупкой били в лицо, и к тому времени, когда они добрались до моста, туман так плотно окутал ущелье, что противоположный берег едва угадывался. Торопясь, Чарли и думать забыл об опасном мостике.

— Оставайся здесь или подожди меня в кафе. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — предложил Бенджамину Чарли.

— А Спринтер запомнил дорогу! — отказался тот.

Пес меж тем уже рванул мимо них к мосту.

— Еще бы! — ухмыльнулся Чарли. — Ну тогда пошли.

Путь занял больше времени, чем предполагал Чарли. Опять мост был скользким от тумана, кое-где уже превратившегося в ледяную корку. Они шли очень осторожно, след в след: Чарли впереди, Бенджамин сзади. Оба крепко держались за ненадежные перила. Оказавшись на другом берегу, Спринтер-Боб привел их к домику на поляне. Они увидели Нерен, несущую в дом охапку дров. Она тоже увидела их, бросила дрова, подбежала к Чарли и крепко его обняла.

— Это Подсолнух, — представил ее Чарли Бенджамину. — А это мой друг Бенджамин, хозяин Спринтера-Боба.

Нерен пригласила их в дом, но тут открылась дверь и на пороге появился недовольный Бартоломью:

— Я же говорил, чтобы ты не приходил сюда! А ты еще вдобавок привел кого-то.

— Извините, сэр, я вынужден был прийти, потому что сообщения Нерен… — затараторил Чарли.

— Я велел ей прекратить. Ваши ночные переговоры насторожили тень, а я не хочу, чтобы ей стало известно наше убежище.

— Я так и думал. Но, мистер Блур, мне совершенно необходимо было прийти к вам. Видите ли, в ваших дневниках мы с дядей нашли заклинание.

— Какое еще заклинание?

Чарли достал из кармана пергамент и протянул Бартоломью. Во время разговора Бенджамин переминался с ноги на ногу и дышал на руки от холода. Но Бартоломью мальчиков в дом так и не пригласил.

— Я, конечно, приведу Нерен, — равнодушно выслушав рассказ Чарли и посмотрев листок, сказал он. — Ради твоего отца я сделаю все.

— И останетесь? Дядя Патон говорит, что если бы мы все собрались в «Зоокафе» вместе с родителями, это было бы очень хорошо, — уточнил Чарли.

Бартоломью возвратил Чарли пергамент.

— У твоего дяди слишком много идей. Ему бы воспользоваться ими много лет назад, тогда, может быть, твой отец не оказался бы там, где оказался.

— Не говорите так о моем дяде! Я верю ему больше всех на свете. А вы такой же злопамятный и неприятный, как и все в

вашей семье! Если не хотите помогать нам, ну и не надо. Мы и без вас обойдемся, — рассердился Чарли.

На лице Бартоломью последовательно отразились недоумение, гнев и потрясение. И наконец что-то вроде ужаса.

Но прежде чем он сумел вымолвить хоть слово, Чарли схватил Бенджамина за руку и потащил прочь.

— Ой, Чарли, как ты мог сказать такое? — шепнул ему Бенджамин.

— Сам не знаю. Просто он такой неприветливый. Надеюсь, я не испортил все дело, — признался Чарли.

Дойдя до ворот, Чарли оглянулся. Бартоломью исчез, а на крыльце стояла Нерен.

— Я обязательно приду, Чарли! — помахав рукой, крикнула она. — В четыре часа.

Мальчики помахали ей в ответ, а Спринтер-Боб даже дружески тявкнул.

На обратном пути через мост Бенджамин дважды поскользнулся на ледяной корке и один раз упал на колени, а потом, когда они уже почти добрались до берега, оступился и упал Чарли. Одной рукой он ухватился за перила, а за рукав его схватил зубами Спринтер-Боб.

— Фу-у! Хорошо, что с нами пошел Спринтер, — выползая на берег, произнес Чарли.

Они немного посидели у моста, но Спринтер-Боб рвался прочь: кто-то из них упомянул «Зоокафе», а ведь известно, что у миссис Комшарр всегда найдется для него что-нибудь вкусненькое! Правда, от ее объятий и поцелуев можно задохнуться, но все-таки это не такая уж высокая цена за угощение.

Когда мальчики оказались в Лягушачьем переулке, начинало смеркаться. Здоровяк Нортон уже запирал двери «Зоокафе», но Чарли окликнул его, и дверь открылась снова.

— Были ваши дружки, — потрепав Спринтера-Боба по голове, сообщил Нортон. — Они вас ждали-ждали и не дождались. Пора уже закрываться, Чарли.

— Ну, можно мы только на минуточку? — взмолился Чарли.

— Разве что на минуточку, — нахмурился Нортон. — А это еще что за вестник судьбы?

Чарли оглянулся и увидел шагающего к ним дядю Патона, в черных очках и большой черной шляпе. Он шел, стараясь не отрывать глаз от булыжной мостовой.

— Это мой дядя, — с облегчением объяснил Чарли.

— Тогда лучше выключить свет. — Нортон дотянулся до выключателя, и кафе погрузилось во мрак.

— А, вот ты где, Чарли! Ведь это ты, верно? Я ничего не могу разглядеть.

— Как и я, — не удержался здоровяк.

— Ох! — Патон даже подскочил, он ведь не видел, что за дверью стоит Нортон. — У меня очень важное дело к мистеру Комшарру, — с чувством собственного достоинства объяснил он.

— Я его позову. — Нортон отправился в темноту, и слышно было, как он натыкается на столы, а потом ахнул, налетев на прилавок. — Мистер Комшарр! — крикнул он. — К вам этот чудак из Блуров. Сами знаете какой.

Тонкая полоска света, пробивавшаяся из-под кухонной двери, тут же погасла, а чуть погодя появился мистер Комшарр с двумя зажженными свечами в высоком подсвечнике.

— Чем могу служить, мистер Патон? — спросил мистер Комшарр и, вглядываясь в темноту, сморщил усатое лицо.

— Добрый вечер, Орвил! Я… то есть мы… У нас к вам дело. Крайне важное. Надо кое-что обсудить, — откликнулся Патон и снял темные очки.

— Тогда лучше пройти в кухню. — Мистер Комшарр высоко поднял подсвечник, чтобы осветить гостям дорогу.

— Можно мне тоже? — скромно спросил Бенджамин.

Спринтер-Боб тоже внес жалобную ноту, разумеется в расчете на угощение.

— А, Бенджамин Браун! Я тебя и не заметил. — Дядя Патон довольно холодно взглянул на мальчика.

— Мои родители больше не шпионят на Блуров, — заторопился Бенджамин. — Мистер Иезекииль им ничего не заплатил, и папа с ним даже поскандалил, а мама сказала, что никогда больше не будет с ним разговаривать. То есть с мистером Иезекиилем, а не с папой.

— Очень рад это слышать. Конечно, можешь присоединиться к нам, — разрешил дядя Патон.

Потом они сидели в кухне, за щедрым столом Комшарров, пили чай и поедали ватрушки с лимонным вареньем. Спринтер-Боб тоже не обманулся в надеждах. Миссис Комшарр дала ему целую миску мясных обрезков, за которые псу пришлось, правда, перенести с десяток поцелуев. А вот что касается малышки Уны, то от нее он вытерпел довольно жестокое причесывание.

Дядя Патон сразу перешел к делу. Он подробно объяснил, почему необходимо воспользоваться тайным ходом в замок. Для пущей убедительности Чарли даже предъявил пергамент.

Комшарры слушали как завороженные. И когда все, что нужно, было сказано, мистер Комшарр удивленно покачал головой.

— Твои друзья, которые тебя ждали, тоже говорили о короле, но мы не всё поняли. Но этот кусочек пергамента, это заклинание все объясняет, не правда ли? Я еще никогда не отменял свои правила, но на один день можно сделать исключение. Все зависит только от того, насколько дети умеют держать рот на замке, — согласился Комшарр.

— Еще как умеют! — горячо заверил Чарли.

— Я считаю, что вам может пригодиться наша Уна. — Миссис Комшарр обняла и слегка потискала девчушку.

Малышка хихикнула:

— Перестань, пожалуйста, а то я уроню кусок.

Мистер Комшарр начал на пальцах пересчитывать друзей Чарли, бормоча под нос одно имя за другим:

— Даже с китаяночкой получается только девять. Где же взять десятого, Патон?

— Ох, я тоже не знаю, — вздохнул дядя.

В комнате повисло молчание. Даже Уна сидела тихо, поглядывая на суровые и сосредоточенные лица присутствующих.

Вдруг мистер Комшарр наклонился над столом:

— Мне, с позволения сказать, побольше двадцати, но я совсем маленький. Как вы думаете, мог бы я заменить десятого?

Все уставились на него.

— Можно попытаться, Орвил, — согласился дядя Патон. — Хоть убей, не могу представить, где нам найти еще одного потомка Алого короля, которому нет двадцати. — Он поднялся из-за стола. — Орвил, Онория, благодарим вас за гостеприимство. Мальчики, нам пора.

— Я, как всегда, получил огромное удовольствие, мистер Патон, — улыбнулся мистер Комшарр. — Но я чуть было кое-что не забыл. Девочка-птица, Эмма, говорила, что вечером она видела белую лошадь.

Патон нахмурился:

— Белую лошадь?

Мистер Комшарр пожал плечами:

— Она сказала, что эта белая лошадь должна знать, где король.

Чарли даже заерзал от нетерпения:

— Белая лошадь — это королева! Она всегда где-нибудь около короля.

Патон, оба мальчика и Спринтер-Боб вышли в Лягушачий переулок.

В гостиной девятого номера по Филберт-стрит горел свет. Уповая на то, что бабушка Бон смотрит телевизор, Чарли и дядя Патон в гостиную заходить не стали, а направились прямо в

кухню и зажгли несколько свечей.

— Лучше не говорить о завтрашнем, — предупредил Патон, выкладывая на тарелку бутерброды с ветчиной.

Чарли кивнул, налил себе стакан молока и сел к столу. Он настолько не ожидал увидеть фигуру в дверях, что даже вскрикнул и опрокинул стакан.

— Что ты… — Дядя Патон повернулся к дверям. — Эми? Это ты?

В кухню вошла мама Чарли. Даже при свечном освещении ее кожа выглядела белой, как снег. У нее были бесцветные волосы и всего лишь намек на голубизну в блеклых глазах. Призрачность ее появления подчеркивало длинное белое одеяние с тонкой серебряной полоской по подолу.

— Мам, а я думал, тебя нет дома. — У Чарли перехватило голос.

— Мистер Нобль сегодня очень занят, — улыбнулась она с отсутствующим видом. — Но завтра он собирался пригласить меня в какое-то удивительное место.

— Сделать тебе бутерброд, Эми? — громко спросил дядя Патон.

— Нет, спасибо. — Она крутила на пальце кольцо с огромным изумрудом. — Я не голодна.

— Ты выглядишь так, словно не ела уже несколько недель. — Патон надеялся, что резкий тон поможет ей вернуться к реальности.

Но мама Чарли только улыбнулась.

— Не говори глупости! Я выхожу замуж. Как вам это? — захихикала она.

Чарли замер с открытым ртом. Даже дядя Патон потерял дар речи. Они смотрели, как Эми вышла из кухни, слышали, как она поднимается по лестнице, а потом до них донесся щелчок дверного замка под самой крышей.

— Она даже не заглянула к Мейзи, — упавшим голосом произнес Чарли.

— Держись, мальчик дорогой. Завтра у Алого короля будет великий день. — Дядя Патон стиснул плечо племянника.

* * *

Неподалеку от Филберт-стрит, перед книжным магазином, стояли Эмма и мисс Инглдью. Похолодало, даже на булыжнике мостовой выступил иней. Над собором поднялась луна, и в темно-темно-синем небе засверкали первые звезды.

— Не хотелось бы мне, чтобы ты с этим связывалась, — сказала мисс Инглдью и положила руку на светлую головку Эммы. — Ну, будь осторожнее.

— Хорошо, тетушка. Габриэль говорит, что король — это дерево. Он понял это, когда надел королевский плащ. Сейчас я чувствую себя так… не знаю… волнение, возбуждение… что-то такое. Уверена, что найду его. — Эмма быстро поцеловала тетю. — Не беспокойся за меня. — И девочка побежала по узкой улочке, идущей от площади.

В темном углу, там, где у стены городской библиотеки растут два дерева, тихо-тихо стояла Эмма и представляла себе самую прекрасную из ночных птиц. Она решила принять облик совы. И вот пальцы начало покалывать, они постепенно превращались в крылья. Бурная радость охватила Эмму, когда они подняли ее в воздух. Она даже ухнула по-совиному.

Небо было спокойным, но не успела она взлететь, как ее настиг резкий порыв ветра. Проследив путь этого буйства, она обнаружила, что он начинается в окне верхнего этажа магазина «Империя».

Она села на подоконник и осторожно заглянула внутрь. За стеклом, утопая в белом меху, шагал взад-вперед человек в зеленой мантии. Эмма вздрогнула. Человек держал в руках зеркало в золотой, отделанной драгоценными камнями оправе. Но по зеркальному стеклу снизу доверху шла трещина. Человек остановился и оглянулся на разрисованную стену. Картина изображала очень странный ландшафт: огромные мрачные горы и неясные очертания высоких темных башен на них. «Место, где рождаются ночные кошмары», — подумала Эмма.

Человек повернул зеркало стеклом к картине и начал что-то монотонно бормотать. Потом он выругался и с размаху швырнул зеркало в стену.

Сова ухнула от изумления и отлетела от окна.

«Неужели он меня видел и понял, кто я?»

Эмма с трудом пробивалась сквозь жуткий ночной холод. Эта борьба отнимала у нее все силы. А приходилось еще остерегаться высоких деревьев и телеграфных проводов. Но вот наконец она летит над садом академии Блуров и видит внизу разрушенные стены замка. Только вдруг, вскрикнув от боли, она стала падать. В белоснежную шею совы ударил камень. Она упала на землю, распластав крылья и вывернув голову к небу.

В нескольких метрах от нее стояли Джошуа Тилпин и человек в черном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Джошуа держал в руке рогатку.

— Наш предок будет доволен, мама? — спросил Джошуа.

— Еще как. — Женщина откинула капюшон. Сова моргнула: Эмма узнала мисс Кристалл. Джошуа наклонился над птицей, и Эмма закрыла глаза.

Она ждала удара, но его не последовало. Вместо этого раздалось низкое рычание, а потом мягкий топот лап: рядом с ней приземлилось какое-то существо. Эмма почувствовала на спине теплое дыхание. А потом рычание стало угрожающим.

— Добрый зверь, подай нам сову! — приказала мисс Кристалл.

Зверь продолжал рычать. А когда Джошуа попытался двинуться, он перепрыгнул через сову и бросился на него. Мальчик испуганно заорал и пустился наутек.

Когда Эмма снова открыла глаза, мальчик и ведьма уже исчезли. Зато рядом, под деревом, сидел зверь. Очень страшный зверь с горбатой спиной и желтыми глазами.

— Аза? — слабым голосом позвала Эмма. — Аза, это ты?

Зверь тихо заскулил и убежал в подлесок.

Какое-то время Эмма лежала неподвижно. Когда же она попробовала пошевелиться, то обнаружила, что вовсе не ранена. Просто неожиданный и сильный удар сшиб ее на землю. Эмма поднялась, расправила крылья и снова взмыла в небо. Не отрывая от земли зорких глаз, она парила над развалинами, пока ее взгляд не привлекло какое-то движение. Внизу, на поляне, большими кругами носилась белая лошадь. Сова спикировала вниз и уселась на разрушенной стене поближе к лошади. Заметив птицу, лошадь резко остановилась и стала с подозрением и тревогой рассматривать сову. Эмма склонила голову:

— Ваше величество, мне нужна ваша помощь!

— Птенчик! — Королева потрусила к стене. — Рада тебя видеть. Чем могу помочь?

— Я ищу короля, — сказала Эмма.

— А ты его уже нашла!

Лошадь отступила в сторону, и Эмма увидела в центре поляны огромное дерево. На первый взгляд оно казалось темной и бесформенной башней, но в тот же миг начали проступать цвета, и дерево показалось Эмме поразительно красивым. Листва у него засветилась красным и золотым, и когда она зашелестела в ночном воздухе, то будто среди ветвей вспыхнул яркий свет. Из кроны волнами вдоль ствола вниз стали вырастать и укрупняться ветви. У самой земли, там, где ствол был толще всего, начали появляться ручейки темно-красного цвета.

Увидев эти ручейки, Эмма вздрогнула:

— Он ранен?

— Он оплакивает потерянных детей, — ответила королева. —

Тех пятерых, которые ушли и не вернулись.

Эмма взъерошила свои перышки. Очень хотелось надеяться, что найдется лекарство от королевской печали.

— Будет ли король здесь завтра? — спросила она. — Моим друзьям нужна его помощь.

— Король будет здесь, — пообещала королева.

— Спасибо, ваше величество. — Эмма взлетела и закружила над королевой. — Мне нужно идти. Тетя беспокоится.

— Конечно. — Королева подошла поближе к дереву. — Лети домой, птенчик. Береги себя.

КОРОЛЕВСКИЕ СЛЕЗЫ

В воскресенье в два часа дня мама Чарли вышла из дому. Золотой лимузин уже ждал ее.

Из окна своей комнаты Чарли видел, как мама садится в машину. Интересно, будет ли действовать разбитое зеркало? Может быть, это и помешает графу украсть маму?

— Чарли! Тебе звонят, — позвал от дверей дядя Патон и протянул мальчику мобильник.

Не успел Чарли еще приложить телефон к уху, как услышал громкий голос Габриэля:

— Чарли, ты хотел узнать про плащ, а сам так и не пришел в «Зоокафе».

— Я опоздал. Скажи, Гейб, ты видел дерево?

— Да, листья у него светятся так ярко, как будто они горят.

— Я знаю.

— Знаешь? — Кажется, Габриэль был разочарован.

— Я нашел заклинание. Хотел тебе рассказать, да опоздал.

Вдруг послышался такой сильный удар, что Чарли чуть не выронил телефон.

— Извини, хомячок удрал. Все. Увидимся в четыре!

— Пока… — Чарли отдал мобильник дяде. — Габриэль видел дерево!

— Тогда все окончательно решено. — Дядя Патон сунул телефон в карман.

— А почему нам не пойти прямо сейчас? Зачем надо ждать до четырех? — Чарли просто сгорал от нетерпения.

— Закат, — напомнил дядя Патон. — Кроме того, не забывай, что в деле участвуют и другие. Кстати, возьми-ка это. — Он протянул мальчику небольшую стеклянную бутылочку.

— Зачем?

— Мало ли, на всякий случай.

— Дядя Патон, пожалуйста, перестаньте говорить загадками. — Чарли забрал бутылочку и сунул в карман.

— Видишь ли, Чарли, это заклинание… Все-таки мистеру Комшарру уже очень хорошо за двадцать, поэтому все может получиться не совсем так, как мы надеемся. Или не получиться вовсе. Так что береги эту бутылочку. Для слез.

Следующий час Чарли провел в тревожном ожидании. В конце концов он не выдержал и забарабанил в дядину дверь:

— Дядя Патон, может, уже пойдем?

Из ванной комнаты высунулась бабушка Бон и пожелала узнать, по какому поводу суета. Чарли совсем забыл о бабушке, и

ее неожиданное появление так его поразило, что он даже начал заикаться:

— И… извините, бабушка. Просто мы с дядей собрались погулять.

— Днем — с Патоном? Не говори глупости! — заявила бабушка Бон.

Дядя Патон открыл свою дверь:

— Он не говорит глупости. Мы собрались в парк.

— Тогда вы их будете делать. Кстати, я устроила, что Мейзи заберут, — ответила нежная сестра.

— Заберут? Куда? — закричал Чарли.

— Мне надоело, что она занимает ванну, — ответила бабушка Бон.

— Гризелда! Как ты смеешь так говорить?! Она же замечательный человек. Что ты устроила? Рассказывай немедленно! — заорал Патон.

— Ой, какие мы важные! — фыркнула бабушка Бон. — Если тебе так уж хочется знать, то мистер Уидон согласился завтра прийти и забрать Мейзи. Он принесет похоронный мешок с молнией, чтобы не капало на пол, а потом вынесет ее… — бабушка Бон выдержала драматическую паузу, — куда-нибудь!

Дядя Патон остолбенел, от гнева он сжимал и разжимал прижатые к груди кулаки.

— Пойдемте, дядя Патон! Пойдемте же! — Чарли дернул дядю за рукав.

Но прежде чем выйти из дому, Чарли принес в ванную белую моль. Мотылек тут же сел на замороженные кудри Мейзи.

— Береги ее, Пальтушка, — попросил он моль.

Но атмосфера в кафе здорово подняла ему настроение. Все столики были заняты, кафе гудело. Комшаррам приходилось туго, им еще не случалось обслуживать столько гостей сразу. Они не успевали наливать чашки и заново наполнять миски для тех животных, которые нуждались в диете, — одним словом, крутились за прилавком так, что только ветер в ушах свистел.

Огромное семейство Дореми заняло целый стол. Как заметил Чарли, они даже принесли с собой музыкальные инструменты.

— Мы подумали, что неплохо бы развлечь всех, пока вы будете делать то, что… ну, ты сам знаешь, — поклонившись вошедшим, сказал Фиделио.

— Отличная идея, — одобрил Чарли, оглядывая кафе. — Что-то я никого из Моров не вижу.

— Я слышал, у них неприятности с собаками, — ответил Фиделио и повернулся к самой младшей сестре, которая начала играть на трубе. — Подожди, Майми. Пожелай сначала Чарли

удачи!

— Удачи тебе, Чарли Бон! — хором пропела вся семья Дореми.

Несколько посетителей повернулись, чтобы взглянуть на Чарли.

Он покраснел, поспешно отошел от стола Дореми и сел между Бенджамином и миссис Браун.

— Даже папа Лизандра пришел. Видишь, у него на голове сидит Гомер? — показал Бенджамин.

Это произвело на Чарли впечатление, особенно когда судья дружески кивнул дяде Патону. Если других посетителей и удивлял столь высокопоставленный гость, то виду они не показывали. Во всяком случае до появления Танкреда с родителями. Едва в дверях появился мистер Торссон, как по кафе пронесся такой ветер, что все животные тут же попрятались кто куда.

— Извините, — пророкотал мистер Торссон. — Ничего не могу с собой поделать!

Он сел рядом с судьей, с которым был знаком. А его жена уселась с миссис Вед. Танкред устроился на одном стуле с Лизандром.

Билли разделил столик с Муарами, а Босх сидел в центре стола, невероятно гордый тем, что несколько хомячков оказывают ему такое большое внимание.

Миссис Карусел поразила всех своим даром перевоплощения. На ней был седой парик и неказистый коричневый прорезиненный плащ. И лицо бледное, без макияжа. В таком виде ее невозможно было узнать, хорошо еще, около нее сидела Оливия. Мисс Инглдью даже удивилась, когда поняла, кто уселся рядом с ней.

— Я и не знала, что вы со всеми успели поговорить, — шепнула мисс Инглдью Патону, когда он сел по другую сторону от нее.

Патон подмигнул и на мгновение сжал ее руку.

Чарли очередной раз оглядел кафе, он искал Нерен. Но ее все не было. Он бросил отчаянный взгляд на дядю и покачал головой.

— Что-то случилось? — старческим дискантом спросила миссис Карусел.

— Я полагаю, Чарли хотел сказать мне, что кто-то, на чье появление он очень рассчитывает, еще не пришел, — ответил Патон. — Однако меня это не удивляет.

Тем не менее дядя Патон сам не сводил глаз с двери, и вдруг выражение облегчения и удивления появилось на его лице. В кафе входил Бартоломью Блур, а следом за ним Нерен и ее мама.

Бартоломью сразу увидел Патона. Да и вряд ли кто-нибудь мог бы не заметить человека в темных очках и на голову выше любого из присутствующих.

— Патон, позвольте представить вам мою жену Мин и дочь Нерен! — подойдя прямо к Патону, произнес путешественник.

Патон поднялся и пожал всем руки.

— Кроме того, мне хотелось бы извиниться. Чарли заставил меня взглянуть на себя самого со стороны, и я хочу, чтобы вы знали: я нисколько не похож на свою родню, — неловко продолжил Бартоломью.

— Конечно, — ответил Патон и обеими руками стиснул руку Бартоломью.

— А что предполагается делать нам, пока дети будут заняты… *делом?* — понизив голос, спросил Бартоломью.

— Ничего. Просто быть начеку. — Патон взглянул на часы и обратился к Нерен: — Подойди, пожалуйста, к Чарли и сообщи ему, только тихо, что уже пора. Потом пойдешь с ним за прилавок. Он знает, что делать дальше.

— Да, мистер Юбим, — нетерпеливо улыбнулась в ответ Нерен. Она подлетела к Чарли и шепнула ему на ухо: — Пора!

Чарли с Нерен направились к прилавку. По дороге Чарли шлепнул по плечу Танкреда и Лизандра. Оба мальчика сделали вид, что ничего не заметили, и лишь спустя какое-то время поднялись из-за столов. И, следуя за другом, по пути толкнули Билли и Габриэля.

Кухня Комшарров постепенно наполнялась одаренными детьми.

Уну мистер Комшарр напоил настоящим ромашковым чаем, поэтому она была спокойнее остальных, хотя ее темные глазенки и блестели от предвкушения.

Чарли заметил любопытные взгляды, брошенные на Нерен, и поспешил ее представить остальным.

— У нее совершенно поразительный дар, — добавил он.

Когда все собрались, мистер Комшарр прочистил горло и сказал маленькую речь:

— Мы все знаем, зачем собрались здесь. Но прежде чем отправиться, я хочу сказать, что сейчас покажу вам то, что в течение нескольких веков оставалось в тайне. Это туннель, известный лишь моей семье. Ну, еще Чарли и Билли знают о нем. Он ведет в замок. Я бы очень просил вас сохранить это в секрете. Даете слово?

— Да, сэр, — раздался дружный хор голосов.

— Спасибо. Тогда мы с Уной показываем дорогу, а вы следуйте за нами. — Он взял со стола фонарь и направился к

небольшой дверце в дальнем конце кухни.

— Извините, а все ли знают, куда мы придем? — вмешался Танкред.

— Да, — спокойно ответила Эмма. — Там две стены, а между ними тропинка. Она тянется около полумили прямо, а потом начинает кружить и кружить по спирали, ну как ракушка улитки. Король находится на поляне, в самом центре.

Все выстроились в шеренгу. Мистер Комшарр открыл дверь. Чарли последовал сразу за ним и оказался в знакомой кладовой. Добравшись до пещеры, где мешок с картофелем прикрывал потайную дверь, они с мистером Комшарром подождали, пока все соберутся.

— Мы сейчас у входа в туннель, — понизив голос, объяснил мистер Комшарр. — Приготовьтесь. Там темно, сыро и душно. Идти придется долго, путь дальний. Лизандр, я предлагаю вам с Танкредом быть замыкающими. Когда войдут все, Лизандр закроет дверь. Готовы?

Все кивнули.

— Да, сэр, — ответил кто-то.

Мистер Комшарр отвалил от стены тяжеленный мешок. Показалась очень ветхая и низкая дверца. Мистер Комшарр достал из кармана ключ на золотой цепочке. Вставив в замок, он повернул ключ, и дверь с громким скрипом открылась. Потолок туннеля оказался чуть выше самого мистера Комшарра.

Подняв фонарь, мистер Комшарр взял за руку Уну и пошел вперед. Эмма шла следующей, поскольку именно она знала, что делать, когда все доберутся до руин. За Эммой двинулась Нерен, за ней Билли. Потом Чарли, за ним Оливия, Габриэль и Танкред. Лизандр шел последним.

О туннеле мистер Комшарр сказал правду, но там оказалось еще более темно, сыро и душно, чем можно себе представить. Габриэль закашлялся. Чарли сделал глубокий вдох и ухватился за мокрую стену. Оливия споткнулась о камень и, налетев на Чарли, упала.

— Я ничего не вижу, — простонала она.

— Зря ты помодничала и надела остроносые ботинки, — помогая ей подняться, заметил Чарли.

Фонарь качался далеко впереди, и те, кто шел последними, то и дело натыкались друг на друга. Чарли уже готов был поменяться с Оливией местами, когда к нему повернулся Билли и сунул в руку зажженную свечку.

— Передай в конец! У меня их пять штук, — сказал он.

Чарли протянул свечку Оливии, а она передала ее дальше.

Когда все свечи были розданы, туннель озарился неярким,

как будто лунным, светом. Дети почувствовали себя спокойнее. И воздух казался теперь свежее, и ноги ступали легче.

Наконец туннель вывел их в лес. Там росли тонкие березы, а прямо перед выходом из туннеля возвышались две стены.

— Не растягивайтесь! — скомандовал мистер Комшарр. — И теперь будьте особенно осторожны.

Начинавшаяся между стенами тропинка, казалось, уходит в заросли. Но вскоре деревья кончились, и дети оказались под открытым, подернутым облаками вечерним небом.

— Закат, — заметил Чарли.

И опять все замолчали. Слышны были только их шаги по древнему каменному покрытию. Когда дети начали описывать постепенно сужающиеся к центру круги, действительно напоминавшие панцирь улитки, у Чарли так гулко заколотилось сердце, что он вынужден был прижать его рукой.

— Уже скоро, — послышался сзади голос Эммы.

И действительно, скоро они были на месте.

Рядом с деревом их ждала королева. Она тихонько заржала, приветливо махнула головой и двинулась рысью навстречу им. А потом пошла прочь, оставив их наедине с королем.

Дети стояли перед огромным светящимся огненно-красным деревом и, подняв кверху лица, глядели на него широко открытыми глазами. Никто не мог сказать ни слова. Потом они увидели, как в нижней части ствола появились темные полосы. Все невольно сгрудились поплотнее и подошли ближе к дереву.

Чарли предстояло вспомнить заклинание — точно, слово в слово.

Он взял за руку с одной стороны Билли, с другой Нерен и начал бормотать заклинание. Остальные тоже взялись за руки, но, чтобы образовать круг, всем пришлось чуть пригнуться из-за низко растущих ветвей.

— Три раза вокруг короля! — шепотом проинструктировал Чарли. — Круг, круг и еще круг. Пока его слезы не станут прозрачными.

Дети начали двигаться по кругу. Все напряженно следили за кровавыми потеками на стволе.

Круг, круг и еще круг. Когда они описали три полных круга, Чарли сильно дернул Билли.

— Но мы уже сделали все три круга! — воскликнул малыш.

— Продолжаем! — Чарли был близок к отчаянию.

Королевские слезы остались такими же темными, как и прежде. Дети продолжали движение до тех пор, пока у некоторых не закружилась голова.

Тогда мистер Комшарр с печалью сказал:

— Это я виноват! Разве кто-нибудь поверит, что мне меньше двадцати лет?

Пустое место между Оливией и Эммой приковало к себе все взгляды. Дети так и стояли под деревом, а в стороне, закрыв лицо руками, всхлипывал мистер Комшарр. Небо стало затягиваться тучами. Под широкими, густыми ветвями потемнело, и дети уже с трудом различали лица друг друга. Но рук не отпускали, что-то их удерживало.

Внезапно на дальнем конце поляны закачалась и зашелестела высокая трава, хотя никакого ветра не было. Оттуда кто-то медленно крался к ним. Потом поднялся.

— Зверь, — дрогнувшим от страха голосом произнес мистер Комшарр.

— Аза, — еле слышно выговорил Чарли.

Темный горбатый зверь медленной, тяжелой поступью направился к кругу детей. Никто из них не тронулся с места. Он подошел и занял место мистера Комшарра между девочками. Эмма, хоть сердце у нее и колотилось в самом горле, положила руку на голову зверя. Оливия, глядя на Эмму, сделала то же самое.

Остальные с изумлением наблюдали, как зверь позволил девочкам запустить пальцы в длинную грубую шерсть. Круг снова замкнулся.

Не говоря ни слова, дети возобновили бег по кругу. Зверь бежал вместе с ними.

Чарли не отрывал глаз от изборожденного рубцами ствола. Кровавые слезы потекли быстрее. Они стекали на влажную землю и впитывались в нее.

Дети начали второй круг. Серая кора сочилась темными ручейками, у корней дерева уже образовалась небольшая лужица.

Начали третий круг.

На этот раз Чарли оторвал взгляд от страшных слез. Он думал о том, что они никогда не иссякнут, а будут течь до тех пор, пока хоровод не окажется по колено в темно-красной воде.

Слезы теперь текли очень быстро, в воздухе послышался гул, и ветви зашелестели. Легкий ветерок превратился в сильный, холодный, резкий ветер, от которого ветви дерева запели какую-то древнюю мелодию. Ветер обжигал детские лица, забирался под теплые куртки и пальто, ерошил волосы.

— Смотри, Чарли, смотри! — закричал Билли.

Но Чарли боялся взглянуть. На лицо ему шлепнулась тяжелая холодная капля.

— Смотрите! Смотрите! Смотрите! — закричали и другие.

Чарли перевел взгляд на крону. Оказывается, пошел дождь,

он стекал с ветвей и полз по серому стволу. Глубокие борозды на коре теперь были чистыми, как лед. Слезы, которые их омывали, стали прозрачной, чистой водой.

Дети опустили руки. Они смотрели сквозь ветви, и ветер осыпал их красными и золотыми листьями. По мере того как ветер срывал с дерева осенний наряд, открывалась промытая, сверкающая, словно серый жемчуг, кора. Листья плыли танцующими язычками пламени над стенами замка, над рекой, над домами. Красные и золотистые облака листвы накрывали крыши, сады, переулки и дороги, как будто в самый разгар зимы кто-то разостлал золотистый осенний ковер.

* * *

В роскошных апартаментах «Империи» Эми Бон в ужасе посмотрела на свой палец. Потом открыла окно, сдернула кольцо с изумрудом и выкинула его.

— Не-ет! — завопил колдун.

В комнату влетело целое облако яркой листвы и вынесло его за окно. Шар зеленого колючего перекати-поля облизывало алое пламя.

Эми глубоко вздохнула, закрыла окно и выбежала из «Империи».

В номере девять по Филберт-стрит в ванне очнулась бабушка Мейзи.

— Подумать только! — обратилась она к моли. — Кто это оставил окно открытым? — Она заметила, что ее всю засыпало листьями.

Листва проникла и в академию Блура. Ветер распахнул тяжелые двери главного входа, и листья ворвались в холл. Они взлетели по лестнице, закружились по коридорам, приклеились к стенам, проскользнули под каждую дверь.

— Хватит! Довольно! — стараясь увернуться от вихревого потока листьев, орал старый Иезекииль.

— В чем дело? — строго посмотрел на сына доктор Блур.

— А я откуда знаю? — Манфред схватил кресло с Иезекиилем, затолкал его в кабинет доктора Блура и закрыл дверь на задвижку. — Они до нас не доберутся, — сказал он и потер руки, вокруг которых посверкивали искорки.

На вершине Музыкальной башни мистер Пилигрим смотрел на танцующую за окном огненную листву. В памяти его вдруг забрезжили какие-то имена. Он напрягся, стараясь вспомнить их. У него было такое ощущение, будто он плывет по темной,

глубокой воде. Вдруг он увидел чье-то лицо.

* * *

Высыпавшие из «Зоокафе» взрослые и дети, разинув рты, смотрели, как по небу несется пламенеющий поток листвы.

Бартоломью Блур уже готов был уйти вместе со своей семьей, когда Чарли ухватил его за рукав.

— Спасибо, мистер Блур, — сказал он. — Заклинание нам помогло.

— Ты бы лучше сначала выяснил, что из этого всего вышло, а потом уж благодарил, — ответил Бартоломью.

— Да-да, конечно, но все равно спасибо и спокойной ночи!

И вдруг Бартоломью улыбнулся:

— Спокойной ночи, Чарли.

Он пошел прочь, а Нерен обернулась и на прощание помахала мальчику:

— Он не такой уж и плохой! Понял, Чарли Бон?

Пообещав друзьям позвонить в случае как хороших, так и плохих новостей, Чарли и дядя Патон отбыли к номеру девять на Филберт-стрит.

Едва завидев на подоконнике зажженные свечи, они сразу поняли, что в их доме произошли какие-то перемены. Бабушка Бон никогда не проявила бы такого внимания к брату. Чарли буквально взлетел по ступенькам крыльца. Дядя Патон шагал сзади.

На кухне Эми с Мейзи пили чай.

— Где вы пропадали? — Мама крепко обняла Чарли. — Я так извелась…

Он не стал спрашивать ее, где была она, зная, что этого она ему никогда не скажет.

— Очень рад видеть тебя, мама!

Мейзи успела испечь большой и очень вкусный бисквитный торт, что было подвигом для человека, температура которого всего час назад была более низкой, чем в морозильной камере хорошего холодильника.

Наконец Патон рассудил, что время настало.

— Эми, мы нашли твоего мужа, — взяв ее за руку, очень мягко, осторожно и ласково произнес он.

Эми прижала руки к груди:

— Лайелла? Как?

С помощью Чарли Патон рассказал все, что, по его мнению, ей следовало знать. Как Манфред загипнотизировал Лайелла. И

как с помощью зеркала Аморет Чарли нашел отца. Ни Патон, ни Чарли не упомянули о колдуне. Кроме того, оба, не сговариваясь, решили, что и о глубокой заморозке Мейзи лучше не говорить.

— Он проснулся? Что нужно нам делать? — спросила Эми.

— Думаю, он близок к пробуждению, — серьезно ответил Патон. — Но нужно сделать кое-что очень важное. В конце концов, сон длился десять лет.

Эми встала:

— Я должна пойти к нему. Сейчас же.

— Нет! — строго возразил Патон. — Пока нет. Лайелла загипнотизировали с двенадцатым ударом. Значит, нужно ждать полуночи. Соборные часы помогут разбудить его. Но есть и еще кое-что. — Он повернулся к Чарли и тихо спросил: — Королевские слезы у тебя?

— Да, — ответил мальчик.

— И вот еще что, Эми. — Патон взял ее за руку. — Могу ли я попросить тебя надеть твое обручальное кольцо?

Эми удивленно посмотрела на руку:

— А куда же оно делось?

Она побежала по лестнице в свою комнату.

Было уже десять минут двенадцатого. Бабушка Бон клевала носом перед телевизором, когда ее разбудил шум в прихожей. Она высунулась и обнаружила, что Эми и Чарли надевают пальто и сапоги. Опять пошел снег.

— Куда это вы оба на ночь глядючи? — строго поинтересовалась бабушка Бон.

— Мы нашли твоего сына, Гризелда, — выйдя из кухни, сообщил Патон.

Бабушка Бон сдавленно охнула и с ужасом воззрилась на брата. Рот у нее так и остался открытым, она ухватилась за дверной косяк.

Патон подошел к ней:

— Вы его очень хорошо спрятали. Прямо дьявольская хитрость держать его прямо под нашим носом! Впрочем, Эми с Чарли сейчас приведут его домой.

ЛЕОПАРДЫ!

Снег пошел еще гуще. Эми с Чарли спешили к академии.

Чарли поймал несколько снежинок:

— Настоящий снег. Это не фокусы Танкреда.

Эми рассмеялась:

— Давай, Чарли, побежим, а то нас совсем засыплет.

Они решили стучать в дверь до тех пор, пока Блуры не впустят их, но когда пересекли внутренний двор, то увидели раскрытые нараспашку высокие двери главного входа. По холлу носились листья, а на каменных плитах лежал снег. Сквозь цветные стекла часовни на двор падал свет. Кто-то играл на органе.

Взяв мать за руку, Чарли повел ее вокруг церкви к входу. Красная и золотая листва залетала в открытые двери; внутри церкви как будто порхали в воздухе яркие цветастые бабочки. В дальнем конце часовни играл на органе Лайелл Бон.

Мама Чарли побежала по проходу, выкрикивая имя мужа. Он поднял на нее глаза, но явно не узнавал. Чарли подбежал к матери и встал рядом.

Лайелл растерянно смотрел на них:

— Я вас знаю?

Соборные часы начали отбивать полночь. Чарли достал маленькую бутылочку, откупорил ее и протянул отцу.

Лайелл хмуро смотрел на нее:

— Это мне? И что прикажете с этим делать?

Чарли не был уверен. Он уже был готов вылить воду из бутылочки на руки Лайелла, как вдруг из-за органа выскочил кто-то и с торжествующим воплем выбил бутылочку из руки Чарли.

— Вот! — Манфред ногой поддал бутылочку. — Вот и конец твоей игре, Чарли Бон!

И вдруг улыбка сползла с его лица. Манфред с ужасом смотрел на кучи ярких листьев, которые каким-то образом превратились в трех огромных кошек. Казалось, будто их шубки испещрены тенями порхающих листьев, но, когда они приблизились, стало понятно, что это никакие не тени. Это были самые настоящие леопарды!

Взвыв от ужаса, Манфред пустился наутек, а за ним с оглушительным ревом погнались леопарды. Они выгнали его из церкви, потом со двора донесся ужасный вопль, один-единственный, и наступила тишина.

Лайелл стоял и тряс головой, как будто никак не мог понять, что происходит.

— Лайелл! Ох, Лайелл, неужели ты никогда не проснешься? — безжизненно произнесла Эми.

Чарли посмотрел на разбитую бутылочку. Ни одной капельки королевских слез не осталось.

Лайелл слабо улыбнулся. Вдруг его внимание привлек отблеск на влажном стекле. Он наклонился и поднял осколок, но порезал палец об острый край.

Лайелл охнул, сел и машинально сунул окровавленный палец в рот. Он ощутил очень странный вкус, что-то теплое, успокаивающее, бесконечно утешительное — и взглянул на стоявших перед ним. Одного человека он знал. И даже очень хорошо. А другой, должно быть…

— Чарли? — неуверенно спросил он. — Эми?

Чарли смотрел, как его родители бросились друг другу в объятия. Ему казалось, он мог бы так стоять и смотреть целую вечность. Но тут отец протянул ему руку…